

Александр Логвинов

**Спасти мир и
скоммуниздить огнедышку**

«Литнет»

2026

Логвинов А.

Спасти мир и скоммуниздить огнедышку / А. Логвинов —
«Литнет», 2026

Первого дракона украли в четверг. Подозреваемых оказалось трое: Эраст Акакиевич Кунилин, который никогда не берёт чужого без крайней необходимости; Тарас Ананиевич Тюлькин, у которого почему-то обнаружилось драконье яйцо; и московские инкассаторы, доставившие в Воронеж груз, отсутствующий во всех накладных, но способный изменить будущее. Следы похищения ведут в ВГТУ — Воронежский государственный технический университет, где экспериментальная установка открывает проход во время драконов и немножко до драконов. Там герои встречают Огнедышку — маленькую красную драконицу, умеющую жечь документы, нарушать причинно-следственные связи и самостоятельно выбирать хозяев. Правда, хозяйкой собственной судьбы она намерена остаться сама. Пока драконы из будущего пытаются уничтожить свою прародительницу, чиновники прошлого оформляют на неё право собственности, а загадочный Архивулкан охотится за инкассаторскими сумками, способными превратить доверие, память и свободу в обычный товар. Расследование поручают Мегрэ Артуровичу Пуаронову — детективу, который замечает даже те улики, которых ещё не существует. Чтобы спасти мир, друзьям придётся проехать на броневике через несколько эпох, сдать экзамен раньше основания университета, раскрыть преступление до его совершения и повернуть самое дерзкое похищение в истории. Ведь иногда вернуть свободу можно только одним способом — вовремя скоммуниздить огнедышку.

© Логвинов А., 2026

© Литнет, 2026

Спасти мир и скоммуниздить огнедышку

ЛОГВИНОВ АЛЕКСАНДР

СПАСТИ МИР И СКОММУНИЗИТЬ ОГНЕДЫШКУ

Юмористическое детективное фэнтези

Книга седьмая

Пролог

Ограбление, совершённое за несколько миллионов лет до появления собственности

Первого дракона украли в четверг.

Четвергов тогда ещё не существовало, поэтому преступление обнаружили значительно позже.

Не было также календаря, уголовного кодекса и специально обученного человека, который мог бы строго спросить:

— Где вы находились между сотворением мира и первым извержением вулкана?

Зато уже существовали подозреваемые.

Их было пятеро.

Первым был мужчина в помятом костюме, представившийся Эрастом Акакиевичем Кунилиным. Он утверждал, что не крал дракона, поскольку вообще не знал о его существовании.

Вторым был Тарас Ананиевич Тюлькин. Он заявил, что не совершал ничего противозаконного, а найденное при нём драконье яйцо приобрёл со скидкой у неизвестного пресмыкающегося.

Третьим оказался человек в сером пальто с большим количеством карманов. Он назвался Мегрэ Артуровичем Пуароновым и потребовал не трогать следы.

Следов вокруг не было. Земля ещё не успела затвердеть.

Четвёртым подозреваемым считался московский инкассатор Константин Сергеевич Броневиков. Он стоял возле бронированного автомобиля, наполовину погрузившегося в первозданную глину, и настаивал, что действует согласно маршруту.

Маршрут пролегал из Москвы в Москву и не предусматривал остановки за восемьдесят миллионов лет до открытия первого банковского счёта.

Пятой была огнедышка.

Она сидела на крыше броневика, жевала служебную инструкцию и делала вид, будто присутствует здесь совершенно случайно.

— Начнём с главного, — произнёс Пуаронов. — Кто видел момент похищения?

Все посмотрели на Тараса.

— Почему сразу я?

— Потому что у вас из кармана торчит хвост вещественного доказательства.

Тарас заглянул в карман. Хвост исчез. Из другого кармана показалась маленькая рогатая голова, чихнула пламенем и подпалила ему воротник.

— Это не доказательство, — сказал Тарас, прихлопывая огонь. — Это знакомство.

Огнедышка прыгнула на землю, подошла к большому камню и вывела на нём когтем:

«МЕНЯ НЕ КРАЛИ».

Подумала и дописала:

«Я САМА ИХ СКОММУНИЗИЛА».

Мегрэ Артурович снял шляпу.

— Господа, наше дело стало значительно хуже.

— Почему? — спросил Эраст.

— Потому что главная потерпевшая только что призналась в похищении подозреваемых. Вдалеке загремело. По небу, которого ещё не было, прошла огненная трещина. Из неё показались тысячи драконов.

Они летели из будущего, чтобы убить единственную прародительницу своего вида.

Огнедышка посмотрела на Эраста.

— Только не говори, что нам опять нужно спасать мир, — попросил он.

Она открыла пасть и выдохнула аккуратное огненное слово:

«ДВА».

— Что два?

Рядом с первым миром начал рушиться второй.

Тарас снял обгоревший пиджак.

— Хорошая новость, Эраст. В названии книги сказано про один мир. За второй нам должны доплатить.

За несколько дней до этого всё было почти нормально.

Именно поэтому никто не насторожился.

Часть первая

Высшее образование низшей опасности

Глава первая

Университет, который окончили не все эпохи

Письмо из Воронежа пришло утром.

Оно лежало на кухонном столе между сахарницей и предупреждением Маргариты Всеволодовны о том, что мужчина после сорока обязан носить шарф, даже если находится дома.

На конверте было написано: «Эрасту Акакиевичу Кунилину. Лично. Срочно. До позавчера».

— Уже опоздали, — обрадовался Эраст.

— Не факт, — сказала Вера. — В прошлый раз письмо пришло через триста лет после отправления, а отвечать пришлось немедленно.

Обратный адрес занимал четыре строки: «Российская Федерация, город Воронеж, Воронежский государственный технический университет, лаборатория прикладной хронодинамики, дверь, которой вчера ещё не было».

— ВГТУ, — прочитал Тарас. — Серьёзное учреждение. Там умеют сокращать четыре слова до четырёх букв. Значит, и с пространством справятся.

Мегрэ Артурович Пуаронов вскрыл конверт пинцетом. Внутри находилось приглашение опознать принадлежащий Эрасту предмет, поступивший из прошлого. Согласно записке, Эраст должен был потерять этот предмет послезавтра и потому обязан был взять его с собой.

Из конверта выпала чёрная чешуйка размером с монету.

— Драконья, — сказал Эраст.

— Не совсем, — возразил Пуаронов. — Она принадлежит существу, которое драконом ещё не стало.

На поверхности чешуйки проступили слова: «НЕ ДАЙТЕ МНЕ РОДИТЬСЯ».

— Поезд через сорок минут, — сообщил Тарас.

— Откуда ты знаешь?

— Купил билеты вчера. Они были дешёвые.

Мегрэ Артурович убрал лупу.

— Значит, преступление уже началось.

Глава вторая

Билет в один конец с возможностью пересадки в мезозой

В поезде Тарас немедленно занял нижнюю полку, верхнюю полку и нравственное превосходство.

Пуаронов разложил на столике письмо, чешуйку и третий билет, на котором вместо станции назначения значилось: «Немножко до драконов».

Проводница проверила документы и спросила:

— Чай, кофе, конец цивилизации?

— Три чая, — сказал Тарас. — Конец цивилизации у нас с собой.

За окном появился огромный летающий силуэт. Он несколько секунд шёл рядом с поездом, а затем исчез, оставив на стекле подпаленную надпись: «НЕ ВЕРЬТЕ ПРОФЕССОРУ».

Дверь купе открылась. На пороге стоял высокий худой мужчина в очках и с портфелем, перевязанным электрическим проводом.

— Профессор Хронопятов, Воронежский государственный технический университет. Рад, что вы получили приглашение.

Все посмотрели на надпись.

— Это не про меня, — сказал профессор. — У нас тридцать семь профессоров.

— Сколько занимается драконами? — спросил Пуаронов.

— Официально ни одного. Неофициально тридцать шесть. Один занимается отчётностью.

Глава третья

Лаборатория, на которую не выделяли финансирования

ВГТУ встретил их кирпичными стенами и вахтёром, который не пропускал прошлое без документа, удостоверяющего эпоху.

Лаборатория находилась за дверью с табличкой: «КАФЕДРА ТЕХНИЧЕСКИХ СИСТЕМ, КОТОРЫЕ ЛУЧШЕ НЕ ВКЛЮЧАТЬ».

Внутри стояла установка из медных колец, кабелей и старого лабораторного стола. На экране светилась надпись: «До первого дракона осталось 2 дня 14 часов 08 минут».

Рядом лежало большое серое яйцо.

— Вот предмет, — сказал профессор.

— Но это яйцо.

— Пока да. Потом неприятность.

Тарас постучал по скорлупе. Изнутри постучали в ответ. На яйце возникли слова: «ТАРАС ДОЛЖЕН ДЕНЬГИ».

— Не моё, — быстро сказал он.

За стеной завывала сигнализация.

— Рано, — заметил Хронопятов.

— Что именно?

— Ограбление.

Глава четвёртая

Инкассаторы прибывают раньше денег

Во двор университета въехал московский бронированный автомобиль. Из машины вышли старший бригады Константин Сергеевич Броневилов, водитель Семён Аркадьевич Наличных и инкассатор Ирина Павловна Пломбина.

Их маршрут начинался у московского хранилища, сворачивал в тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год и заканчивался возле лабораторного яйца.

В броневи́ке находились семь сумок, адресованных «ПЕРВОМУ ВЛАДЕЛЬЦУ ДРАКОНА».

Яйцо расколосось. На пол выпало красное существо с прозрачными крыльями. Оно чихнуло, подожгло скорлупу и забралось в броневи́к.

Все семь сумок исчезли.

— Груз утрачен, — сказала Ирина Павловна.

— Он переместился в дракона, — возразил Тарас.

Огнедышка икнула расплавленной пломбой.

Экран сообщил: «ВРЕМЯ ПРОИСШЕСТВИЯ ОТМЕНЕНО».

Пол исчез. Лаборатория, люди и бронированный автомобиль провалились назад во времени.

Глава пятая

Время драконов и немножко до драконов

Броневи́к упал на землю, которая ещё не вполне решила стать землёй. По небу плавали существа, не определившиеся, будут они птицами или облаками.

— Мы попали в додраконовую эпоху, — сказал профессор.

Красная огнедышка взобралась на капот и издала первый в истории драконий рёв. Он получился писклявым и закончился икотой.

Под землёй ответили тысячи голосов.

На холме появились воины в каменных доспехах. Их возглавлял хранитель времени Архивулкан Первый.

— Вы похитили Священную Огнедышку!

— Она сама к нам залезла! — ответил Тарас.

— Тогда вы похитили её доверие!

Пуаронов спросил, когда произошло преступление.

— Завтра, — ответил Архивулкан.

— Значит, задерживать нас сегодня рано.

Воины согласились подождать.

Земля стала прозрачной. Глубоко внизу спали тысячи нерождённых драконов, а между ними стояла лаборатория ВГТУ, заброшенная за миллионы лет до своего строительства.

— Наша лаборатория ещё не построена, — прошептал Хронопятов.

— Зато уже заброшена, — сказал Тарас. — Всё по графику.

Глава шестая

Первый протокол последнего происшествия

Инкассаторы начали составлять протокол на единственном бланке. Местом происшествия указали «Не установлено», временем — «Отсутствует», похищенным имуществом — семь сумок и одну огнедышку.

Пуаронов осмотрел пломбу и синюю нить от сумки.

— Пломба расплавлена снаружи, но нить разрезана холодным предметом. Огонь использовали, чтобы скрыть вскрытие.

Огнедышка написала мелом на капоте: «ВЫ ЗАДАЁТЕ НЕ ТЕ ВОПРОСЫ».

— Кто попросил тебя залезть в броневи́к? — спросил сыщик.

Она ответила: «БУДУЩИЙ ЭРАСТ».

Из красного чайника Пуаронова появилась записка, написанная рукой Кунилина: «Не расследуйте похищение. Если найдёте виновного, драконы никогда не появятся. P. S. Тарасу деньги не давать».

— Теперь у нас есть подозреваемый, — сказал Пуаронов. — Вы. Только старше, опытнее и, вероятно, ещё более уставший.

Глава седьмая

Дорога в город, которого пока нет

До подземной лаборатории отправились на броневике. Огнедышка написала на стекле своё имя: Горислава.

За горизонтом вырос город из чёрного камня. У ворот работал банкомат, отвечавший каменным людям: «НЕДОСТАТОЧНО ИСТОРИИ НА СЧЁТЕ».

Над входом висела надпись: «ПЕРВАЯ ИМПЕРИЯ. ОСНОВАНА ЗА ТРИ МИЛЛИОНА ЛЕТ ДО СОБСТВЕННОГО ОСНОВАНИЯ».

Архивулкан уже ждал героев у ворот, хотя другой Архивулкан всё ещё ехал позади.

В городе стоял памятник Эрасту, Тарасу, Пуаронову и взрослой драконице. На постаменте было высечено: «ОНИ СПАСЛИ МИР, УКРАВ ТО, ЧТО НИКОМУ НЕ ПРИНАДЛЕЖАЛО».

Пуаронов постучал по камню. Изнутри ответили семь раз — по числу пропавших сумок.

— Деньги здесь, — сказал Тарас.

— Нет, — возразил Пуаронов. — Здесь стучит тот, кто их украл.

Статуя открыла глаза.

И весь город одновременно повернулся к героям.

Глава восьмая

Памятник, которому не понравились оригиналы

Каменный Эраст первым сошёл с постамента.

Он поставил ногу на мостовую, размял плечи и посмотрел на настоящего Эраста с неудовольствием художника, которому показали неудачный эскиз.

— Я выше, — сказал каменный двойник.

— Ты на постаменте стоял.

— И увереннее.

— Ты из гранита.

— Это не оправдание.

Каменный Тарас прыгнул следом и сразу проверил карманы живого Тараса. Тот проверил его карманы в ответ. Оба остались недовольны результатом и заподозрили друг друга в сокрытии имущества.

Памятник Пуаронову не двигался. Он наблюдал.

— Почему ваша копия стоит? — спросил Эраст.

— Потому что хороший сыщик сначала позволяет подозреваемым совершить ошибку, — ответили одновременно живой и каменный Пуароновы.

Они посмотрели друг на друга.

Живой достал лупу. Каменный поднял каменную лупу, в которой ничего нельзя было рассмотреть, зато всё выглядело виноватым.

Из груди статуи Гориславы снова постучали.

Ирина Павловна Пломбина приложила ухо к камню.

— Семь коротких ударов, пауза, три длинных.

— Сигнал? — спросил Броневиков.

— Инкассаторский код аварийного вскрытия.

— Откуда вор знает код?

— Либо он инкассатор, либо слушал инструктаж.

Все посмотрели на Тараса.

— Я на инструктаже спал, — возразил он.

— Это алиби, — признал Пуаронов. — Слабое, но характерное.

Горислава приблизилась к каменной драконице. Та наклонила голову. Между их носами пробежала искра.

По статуе пошла трещина.

— Отойти! — скомандовал Броневилов.

Каменная грудь раскрылась. Внутри не было ни сумок, ни денег, ни вора.

Там находилась дверь.

На двери висела табличка ВГТУ: «АУДИТОРИЯ 404. ВХОД ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТИЙ ЗАПРЕЩЁН».

— Аудитории с таким номером у нас нет, — сказал Хронопятов.

— Ошибка? — спросил Эраст.

— Нет. Номер зарезервирован для помещений, которые не найдены.

Каменный Пуаронов впервые шевельнулся.

— Не открывайте, — предупредил он.

Живой Пуаронов взялся за ручку.

— Почему?

— Потому что я уже открыл.

Дверь распахнулась сама.

За ней шёл экзамен.

Глава девятая

Экзамен по дисциплине, которой ещё не существовало

В аудитории сидели тридцать студентов.

Одни были людьми. Другие имели крылья, хвосты или по две головы, причём вторая голова обычно подсказывала неправильно. За кафедрой стояла пожилая женщина в строгом костюме и держала журнал толщиной с государственную тайну.

— Опоздали, — сказала она.

— Мы не студенты, — ответил Эраст.

— Это выясняется после экзамена.

На доске было написано: «ТЕОРИЯ ПЕРВИЧНОГО ПРИСВОЕНИЯ ДРАКОНОВ».

Ниже стоял вопрос: «Если дракон никому не принадлежит, кто обязан отвечать за причинённый им ущерб?»

Тарас поднял руку.

— Тот, у кого есть деньги.

Преподавательница поставила в журнал пятёрку.

— Единственный практический ответ за последние три эпохи.

Ирина Павловна предъявила удостоверение.

— Мы ищем семь служебных сумок.

— В аудитории запрещено пользоваться сумками, подсказками и будущим.

— А прошлым?

— Прошрое разрешено. Им всё равно никто не пользуется правильно.

Пуаронов прошёл между рядами. У каждого студента лежал лист с одинаковым заданием, но ответы появлялись раньше вопросов.

В последнем ряду сидел Архивулкан. На этот раз молодой, без седины и посоха. Он старательно выводил: «Первый дракон должен принадлежать Империи».

— Вы знакомы с этим человеком? — спросил Пуаронов профессора.

— В нашем времени нет.

— А в вашем университете?

Хронопятов присмотрелся.

— Это Аркадий Вулканович Архивов. Он учился у нас двадцать лет назад. Его отчислили.

— За неуспеваемость?

— За слишком раннюю успеваемость. Он сдавал экзамены до объявления программы и требовал диплом до поступления.

Молодой Архивов услышал фамилию, схватил лист и бросился к двери в конце аудитории.

Броневилов преградил дорогу.

Студент вынул из кармана маленькое зеркало.

В зеркале отразился старый Архивулан с посохом. Отражение протянуло руку наружу, схватило Броневилова за ворот и отодвинуло его вместе с частью настоящего.

Архивов исчез за дверью.

На его столе остался разрезанный кусочек синей нити.

— Вот кто вскрыл сумки, — сказала Пломбина.

— Возможно, — ответил Пуаронов. — Но нить подбросил человек, желавший, чтобы мы так решили.

— Откуда вы знаете?

— Она лежит слишком удобно. Настоящая улика всегда прячется. Поддельная старается попасть в протокол.

Преподавательница закрыла журнал.

— Время вышло. Сдавайте работы и одного дракона.

Горислава прижалась к ноге Эраста.

Все двери аудитории исчезли.

Глава десятая

Пересдача с применением бронированного транспорта

— На каком основании вы требуете дракона? — спросил Эраст.

Преподавательница раскрыла журнал.

На первой странице стояла печать Воронежского государственного технического университета. На второй — герб Первой Империи. На третьей была фотография Эраста с подписью: «Сдал дракона добровольно».

— Я этого не делал.

— Пока.

— Тогда фотография поддельная.

— Фотографии не лгут.

Пуаронов наклонился к снимку.

— Лгут люди, выбирающие момент съёмки. У человека на фотографии четыре пальца.

Эраст пересчитал свои.

— У меня пять.

— Именно поэтому вам пока нельзя доверять.

Тарас подошёл к стене и постучал по ней.

— За стеной броневилов.

— Откуда знаешь?

— Он работает. Московский двигатель слышно даже в доисторической эпохе. В нём особая тоска по пробкам.

Семён Наличных прислушался.

— Наш. Холостой ход немного завышен.

Он достал ключ зажигания и нажал кнопку.

Снаружи взревел двигатель. Стена задрожала. Из неё осторожно показался передний бампер, будто автомобиль сначала хотел убедиться, что въезд разрешён.

— Семён, — сказал Броневилов, — это несущая стена.

— Уже нет.

Броневилов въехал в аудиторию. Студенты отодвинули парты, не прекращая писать экзамен. Две головы одного из них одновременно попросили подвезти до следующего века.

— Всем в машину! — приказала Пломбина.

Горислава прыгнула внутрь первой.

Преподавательница подняла журнал. Страницы вылетели и превратились в чёрных птиц. Они облепили двери, окна и радиаторную решётку.

— Задержать должников истории!

Тарас выглянул из люка.

— А срок исковой давности у вас есть?

Птицы замерли.

Преподавательница растерялась.

— Срок ещё не изобретён.

— Тогда изобретайте. Мы подождём в другом месте.

Наличных включил передачу. Машина пробила доску, пересекла нарисованную мелом схему эволюции и выехала через формулу, которая вела наружу.

Через минуту броневилов мчался по улицам Первой Империи.

Позади росло число Архивулканов.

Их стало семеро.

Каждый держал по инкассаторской сумке.

— Груз обнаружен, — сказала Пломбина.

— Нет, — возразил Пуаронов. — Обнаружены его изображения.

— Почему изображения?

— Настоящие сумки тяжёлые. Эти Архивулканы бегут слишком весело.

Глава одиннадцатая

Семь сумок без единой копейки

Броневилов остановился у здания, напоминавшего одновременно банк, крепость и деканат перед сессией.

Над входом было выбито: «ХРАНИЛИЩЕ НЕСЛУЧИВШИХСЯ ЦЕННОСТЕЙ».

— Наш груз там, — сказала Ирина Павловна.

— Прибор показывает другое, — возразил Хронопятов.

— Что?

Профессор повернул экран. Стрелка указывала на Гориславу.

— Все семь сумок находятся внутри неё.

Огнедышка возмущённо фыркнула и выпустила маленькое облако дыма в форме вопросительного знака.

— Она не могла их проглотить, — сказал Эраст. — Сумки больше неё.

— Внутренний объём дракона не обязан соответствовать внешнему, — пояснил профессор. — Иначе взрослые драконы никогда не смогли бы съесть столько рыцарей.

Броневилов открыл переносной сканер. Прибор подтвердил наличие семи пломб, но не обнаружил денег.

— Сумки внутри. Груза нет.

Тарас посмотрел на Гориславу с уважением.

— Молодая, а уже умеет отделять тару от содержимого.

Пуаронов положил перед драконицей три предмета: пломбу, синюю нить и чёрную чешуйку из письма.

— Что из этого принадлежит тебе?

Горислава коснулась чешуйки.

Она потемнела, выросла и превратилась в старую обгоревшую пластину.

— Это чешуя взрослого дракона, — сказал Эраст.

— Её взрослая чешуя, — уточнил Пуаронов. — Присланная ею самой из будущего.

Горислава кивнула.

— Зачем ты просила не дать тебе родиться?

Она написала когтем на пыльном крыле машины:

«ПОТОМУ ЧТО Я УЖЕ РОДИЛАСЬ».

— Убедительно, — сказал Тарас. — Второй раз действительно лишний.

Драконица продолжила:

«Я НЕ ПЕРВАЯ».

Профессор побледнел.

— Установка зарегистрировала её как первого дракона.

— Установка зарегистрировала первого предъявленного дракона, — сказал Пуаронов.

— Чиновник и прибор отличаются только наличием кнопки отключения.

На крыше хранилища возник огромный силуэт. Чёрная драконица расправила крылья. На её груди отсутствовала одна чешуя.

Она была взрослой Гориславой.

Маленькая огнедышка смотрела на неё снизу.

Две версии одного существа одновременно зарычали.

Между ними лопнуло время.

Глава двенадцатая

Дракон, который пришёл забрать себя

Взрослая Горислава спустилась с крыши. От каждого взмаха её крыльев дома становились старше на сто лет, а потом снова молодели, потому что город не имел разрешения на реконструкцию.

— Отдайте детёныша, — сказала она.

Это были первые человеческие слова, произнесённые драконом. Они прозвучали торжественно, низко и немного обиженно.

— Вы хотите забрать себя? — спросил Эраст.

— Я хочу исправить ошибку.

— Какую?

— Своё рождение.

Маленькая Горислава спряталась под сиденьем броневика.

— Она с вами не согласна, — заметил Тарас.

— В молодости я часто ошибалась.

— А сейчас?

— Сейчас я ошибаюсь обоснованно.

Пуаронов не смотрел на драконицу. Его интересовала тень взрослой Гориславы. Она падала не назад и не вперёд, а внутрь хранилища.

— Вы пришли не за собой, — сказал он. — Вы пришли за содержимым сумок.

Драконица выпустила струю огня. Пламя обогнуло Пуаронова, потому что он заранее встал там, где его не должно было быть.

— Там находились не деньги, — продолжил сыщик. — Что перевозили московские инкассаторы?

Броневигов посмотрел на Ирину Павловну.

Она молчала.

— Пришло время снять ограничение, — решил старший бригады.

Пломбина достала из внутреннего кармана маршрутный лист.

— Мы перевозили семь первоначальных ценностей.

— Каких именно?

— Доверие, меру, обещание, память, имя, право выбора и стоимость.

Тарас пересчитал на пальцах.

— Денег действительно нет.

— Деньги появляются, когда люди договариваются о стоимости, — сказала Пломбина.

— Сумки должны были доставить эти понятия в момент возникновения первого обмена.

— Но маршрут изменили, — понял Эраст. — Груз отправили к первому владельцу дракона.

— Без этих семи ценностей собственность превращается в захват, — сказал Пуаронов. — Архивулкан строит империю, где всё принадлежит тому, кто первым объявил себя хозяином.

Взрослая Горислава ударила хвостом по земле.

— Если ценности вернут людям, начнётся эпоха драконов.

— Почему?

— Потому что люди обменивают свободу на защиту. Драконы станут их оружием. Через тысячу лет мы сожжём половину миров.

— А если не вернуть?

— Люди сожгут их сами. Чуть медленнее и с большим количеством документов.

Эраст вздохнул.

— То есть хорошего варианта нет.

— Есть, — сказал Пуаронов. — Поэтому его тщательно скрывают.

Глава тринадцатая

Московское хранилище в доисторическом филиале

Дверь хранилища открывалась банковской картой.

Банковских карт ещё не существовало.

Тарас предложил свою скидочную карту магазина строительных материалов. Замок подумал, списал триста бонусов и пропустил их внутрь.

— Работает, — гордо сказал Тарас.

— У вас оставалось триста бонусов? — удивился Эраст.

— Теперь нет. Спасение мира постоянно разоряет.

В хранилище стояли пустые ячейки. На дверцах были написаны имена людей, которые ещё не родились. Ячейка Эраста оказалась открыта. Внутри лежал конверт с надписью: «НЕ ЧИТАТЬ ДО ГЛАВЫ ДВЕСТИ СЕМЬДЕСЯТ ВОСЬМОЙ».

Эраст потянулся к нему.

Пуаронов ударил его по руке линейкой.

— Почему нельзя?

— Потому что человек, написавший предупреждение, знал номер главы. Значит, он имеет доступ к рукописи.

— У нас уже был Последний Читатель.

— Читатель знает написанное. Этот знает ненаписанное.

Из глубины хранилища донёлся скрежет.

По полу двигались семь теней. Каждая тащила нечто невидимое. Тени приблизились к Гориславе и вошли в неё.

Драконица икнула. Рядом возникли семь сумок.

Все пломбы были целы.
Пломбина проверила номера.
— Это наш груз.
— Открывать нельзя, — сказал Броневилов.
— Почему?
— Получатель не установлен.
С потолка раздался голос Архивулкана:
— Получатель установлен. Первая Империя.
Стены хранилища превратились в зеркала. В каждом отражался отдельный Архивулкан: молодой, старый, каменный, крылатый, бородатый и один совсем маленький, но уже с печатью.
— Вас сколько? — спросил Тарас.
— Большинство.
— Из кого?
— Из себя.
Архивулканы протянули руки к сумкам.
Пуаронов закрыл глаза.
— Не двигайтесь.
— Почему?
— Среди отражений нет нашего.
Эраст посмотрел в зеркало. Там действительно отсутствовали герои, броневилов и Горислава.
Зато за их спинами стоял ещё один человек.
На нём была мантия ректора ВГТУ.
Лицо человека совпадало с лицом профессора Хронопятова.
— Я предупреждал, — сказал профессор. — Надпись в поезде была не совсем не про меня.

Глава четырнадцатая
Профессор, которому не поверили вовремя
Хронопятов снял очки.
Без них он выглядел моложе, опаснее и значительно лучше видел.
— Я не создавал машину времени, — сказал он. — Я её нашёл.
— В заброшенной лаборатории? — спросил Эраст.
— В Воронеже. Под старым корпусом ВГТУ. Установка пролежала там несколько миллионов лет, хотя само здание построили гораздо позже.
— Поэтому вы организовали лабораторию прикладной хронодинамики?
— Я хотел понять, кто отправил установку в прошлое.
— И поняли?
Профессор посмотрел в зеркало на свою версию в ректорской мантии.
— Я.
Тарас кивнул.
— Удобно. Можно не искать соучастников.
— Я ещё этого не делал.
— Все так говорят до соответствующей главы.
Ректорский Хронопятов вышел из зеркала. В руках он держал папку с гербом Первой Империи и печатью университета.
— Отдайте мне семь ценностей, — сказал он. — Я верну их в правильное время.
— Какое время правильное? — спросил Пуаронов.
— То, в котором человечество готово ими пользоваться.

— Когда оно наступит?

— Я сообщу.

— Следовательно, никогда.

Ректор усмехнулся.

— Вы хороший сыщик, Мегрэ Артурович. Но вы расследуете кражу, которой нет. Сумки всегда находились здесь.

— Тогда почему вы хотите их получить?

— Чтобы они продолжили находиться здесь.

— Человек не охраняет то, существование чего отрицает.

Впервые ректорский Хронопятов замолчал.

Пуаронов подошёл к сумкам, но не коснулся их.

— Вы направили московский броневик в Воронеж. Подложили билет. Отправили чешуйку. Заставили молодого себя найти установку и привезли всех нас сюда.

— Зачем мне это?

— Вы не можете открыть сумки. Получателем указан первый владелец дракона. Им признана Москва. Поэтому вам понадобились московские инкассаторы и Горислава.

— А Эраст? — спросил Тарас.

— Он единственный человек, способный добровольно отказаться от права, которого не просил.

— А я?

— Вас никто не приглашал. Вы купили дешёвый билет.

— Наконец-то уважительная причина.

Ректор хлопнул в ладони.

Зеркала разлетелись. Из осколков вышли десятки каменных стражей.

Пуаронов бросил свой красный чайник в одну из сумок.

Чайник исчез.

Через мгновение из пасти взрослой Гориславы донёсся свист кипящей воды.

— Я понял, куда ведут сумки, — сказал сыщик.

— Куда? — спросил Эраст.

— Не внутрь дракона. В конец её жизни.

Взрослая Горислава взревела и пробила головой потолок.

На хранилище обрушилось будущее.

Глава пятнадцатая

Побег, который пришлось оформить доставкой

Инкассаторы действовали без обсуждений.

Броневику взял три сумки. Пломбина — ещё три. Наличных подхватил седьмую и ключи от машины. Эраст нёс Гориславу. Тарас нёс себя и считал это достаточной нагрузкой.

— Куда? — спросил Эраст.

— В броневик, — ответил Броневику.

— Он снаружи.

— Значит, наружу.

Взрослая Горислава расширила пролом в потолке. Через него виднелось сразу несколько небес: золотое небо додраконовой эпохи, синее воронежское утро и чёрное пространство, по которому летели тысячи драконов.

Пуаронов поднял с пола зеркальный осколок.

— Нам нужен тот мир, где ВГТУ уже существует, а Архивулкан ещё не победил.

— Москва подойдёт? — спросил Тарас.

— Москва всегда считает, что подойдёт.

Наличных нажал сигнализацию. Где-то за стенами отозвался броневик.
Машина проломила вход в хранилище и остановилась точно перед бригадой.
— Время подачи две минуты, — сказал водитель. — Пробка из каменных стражей.
Все загрузились. Последним в машину запрыгнул профессор Хронопятов.
Его будущая версия схватилась за заднюю дверь.
— Вы не понимаете! — крикнул ректор. — Если открыть сумки, история станет непредсказуемой!
— Она и сейчас не особенно старается, — ответил Эраст.
Тарас ударил ректора по пальцам папкой с правилами перевозки ценностей.
— Служебное помещение. Посторонним нельзя.
Дверь захлопнулась.
Броневик рванул вперёд и въехал в зеркальный осколок.
На несколько секунд машина оказалась сразу на трёх дорогах.
На первой вокруг простиралась Москва без единого автомобиля. Наличных отказался ехать дальше, потому что настолько свободное движение счёл подозрительным.
На второй стоял Воронеж, населённый драконами. Они учились в университете, сдавали экзамены и жарили преподавателям зачётные книжки.
На третьей дороги не существовало. Там два человека спорили, следует ли её строить, и уже создали комиссию по оценке будущих выбоин.
— Куда сворачивать? — спросил водитель.
Горислава вырвалась из рук Эраста и положила лапу на руль.
— У неё нет водительского удостоверения, — заметила Пломбина.
— В её эпоху их ещё не выдают.
Огнедышка повернула руль вправо, хотя нужная дорога находилась слева.
Броневик провалился между направлениями.
Они выехали в просторный университетский зал. На стене висела эмблема ВГТУ, под ней — дата: две тысячи пятьдесят седьмой год.
Навстречу машине вышли студенты в огнестойких мантиях.
Первый студент поклонился Гориславе.
— Мы ждали вас, основательница.
— Чего она основательница? — спросил Эраст.
Студент указал на табличку:
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОЙ ДРАКОНИЦЫ».
Тарас прочитал дважды.
— Зря мы сюда приехали. Здесь она уже получила высшее образование и теперь умнее нас.
Из дальнего коридора вышел пожилой Эраст Акакиевич.
Он был тем самым человеком, который написал записку.
— Наконец-то, — сказал будущий Эраст. — Вы привезли сумки.
Пуаронов достал блокнот.
— А вы приготовили ответы?
— Нет.
— Тогда разговор обещает быть полезным.

Глава шестнадцатая

Будущий Эраст отказывается объяснять прошлое
Пожилой Эраст пригласил всех в кабинет.

Кабинет был небольшим. У стены стоял знакомый шкаф. На столе лежали очки, несколько драконьих чешуек и фотография Веры. Сам ВГТУ за окнами выглядел почти привычно, если не считать драконов на крыше и студентов, летавших на занятия через окна, чтобы не опаздывать по лестнице.

— Где Вера? — спросил молодой Эраст.

— Дома.

— С ней всё хорошо?

— Если ответишь, ты проживёшь следующие годы неправильно.

— А если не ответишь?

— Тоже неправильно, но самостоятельно.

Тарас осмотрел будущую версию друга.

— Я здесь есть?

— Есть.

— Богатый?

— Очень.

— Чем занимаюсь?

— Возвращаешь долги.

— Тогда это не я.

Мегрэ Артурович поставил красный чайник на стол. Тот ещё недавно находился в конце жизни взрослой Гориславы, но теперь выглядел новым.

— Вы попросили нас не расследовать похищение.

— Да.

— Следовательно, хотели, чтобы я расследовал. Человек, действительно желающий остановить сыщика, не присылает ему загадку. Он присылает бухгалтерскую проверку.

Будущий Эраст улыбнулся.

— Я забыл, какой вы неприятный.

— Я записываю комплимент.

Пломбина поставила семь сумок перед столом.

— Кто получатель?

— Никто.

— В маршрутном листе указан первый владелец дракона.

— В этом и ошибка. У первого дракона не должно быть владельца.

— Тогда сумки нельзя вручить.

— Их нужно украсть.

Наступила тишина.

Тарас осторожно поднял руку.

— Наконец появился специалист, который понятно ставит задачу.

— Если инкассаторы передадут груз, право собственности возникнет раньше свободы выбора, — продолжил пожилой Эраст. — Если Архивулкан захватит сумки, он станет владельцем всего, что появится после него. Если мы уничтожим груз, миры потеряют доверие, память и меру.

— Поэтому ценности должен похитить тот, кто не станет их владельцем, — понял Пуаронов.

— Да.

— Кто способен украсть семь ценностей и ничего не присвоить?

Все посмотрели на Тараса.

— Это клевета, — сказал он. — Я способен не присвоить только то, что не поместилось.

Будущий Эраст указал на Гориславу.

— Она должна скоммуниздить груз и разнести семь ценностей по разным эпохам. Тогда ни человек, ни дракон, ни империя не получают власть над всем сразу.

— Почему вы не сделали это сами?

— Сделал.

— Тогда зачем мы здесь?

— Чтобы помешать мне.

Дверь шкафа распахнулась.

Из него вышел Архивулкан.

Он был одет в форму московского инкассатора.

На груди висело удостоверение на имя Константина Сергеевича Броневикова.

Настоящий Броневилов посмотрел на него и медленно потянулся к оружию.

— Теперь, — сказал Пуаронов, — у нас наконец есть ограбление.

За окнами университета одновременно взревели все драконы будущего.

Первая сумка открылась сама.

Из неё исчезло доверие.

Часть вторая

Ценности, которые лучше не терять

Глава семнадцатая

Когда верить перестали даже дверям

Исчезновение доверия не сопровождалось взрывом.

Не погас свет. Не задрожали стены. Над университетом не раскрылось чёрное небо, хотя оно собиралось и даже прислало предварительное уведомление.

Просто все перестали верить друг другу.

Первым это заметил настоящий Броневилов.

— Докажите, что вы мои сотрудники, — потребовал он у Пломбиной и Наличных.

Ирина Павловна показала удостоверение.

— Поддельное, — сказал Броневилов.

— Вы его лично проверяли утром.

— Утро могло быть поддельным.

Семён Наличных прижал к груди ключи от броневилов.

— А вы докажите, что старший бригады.

— Вот удостоверение.

— У второго такое же.

Архивулкан в форме инкассатора улыбнулся и предъявил свою карточку. Фотография на ней была убедительнее оригинала. На настоящем удостоверении Броневилов смотрел устало, а на поддельном — мужественно, собранно и немного дороже.

— Согласно документам, — сказал Архивулкан, — самозванец он.

Горислава зарычала.

Эраст отступил от неё.

— Откуда мы знаем, что она не собирается нас съесть?

Огнедышка оскорблённо выпустила дым.

— Она путешествовала с нами, — напомнил Тарас.

— Может, ждала, когда мы станем вкуснее.

— Тогда ей придётся ждать долго.

Будущий Эраст закрыл шкаф и повернул ключ.

— Доверие исчезло не только из сумки. Оно ушло из мира. Скоро люди перестанут верить словам, подписям, памяти и собственным глазам.

— Я и раньше не доверял глазам, — сказал Пуаронов. — Они первые сообщают мозгу удобную версию.

Он достал блокнот и разорвал чистый лист на девять частей.

— Каждый пишет один факт, который можно проверить без доверия.

— А потом? — спросил Эраст.

— Потом проверим.

— Почему мы должны вам верить?

— Не должны. В этом преимущество метода.

На своём листке Пуаронов написал: «Первая сумка пуста».

Пломбина записала номера оставшихся пломб.

Наличных указал пробег автомобиля.

Профессор Хронопятлов отметил точное время раскрытия сумки, хотя часы показывали три разных значения и одно из них приходилось на обед.

Тарас долго думал, затем написал: «У меня ничего нет».

— Это невозможно проверить, — сказал Эраст.

— Поэтому факт надёжный.

Горислава подползла к пустой сумке и втянула воздух.

Её чешуя стала серой.

Снаружи один за другим падали драконы. Они переставали доверять воздуху и отказывались опираться на крылья.

— Вернуть доверие нужно немедленно, — сказал будущий Эраст.

— Куда оно ушло? — спросила Пломбина.

Пуаронов посмотрел на Архивулкана.

Тот всё ещё улыбался.

— Туда, где ему поверили последним.

За окном вспыхнула вывеска студенческой столовой.

На ней было написано: «СЕГОДНЯ БЕСПЛАТНО».

Тарас первым бросился к двери.

— Вот человек, который ещё способен верить, — сказал Пуаронов.

Глава восемнадцатая

Бесплатный обед как последнее основание цивилизации

Столовая была переполнена.

Люди, драконы и существа промежуточной успеваемости стояли в очереди, потому что не верили в бесплатный обед, но боялись пропустить редкое исключение.

За раздачей работала женщина с четырьмя руками. Двумя она накладывала кашу, третьей принимала оплату, четвёртой показывала, что оплата добровольная, но обязательная.

— Бесплатно? — спросил Тарас.

— Конечно.

— Почему тогда касса?

— Для тех, кто не поверил.

Пуаронов осмотрел зал.

Над каждым столом висело маленькое облако. Одни облака были прозрачными, другие почернели и тихо шептали: «Тебя обманывают».

Самое большое облако парило над старым автоматом с напитками.

На автомате светила кнопка: «ДОВЕРИЕ».

— Не нажимать, — сказал Пуаронов.

Тарас убрал палец.

— Я только проверял, хорошо ли она держится.

— Доверие стало товаром, — объяснил будущий Эраст. — Тот, кто первым нажмёт кнопку, получит право распределять его.

Архивулкан вошёл в столовую следом за ними.

— Именно поэтому нажать должен законный представитель получателя.

— Вы не Броневилов, — сказала Пломбина.

— Докажите.

— Назовите контрольное слово бригады.

Архивулкан не ответил.

Настоящий Броневилов тоже молчал.

— Контрольное слово нельзя произносить при посторонних, — сказал он.

— Удобно, — заметил Тарас. — Один не знает, второй знает, но не говорит. Для протокола оба молодцы.

Пуаронов поставил красный чайник между двумя Броневиловыми.

— Кому принадлежит чайник?

— Вам, — ответил настоящий.

— Вещественное доказательство, — сказал Архивулкан.

— Правильный ответ второй, — объявил Пуаронов.

Броневилов нахмурился.

— Почему?

— Мои вещи давно принадлежат расследованию. Архивулкан знает это, потому что изучил наши прошлые дела. Но он совершил ошибку.

— Какую?

— Назвал предмет вещественным доказательством до возбуждения дела. Настоящий инкассатор мог ошибиться в человеке, но не стал бы присваивать статус чужому имуществу без документа.

Архивулкан сорвал удостоверение.

Под формой оказался каменный доспех.

Он ударил посохом по кнопке.

Автомат загудел. Из него хлынули бумажные стаканчики. Каждый содержал ровно один глоток доверия.

Посетители хватали их, пили и начинали верить первому, кого видели.

Через минуту половина столовой поклонялась Архивулкану. Вторая половина доверяла надписи «ВЫХОД», которая вела в кладовую.

Тарас поймал стаканчик.

— Не пей! — крикнул Эраст.

— Почему я должен тебе верить?

— Потому что я твой друг.

Тарас посмотрел на него. Потом вылил доверие обратно в автомат.

— Именно поэтому и не буду рисковать. Вдруг начну давать тебе деньги взаймы.

Горислава прыгнула на автомат и прокусила металлическую крышку.

Все стаканчики втянуло обратно.

Огнедышка проглотила светящуюся кнопку.

Её чешуя снова покраснела.

Драконы за окнами расправили крылья.

Первая сумка захлопнулась.

На пломбе появилось слово: «ДОВЕРИЕ».

— Груз возвращён, — сказала Пломбина.

— Частично, — поправил Пуаронов. — Теперь всё доверие находится в одном драконе.

Горислава посмотрела на них ясными золотыми глазами.

И все почему-то сразу решили, что она совершенно безопасна.
— Вот теперь, — сказал сыщик, — особенно не верьте ей.

Глава девятнадцатая

Инструкция, которая заменяла дружбу

Вернувшись в кабинет, инкассаторы ввели режим полного недоверия.

В обычных обстоятельствах он почти не отличался от рабочего.

Каждое действие подтверждали двое. Каждую пломбу проверяли трижды. Ключ находился у одного, код — у другого, а понимание происходящего не доверяли никому.

— Такие правила нужны, когда люди не обязаны нравиться друг другу, — объяснил Броневиков. — Достаточно, чтобы каждый выполнил свою часть.

— Разумно, — признал Пуаронов. — Цивилизация начинается там, где честность перестаёт зависеть от хорошего настроения.

Тарас попросил записать эту фразу и выдать ему копию. Он собирался показывать её кредиторам.

Пломбина поставила первую сумку в центр комнаты.

— Доверие внутри, но получатель не установлен.

Будущий Эраст подошёл к Гориславе.

— Она должна проглотить все семь ценностей.

— Не проглотить, а похитить, — напомнил Пуаронов. — Намерение имеет значение.

— Для драконьего желудка?

— Для истории. Подаренное создаёт обязательство. Переданное создаёт право. Украденное сохраняет возможность вернуть.

Тарас одобрительно кивнул.

— Всегда чувствовал в краже светлую сторону.

— Вы чувствовали только чужой карман.

Горислава приблизилась к сумкам.

Вторая открылась.

Из неё вылетела длинная серебряная лента. Она обвила комнату, прошла сквозь стены и натянулась над городом.

На пломбе погасло слово «МЕРА».

Стол вырос до потолка. Красный чайник стал размером с напёрсток. Тарас вытянулся на три метра и сразу потребовал пересчитать ему норму питания.

Эраст уменьшился так, что поместился в карман собственного пиджака.

— Почему я? — донёсся его голос снизу.

— У мира исчезла мера, — ответил профессор. — Размеры, расстояния, вес и количество больше ни с чем не соотносятся.

За окном Воронеж приблизился к Москве на расстояние одного автобусного билета. Додраконовая эпоха растянулась до следующего вторника. В университетском расписании пара длилась семнадцать лет, но преподаватель всё равно не успевал закончить тему.

Архивулкан рассмеялся.

— Без меры вы не найдёте выход. До него может быть шаг или тысяча жизней.

Пуаронов поднял крошечный чайник двумя пальцами.

— Мера не исчезла.

— Вы видите происходящее.

— Именно. Если бы меры не существовало, мы не заметили бы изменений. Мы сравниваем всё с чем-то неизменным.

— С чем? — спросил будущий Эраст.

Сыщик посмотрел на дверь. На ней сохранилась университетская табличка стандартного размера.

— С государственным стандартом.

Глава двадцатая

Кафедра, где даже хаос проходил поверку

Кафедра метрологии находилась этажом ниже и двумя столетиями правее.

Добирались туда долго. Коридор то растягивался до горизонта, то сокращался так, что вся группа оказывалась внутри одного дверного проёма. Трёхметровый Тарас шёл на коленях, а маленького Эраста Горислава несла на голове.

Возле кафедры сидел лаборант с линейкой.

— Назовите рост, вес и цель визита.

— Рост временный, вес спорный, цель — вернуть меру, — ответил Пуаронов.

Лаборант вздохнул.

— Опять гуманитарии что-то потеряли.

В помещении хранились эталоны. Метр лежал под стеклом. Килограмм сидел в сейфе. Минута ходила по кругу и жаловалась, что её постоянно тратят.

Заведующий кафедрой, доцент Мерило Аршинович Весов, выслушал объяснение и покачал головой.

— Серебряная лента не является мерой. Это право устанавливать меру.

— Разница? — спросил Тарас сверху.

— Мера одинакова для всех. Право измерять позволяет объявить собственный локоть государственным стандартом.

— Удобно.

— Поэтому опасно.

Весов показал старинный прибор. В центре находились две чаши. На одной лежала каменная печать Архивулкана, на другой — пустота.

— Империя уже присвоила единицы измерения. Теперь большое означает полезное власти, малое — всё остальное.

Пуаронов достал синюю нить от сумки и положил на пустую чашу.

Весы уравновесились.

— Нить ничего не весит, — удивился Хронопятков.

— Она весит ровно столько, сколько след преступления, — сказал Пуаронов. — Для расследования этого достаточно.

Он попросил каждого отмерить один и тот же отрезок нити. Результаты различались. Броневи́ков отмерил по инструкции. Пломбина — по контрольным меткам. Наличных использовал расстояние между двумя царапинами на ключе. Эраст, всё ещё маленький, измерил собственным ростом. Тарас откусил кусок на глаз и заявил, что в торговле так быстрее.

Последней нить измерила Горислава.

Она положила рядом свою чешуйку.

Серебряная лента за окном дёрнулась и втянулась в комнату. Обвила чешуйку, сжалась и превратилась в тонкое кольцо.

— Почему сработало? — спросил профессор.

— Дракон растёт, но остаётся собой, — ответил Весов. — Его чешуя меняется вместе с ним. Это живая мера времени.

Горислава проглотила кольцо.

Тарас уменьшился. Эраст вырос. Стол вернулся на пол. Москва отодвинулась от Воронежа на привычное количество железнодорожных жалоб.

Вторая сумка закрылась.

— Две ценности из семи, — сказала Пломбина.
— И обе внутри Гориславы, — заметил Эраст.
Огнедышка тяжело икнула.
Из её пасти вылетела маленькая серебряная линейка. На ней имелось восемь делений.
— Почему восемь? — спросил Тарас.
Пуаронов пересчитал.
— Потому что сумок было не семь.

Глава двадцать первая
Восьмая сумка, которую никто не перевозил
Инкассаторы проверили грузовой реестр.
В нём значились семь сумок. Ниже появилась пустая строка с восьмым номером. Подпись получателя стояла, но фамилия отсутствовала.

— Строку добавили после начала перевозки, — сказала Пломбина.
— Это невозможно, — возразил Броневилов. — Реестр защищён.
— История тоже была защищена, — напомнил Тарас. — Мы въехали в неё на машине.

Пуаронов положил линейку рядом с пломбами. Семь номеров образовывали последовательность. Восьмое деление указывало не на продолжение, а назад — к первой сумке.

— Восьмая сумка находилась внутри одной из семи.

— В какой? — спросил Эраст.

— В той, которую открыли первой.

Броневилов осмотрел сумку доверия. Внутренняя подкладка оказалась двойной. Между слоями лежал крошечный чёрный мешок без пломбы.

Тарас потянулся к нему.

Пуаронов кашлянул.

— Я хотел проверить качество материала.

— Материал качественный. Руки ваши.

На мешке проступило слово: «СОМНЕНИЕ».

— Это тоже ценность? — спросил Хронопятов.

— Без сомнения доверие становится покорностью, — ответил сыщик. — Кто-то разделил их и отправил сомнение тайно.

Будущий Эраст побледнел.

— В моём варианте событий восьмой сумки не было.

— Значит, история изменилась после того, как вы составили план.

— Кто мог вмешаться?

— Человек, знающий план и не доверяющий вам.

Все посмотрели на молодого Эраста.

— Я ничего не добавлял.

— Верю, — сказал будущий Эраст.

— Не следует, — предупредил Пуаронов. — Доверие только что вернулось и пока действует без инструкции.

Чёрный мешок задрожал.

Из него выскочило небольшое существо, похожее на вопросительный знак с лапами. Оно обнюхало Гориславу, Эраста и сумки, затем укусило Архивулкана за сапог.

— Уничтожьте его! — приказал тот.

Существо немедленно выросло.

— Сомнение питается уверенностью, — понял профессор.

Архивулкан заявил, что это неправда.

Существо стало ещё больше.

Тарас пожал плечами.

— Может, питается. Может, нет.

Сомнение уменьшилось и забралось к нему в карман.

— Почему ко мне?

— Вы его естественная среда, — ответил Пуаронов.

Глава двадцать вторая

Допрос человека, которого было слишком много

Архивулкана посадили на кафедраальный стул. Стул предварительно измерили и признали достаточно государственным для допроса.

— Имя? — спросил Пуаронов.

— Архивулкан Первый.

— Настоящее.

— Аркадий Вулканович Архивов.

— Род занятий?

— Основатель цивилизации.

— На момент поступления в ВГТУ.

— Студент.

— На момент отчисления?

— Непризнанный основатель цивилизации.

Пуаронов раскрыл блокнот.

— Вы нашли машину времени под университетом?

— Её нашёл Хронопятов.

— Но знали о ней раньше него.

Архивулкан промолчал.

— Вы сдавали экзамены до объявления программы, — продолжил сыщик. — Значит, получали сведения из будущего. Создали копии себя в разных эпохах, построили Первую Империю и перенаправили груз.

— Докажите.

— Не могу.

Архивулкан улыбнулся.

— Тогда допрос окончен.

— Напротив. Невозможность доказать вашу вину и есть доказательство.

— Это нелогично.

— Все улики слишком удобны. Синяя нить, удостоверение Броневикова, ваша копия в аудитории. Кто-то старательно назначает вас виновным.

Улыбка исчезла.

— Вы хотите сказать, что я невиновен?

— В этом преступлении. Остальной список составим отдельно.

Архивулкан оглядел комнату.

— Кто же тогда?

— Тот, кто способен создавать ваши копии.

Профессор Хронопятов отступил.

Его будущая версия, всё ещё стоявшая возле шкафа, осталась на месте.

Пуаронов подошёл к ректору и провёл мелом по его мантии.

Мел не оставил следа.

— Это не человек, — сказал сыщик.

Будущий ректор улыбнулся.

Его лицо стало гладким. Затем на нём появилось лицо Архивулкана, Броневикова, Эраста и десятков незнакомцев.

— Тогда кто он? — спросила Пломбина.

— Право собственности, получившее владельца.

Существо поклонилось.

— Можете называть меня Хозяином.

Тарас вынул из кармана Сомнение.

— А можно не называть?

— Нельзя.

Сомнение мгновенно выросло до размеров овчарки.

Хозяин впервые посмотрел на него с тревогой.

Глава двадцать третья

Существо, которому принадлежало всё, кроме себя

Хозяин возник в тот момент, когда кто-то впервые произнёс: «Это моё».

Сначала ему принадлежал камень. Потом пещера, огонь, участок возле реки и право объяснять соседям, почему их участок хуже. С каждым новым владельцем Хозяин становился сильнее.

— Я не краду, — сказал он. — Я упорядочиваю принадлежность.

— Путём присвоения? — спросил Эраст.

— Другого порядка люди всё равно не признают.

— Почему вам нужны драконы?

— Первый дракон не имеет владельца. Это недопустимое исключение. Если Горислава получит семь ценностей, она останется свободной и научит свободе остальных.

— Поэтому вы создали Архивулкана?

— Я усилил его естественные способности. Человеку достаточно пообещать, что всё станет его. Остальную глупость он совершит самостоятельно.

Архивулкан возмутился.

— Империя принадлежит мне!

Хозяин повернулся к нему.

— Нет. Ты принадлежишь Империи.

Каменные копии Архивулкана начали рассыпаться. Каждый осколок превращался в маленькую табличку «СОБСТВЕННОСТЬ».

— Верните мой груз, — сказал Хозяин инкассаторам.

— Предъявите документы, — потребовал Броневилов.

— Я создал документы.

— Тогда знаете, что без подписи получателя передача запрещена.

Хозяин вытянул руку. На ладони появилась подпись Москвы.

Она состояла из миллионов почерков.

— Получатель подтвердил.

Пломбина внимательно осмотрела подпись.

— Не принимается.

— Почему?

— Москва не человек.

— В маршрутном листе указан город.

— У города нет паспорта.

Тарас хотел возразить, что видел у некоторых городов характер, привычки и задолженность по коммунальным услугам, но Пуаронов поднял руку.

— Спор о получателе нужен Хозяину, чтобы мы признали его право решать. Не спорьте.

Хозяин сделал шаг к сумкам.

Сомнение зарычало.

— Эта вещь принадлежит Тарасу, — сказал Хозяин.

— Не вещь, — возразил Тарас. — И не принадлежит. Просто сидит у меня в кармане без регистрации.

Существо выросло ещё сильнее.

Горислава встала между Хозяином и грузом.

— Ты тоже станешь моей, — пообещал он.

Огнедышка выдохнула на полу одно слово:

«СОМНЕВАЮСЬ».

Хозяин отступил.

Третья сумка открылась.

Из комнаты исчезла память.

Глава двадцать четвёртая

Люди, которые забыли, зачем спасают мир

Эраст открыл глаза.

Он находился в незнакомом кабинете среди незнакомых людей. На плече у него сидел маленький красный зверь. Рядом стоял высокий мужчина и пытался незаметно снять с Эраста часы.

— Отдайте, — сказал Эраст.

— Значит, знакомы, — обрадовался Тарас. — Незнакомые обычно сначала представляются.

— Кто вы?

— Пока выясняю.

Инкассаторы сохранили рабочие навыки, но забыли друг друга. Они заняли круговую оборону вокруг семи сумок и не позволяли приблизиться даже себе.

Профессор Хронопятов читал табличку на двери.

— ВГТУ, — произнёс он. — Кажется, я здесь работаю.

— Кем? — спросил Эраст.

— Судя по зарплате, не помню.

Пуаронов сидел на полу и перебирал содержимое карманов. Из каждого он доставал записку.

«Если забыли имя, не называйтесь первым пришедшим в голову».

«Красный чайник мой».

«Человеку по имени Тарас денег не давать».

«Маленького дракона защищать».

«Если рядом два Эраста, доверять более уставшему, но проверять обоих».

— Кто написал? — спросила Пломбина.

— Я.

— Откуда знаете?

— Почерк плохой, формулировки осторожные, бумага сложена по размеру карманов.

Чужой человек постарался бы написать разборчивее.

Последняя записка содержала единственный вопрос: «ЧТО ЗАБЫЛ ХОЗЯИН?»

Пуаронов поднялся.

— Кто здесь Хозяин?

Существо с меняющимися лицами ответило первым:

— Я.

— Почему?

— Потому что мне всё принадлежит.

— Что именно?

Хозяин оглядел кабинет.

Он не смог назвать ни одного предмета.

— Память исчезла и у него, — понял Пуаронов. — Он не помнит, чем владеет.

Тарас оживился.

— Значит, всё бесхозное?

— Даже не думайте.

— Почему?

— Не помню. Но записка у меня отдельная.

Горислава подошла к третьей сумке и легла на неё. Во сне она начала расти. Крылья вытянулись, рога потемнели, чешуя покрылась старыми шрамами.

Перед ними лежала взрослая драконица.

Она открыла глаза.

— Я всё помню, — сказала Горислава.

— Почему память осталась у вас? — спросил Пуаронов.

— Потому что вы находитесь в моём прошлом. А прошлое дракона хранится не в голове.

Она коснулась когтем чешуи.

На каждой пластине возникло изображение.

На одной Эраст держал драконье яйцо. На другой Тарас убегал с сумкой. На третьей Пуаронов стоял возле горящего ВГТУ. На четвёртой московский броневик летел над армией драконов.

Последняя чешуйка показывала могилу.

На камне было написано имя Гориславы.

Дата смерти совпадала с днём её рождения.

Глава двадцать пятая

Биография, которую пришлось читать по чешуе

Горислава позволила Пуаронову осмотреть воспоминания.

Каждая чешуйка хранила один день. Молодые были яркими и горячими. Старые потемнели, но помнили точнее людей, поскольку драконы не умели приукрашивать прошлое без предварительного поджога.

На первой чешуе маленькая Горислава вылуплялась в лаборатории ВГТУ.

На второй московские инкассаторы увозили её в додраконовую эпоху.

На третьей она похищала семь ценностей и разносила их по времени.

Доверие она оставила людям, впервые решившим построить мост вместе.

Меру — торговцу, отказавшемуся обвесить ребёнка.

Обещание — женщине, дождавшейся человека с войны.

Память — старому учителю, который продолжал называть имена умерших учеников.

Имя, право выбора и стоимость скрывались под повреждёнными чешуйками.

— Кто повредил воспоминания? — спросил Пуаронов.

— Я, — ответила взрослая Горислава. — Чтобы Хозяин не нашёл последние ценности.

— Поэтому вы вернулись убить себя?

— Если я не рожусь, он не получит путь к тайникам.

Маленькая Горислава, которая теперь существовала внутри взрослой, недовольно ударила хвостом изнутри. По боку драконицы прошла волна.

— Молодая вы возражает, — сказал Тарас.

— Она не знает, чем закончится жизнь.

— Никто не знает. Поэтому и живёт без спойлеров.

Эраст долго смотрел на могильную чешуйку.

— Кто вас убил?

— Ты.

В кабинете стало тихо.

Эраст посмотрел на свои руки, будто надеялся обнаружить на них объяснительную.

— Почему?

— Я попросила.

— Зачем?

— Чтобы вернуть ценности в сумки и отправить их в начало пути. Иначе круг не замкнулся бы.

Пуаронов перевернул могильную чешуйку.

На обратной стороне имелась едва заметная царапина. Она совпадала со следом на чёрной чешуе, присланной в первой главе.

— Вы не умерли, — сказал он.

— Я видела свою могилу.

— Могила доказывает наличие камня и надписи. Тело проверяли?

Горислава задумалась.

— Нет.

— Тогда кто-то заставил вас поверить в собственную смерть.

— Кто?

Пуаронов посмотрел на молодого Эраста, который ничего не помнил, но всё равно выглядел виноватым перед будущим.

— Тот, кому было необходимо, чтобы вы вернулись и попытались отменить своё рождение.

Хозяин попятился к шкафу.

Сомнение бросилось за ним.

Глава двадцать шестая

Погоня за владельцем без имущества

Хозяин нырнул в шкаф.

Броневилов прыгнул следом. Плombина схватила сумки. Наличных побежал за ключами, хотя ключи всё время находились у него в руке.

Шкаф открылся на Садовом кольце.

Московский вечер стоял в пробке. Автомобили медленно двигались вокруг города, словно участвовали в древнем обряде, смысл которого давно забыт, но штраф за отказ сохранился.

Хозяин выскочил на проезжую часть.

Машины остановились.

Водители одновременно решили, что дорога принадлежит им, и тем самым вернули существу часть силы.

— Не заявляйте права собственности! — крикнул Пуаронов.

— Это моя полоса! — ответили сразу из трёх автомобилей.

Хозяин вырос до второго этажа.

Тарас выбрался из шкафа и огляделся.

— Москва. Наконец нормальная эпоха.

Над домами пролетел дракон.

— Почти нормальная.

Броневилов появился последним. Для этого шкафу пришлось расшириться до размеров гаража и временно занять соседнюю комнату.

Инкассаторы загрузились. Эраст, Тарас, Пуаронов, профессор и обе версии Гориславы поместились внутри, нарушив несколько правил вместимости и одно правило биологии.

— Преследуем объект, — скомандовал Броневилов.

— Какой? — спросил Наличных.

Хозяин уже разделился между вывесками, квартирами, земельными участками и припаркованными машинами. Его лицо появлялось на каждом предмете, который кто-то называл своим.

— Все объекты, — ответил Пуаронов.

— Москва большая.

— Поэтому начнём с подозрительно дорогих.

Тарас одобрил план.

Броневилов тронулся. Горислава высунулась из верхнего люка и нюхала воздух. Доверие и мера внутри неё светились красным и серебряным. Память оставалась на свободе и растекалась по городу.

Люди забывали номера квартир, пароли, старые обиды и причины, по которым не разговаривали с родственниками. На несколько минут Москва стала добрее, но перестала понимать, где живёт.

— Найдите место, которое помнит всех владельцев, — сказал Пуаронов.

— Росреестр? — предположил Эраст.

— Ближе.

Броневилов посмотрел на маршрутный терминал.

На экране загорелась новая точка.

«МОСКОВСКОЕ БАНКОВСКОЕ ХРАНИЛИЩЕ. ИСХОДНЫЙ ПУНКТ».

— Он возвращается туда, откуда началась перевозка, — сказала Пломбина.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Туда возвращается память. Хозяин поедет за ней.

Над городом раздался рёв.

Тысячи драконов будущего входили в московское небо.

Навигатор спокойно сообщил:

— Через триста метров поверните направо. Затем продолжайте движение до конца эпохи.

Глава двадцать седьмая

Москва, которую временно забыли москвичи

На Красной площади никто не помнил, почему она называется Красной.

На Арбате художники забыли лица заказчиков и писали портреты по характеру. Результаты получались точнее, поэтому возникали конфликты.

В метро поезда прибывали, но пассажиры не помнили, куда собирались. Они выходили на случайных станциях и впервые внимательно их рассматривали.

— Долго город выдержит без памяти? — спросил Эраст.

— Город выдержит, — сказал Пуаронов. — Люди начнут повторять ошибки. Некоторые даже обрадуются, потому что в первый раз им понравилось.

У хранилища стояла очередь.

Каждый держал документ на имущество, владельца которого не помнил. Один мужчина принёс ключ от квартиры и уверял, что квартира должна сама узнать его. Женщина привела автомобиль, который не признавал хозяйку и требовал прежний пароль. Маленький мальчик держал поводок без собаки, но был уверен, что кто-то хороший обязательно вернётся.

Хозяин стоял у входа и собирал забытые права.

С каждым документом он становился плотнее.

— Вы опоздали, — сказал он. — Люди не помнят, что им принадлежит. Теперь это принадлежит мне.

— Логическая ошибка, — ответил Пуаронов. — Если человек забыл вещь, вещь не вспомнила вас.

— У вещей нет памяти.

— Поэтому вы и пришли сюда за третьей ценностью.

Пломбина достала сумку памяти.

Она была открыта и пуста.

Хозяин протянул руку.

Из хранилища потянулись имена, даты, лица и голоса. Они закружились над входом, превращаясь в светящийся шар.

Горислава взлетела.

Хозяин приказал драконам будущего остановить её.

Ни один не подчинился.

— Они ваши! — закричал он.

Взрослая Горислава расправила крылья.

— Дракон не бывает чьим-то.

Тысячи голосов повторили её слова.

Хозяин уменьшился.

Тарас открыл дверь броневика и позвал мальчика с пустым поводком.

— Как зовут собаку?

— Не помню.

— Тогда вспомни не имя. Что она делала?

— Ждала меня у школы.

Светящийся шар дрогнул. Из него вылетело воспоминание: мокрый пёс сидел у калитки и вилял хвостом.

Мальчик засмеялся.

По очереди прошла волна. Люди начали вспоминать не номера документов, а истории вещей: первую ночь в квартире, дальнюю поездку, чашку матери, часы отца.

Память отказалась становиться реестром имущества.

Она опустилась к Гориславе и вошла в её чешую.

Третья сумка закрылась.

Хозяин лишился человеческих лиц.

Осталось одно.

Лицо будущего Эраста.

Глава двадцать восьмая

Подозреваемый, которого герой носил впереди себя

Молодой Эраст увидел собственное старое лицо и невольно отвернулся.

— Это не я.

— Пока, — сказал Хозяин голосом будущего Кунилина.

Пуаронов подошёл ближе.

— Почему выбрали его?

— Он устал спасать мир. Однажды ему захочется, чтобы всё стало предсказуемым. Чтобы каждый предмет имел место, каждое событие — причину, каждый человек — обязанность. Тогда он добровольно отдаст мне право выбора.

— Я этого не сделаю, — сказал Эраст.

— Уже сделал.

Хозяин показал ему воспоминание.

Пожилой Эраст сидел в кабинете ВГТУ и подписывал приказ: «О передаче семи первоначальных ценностей на ответственное хранение».

Подпись совпадала.

— Вот почему будущий Эраст просил нас помешать ему, — сказал профессор.

— Где он сейчас? — спросил Тарас.

Все оглянулись.

Пожилый Эраст исчез во время погони.

На его месте в броневишке лежала папка.

В ней находился тот самый приказ. Под ним стояли подписи Хронопятова, Архивулкана, ректора ВГТУ и московских инкассаторов.

Последняя строка предназначалась для Тараса.

Подпись уже стояла.

— Подделали, — заявил он.

Пуаронов рассмотрел росчерк.

— Настоящая.

— Почему вы так решили?

— Рядом приписано: «При наличии вознаграждения». Подделыватель постеснялся бы.

Хозяин снова вырос.

— Ваше будущее согласилось со мной. Всё уже решено.

Пуаронов закрыл папку.

— Будущее не доказательство. Это показание свидетеля, который заинтересован в том, чтобы состояться.

— Вы не можете изменить собственное решение.

— Можем, — сказал Эраст. — Мы постоянно меняем решения. Иногда даже на правильные.

Он разорвал приказ.

Бумага не порвалась.

— Документ защищён временем, — объяснил Хозяин.

Тарас взял папку, нашёл строку о вознаграждении и вписал сумму с таким количеством нулей, что будущее отказалось её финансировать.

Приказ задрожал.

Печати исчезли.

— Теперь недействителен, — сказал Тарас. — В бюджете не предусмотрено.

Хозяин бросился к нему.

Сомнение выскочило из кармана и вцепилось существу в руку.

Четвёртая сумка открылась.

Из неё вылетело обещание.

Оно выбрало голос будущего Эраста и произнесло:

— Я вернусь за Гориславой в день её смерти.

Взрослая драконица закрыла глаза.

— Теперь я вспомнила, — сказала она. — Меня убил не Эраст.

— Кто? — спросил Пуаронов.

— Тот, кому он обещал меня отдать.

Над Москвой погасли драконы.

А из дверей банковского хранилища вышла Маргарита Всеволодовна.

В руках она держала авоську, зонт и документ, согласно которому Горислава числилась членом семьи.

— Что вы тут устроили? — спросила она.

Хозяин впервые в своей бесконечной жизни попытался спрятаться за Эраста.

Глава двадцать девятая

Родство как обстоятельство непреодолимой силы
Маргарита Всеволодовна осмотрела площадь, драконов, броневик и Хозяина, выгляды-
вавшего из-за плеча Эраста.

— Я спросила, что вы устроили.

— Мы спасаем мир, — ответил Эраст.

— Я вижу. Поэтому и спрашиваю.

Она вручила ему авоську. Внутри лежали бутерброды, запасные носки, аптечка и огне-
тушитель с надписью: «Для семейных обстоятельств».

— Откуда вы узнали, где мы? — спросил Тарас.

— Вера позвонила. Сказала, что Эраст уехал в Воронеж, а потом его банковская карта
рассчиталась за проезд в мезозое. Я поняла, что без взрослых опять не обошлось.

Пуаронов попросил показать документ.

На первой странице значилось: «Свидетельство о временном включении дракона в состав
семьи».

— Кто выдал? — спросила Пломбина.

— Дом.

— Дом не является органом власти.

— Скажите ему сами. Только сначала найдите дверь, которая согласится вас впустить.

Документ был составлен аккуратно. Горислава признавалась существом, нуждающимся
в присмотре, питании и защите от людей, желающих объявить её государственной собствен-
ностью.

В графе «Степень родства» стояло: «Огнедышащая внучка по обстоятельствам».

— Это юридически невозможно, — сказал Хозяин.

Маргарита Всеволодовна посмотрела на него.

— А вы кто?

— Хозяин всего.

— Документы на всё покажите.

Он протянул руку. На ладони вспыхнули тысячи свидетельств, выписок и договоров.

Маргарита Всеволодовна надела очки и стала читать.

Через минуту она вернула бумаги.

— В фамилии ошибка.

— Где?

— Везде. Человека с фамилией «Всё» не существует.

Хозяин уменьшился на полголовы.

— Вы не можете забрать дракона, — сказал он. — У меня есть обещание будущего Эраста
передать её.

— Обещание кому?

— Мне.

— Он вас по имени назвал?

— Нет.

— Адрес указал?

— Нет.

— Значит, обещал неизвестно кому неизвестно что. Эраст с детства так обещает убрать
вещи. Юридической силы это не имеет.

Тарас посмотрел на Кунилина с уважением.

— Вот откуда у тебя опыт спасения мира.

Четвёртая сумка задрожала. Обещание, всё ещё говорившее голосом будущего Эраста,
попыталось повторить фразу.

Маргарита Всеволодовна перебила:

- Сначала уточните условия.
- Обещание замолчало.
- Вы его остановили, — удивился профессор Хронопятов.
- Ничего подобного. Просто научила думать перед тем, как говорить.
- Это возможно?
- С мужчинами редко. Но иногда помогает интонация.

Глава тридцатая

Москва выполняет всё, что когда-то обещала

Обещание вырвалось из четвёртой сумки и поднялось над городом.

Сначала оно разделилось на два. Потом на тысячу. Через минуту над Москвой летали миллионы светящихся фраз.

«Завтра обязательно позвоню».

«В понедельник начну новую жизнь».

«Верну до получки».

«Больше никогда».

«Ещё пять минут и встаю».

Каждая фраза находила человека, который когда-то её произнёс, и требовала немедленного исполнения.

Город остановился.

Люди звонили одноклассникам, возвращали книги, начинали бегать, бросали курить и одновременно выполняли обещание угостить себя по случаю отказа от вредной привычки.

Тараса окружили светящиеся долговые обязательства.

— Их слишком много! — возмутился он.

— Зато все ваши, — сказал Эраст.

— Не доказано. Я мог обещать в переносном смысле.

Одно обещание село ему на плечо и прошептало: «Честное слово».

— Подделка, — заявил Тарас. — Я такими дорогими словами не разбрасываюсь.

Эраста настигла фраза: «После этой книги точно отдохну».

Он попытался отмахнуться.

Фраза надела на него панаму, вручила путёвку и начала толкать в сторону аэропорта.

— Сейчас нельзя отдыхать!

— Наконец-то я с вами согласна, — сказала Маргарита Всеволодовна.

На стене хранилища возникли новые трещины. Из них выглядывали давние обещания города: построить дорогу, закончить ремонт, сохранить старый дом и открыть станцию в следующем году.

Станция открылась прямо под броневином.

Машина провалилась на платформу.

Над ней висела табличка: «ВОРОНЕЖСКО-ТЕХНИЧЕСКАЯ».

— Такой станции нет, — сказал Наличных.

— Её обещали, — объяснил Пуаронов. — Теперь обещание заставило построить.

Подшёл поезд без машиниста. На лобовом стекле светился маршрут: «МОСКВА — ВГТУ — НЕМНОЖКО ДО ДРАКОНОВ».

— Нам туда, — сказал профессор.

— Броневику в вагон не войдёт, — заметила Пломбина.

Двери поезда расширились.

— Обещали доступную среду, — пояснил Пуаронов.

Броневику въехал внутрь.

Маргарита Всеволодовна заняла место у окна и поставила рядом авоську.

— Билеты купили?

Все посмотрели на Тараса.

— Почему сразу я?

— Потому что ты покупаешь билеты туда, куда нормальный человек не собирается.

Тарас достал из кармана пачку билетов.

Один был до Воронежа. Второй — до конца линии. Третий обещал довезти пассажира туда, где тот должен был оказаться.

— Этот не компостируйте, — попросил Пуаронов. — Он единственный знает маршрут.

Глава тридцать первая

Контролёр невыполненных обязательств

Поезд тронулся.

За окнами мелькали станции, которых Москва когда-то обещала дожидаться: «Своевременная», «Доступное жильё», «Без пересадок» и одна особенно пустынная платформа «Потом».

В вагон вошёл контролёр.

Он был худ, бесцветен и носил форму, сшитую из расписаний. Вместо компостера у него имелась печать «НЕ ИСПОЛНЕНО».

— Билеты и обещания.

Пассажиры предъявили проездные. Маргарита Всеволодовна показала пенсионную карту и такой взгляд, что контролёр сам подтвердил льготу.

Возле Эраста он остановился.

— Вы обещали передать Гориславу в день её смерти.

— Это обещал мой будущий вариант.

— Для системы вы один пассажир.

— Он ещё не дал обещание.

— Но уже не выполнил.

Контролёр поставил печать на рукав Эраста.

Кунилин стал прозрачным.

— Что со мной?

— Невыполненные обещания постепенно исключают человека из настоящего, — объяснил контролёр. — Вас переводят в условное время.

— Можно обжаловать?

— Обязательно. Ответ придёт в течение вечности.

Пуаронов попросил печать для осмотра.

— Служебный предмет.

— Именно поэтому на нём не должно быть следов драконьего когтя.

Контролёр спрятал руку.

Сыщик выхватил печать. На рукояти действительно виднелась царапина, совпадавшая с повреждением чешуи взрослой Гориславы.

— Вы присутствовали в день её предполагаемой смерти.

— Я контролирую исполнение.

— Вы заставили Эраста выполнить обещание убить её?

— Условия не имеют значения. Обещание должно быть исполнено.

— Кому вы служите?

Контролёр повернулся к Хозяину.

Тот стоял в конце вагона, хотя никто не видел, как он вошёл.

— Порядку, — ответил контролёр.

— Вы служите не порядку, а буквальному смыслу, — сказал Пуаронов. — Это самая дешёвая форма власти. Человек произносит слова в одних обстоятельствах, а вы исполняете их в других.

Маргарита Всеволодовна поднялась.

— Молодой человек, вы женаты?

Контролёр отступил.

— Вопрос не относится к проверке.

— Значит, обещаний не давали. Сразу видно отсутствие практики.

Она забрала печать, стёрла отметку с рукава Эраста и поставила контролёру на лоб: «НЕ ИСПОЛНЕНО».

Он исчез.

На его месте осталось одно слово:

«УБИТЬ».

Пуаронов поднял его пинцетом.

— Из обещания вырезали глагол. Теперь осталось выяснить, кто добавил Гориславу.

Глава тридцать вторая

Прибытие в университет, которого ещё не обещали

Поезд остановился внутри главного корпуса ВГТУ.

Рельсы проходили по лестнице, пересекали актовый зал и заканчивались возле кафедры хронодинамики. Студенты обходили состав спокойно: после появления драконов учебный процесс считался нарушенным только при отсутствии ведомости.

Профессор Хронопятов вышел первым.

— Мы вернулись в настоящее.

На стене висел календарь. Год совпадал. Месяц тоже. Число колебалось между вчера и необходимостью сдать отчёт.

— Не совсем, — сказал Пуаронов.

Вахтёр у входа был тот же, но теперь проверял пропуска у эпох.

— Додраконовая по списку, — говорил он. — Средневековые без заявки не пускать. Будущее пусть наденет бахилы.

Горислава прыгнула на платформу. Молодая версия отделилась от взрослой. Две драконицы снова стояли рядом.

— Почему они разделились? — спросил Эраст.

— Университет фиксирует возраст обучающегося на момент поступления, — пояснил Хронопятов. — Здесь прошлое и будущее числятся в разных группах.

Из лаборатории донёсся звон.

На двери появилась надпись: «ЗАСЕДАНИЕ КОМИССИИ ПО ЭТИКЕ ПОХИЩЕНИЯ ДРАКОНОВ».

Внутри сидели ректорский Хронопятов, три Архивулкана, контролёр с печатью на лбу и человек, которого Пуаронов не знал.

Незнакомец был маленьким, круглым и носил костюм с множеством медалей. На каждой медали значилось: «ОБЕЩАЛ».

— Кто это? — спросил Тарас.

— Академик Завтраков, — ответил профессор. — Специалист по проектам, которые начнутся завтра.

Академик поднялся.

— Комиссия постановила признать Гориславу похищенной и передать законному владельцу.

— Решение принято до заседания? — спросил Эраст.

— Так экономится время.
— Кто владелец?
— Определится после передачи.
Пуаронов положил на стол слово «УБИТЬ».
— Кому принадлежит это?
Все члены комиссии отвели глаза.
Кроме незнакомого академика.
Он посмотрел слишком внимательно.
— Вам знакомо слово? — спросил сыщик.
— Русский язык мне знаком целиком.
— Тогда назовите форму.
— Инфинитив.
— Нет. Вещественное доказательство.
Академик Завтраков побежал.
Тарас подставил ему портфель.
Академик упал сегодня.

Глава тридцать третья

Человек, который всё откладывал на вчера

В портфеле Завтракова лежали сотни невыполненных обещаний.

Они были рассортированы по степени опасности. Бытовые занимали две папки. Политические — отдельный шкаф, сложенный внутрь портфеля. Обещания самому себе хранились россыпью, потому что их никто не считал официальными.

Пуаронов нашёл фразу будущего Эраста.

Она состояла из пяти частей:

«Я».

«Вернусь».

«За Гориславой».

«В день её смерти».

«Чтобы спасти».

Последнюю часть зачеркнули.

Вместо неё прикрепили найденное в поезде слово «УБИТЬ».

— Эраст обещал спасти Гориславу, — сказал Пуаронов. — Кто-то изменил конец фразы.

Взрослая драконица коснулась когтем обещания.

На её могильной чешуе появилась новая картина. Пожилой Эраст не убивал её. Он открывал рядом портал. Горислава входила в него и исчезала, а на землю падала пустая чешуя.

— Могила была прикрытием, — понял молодой Эраст.

— Ты спрятал меня от Хозяина, — сказала Горислава.

— Где?

— Этого воспоминание не показывает.

Завтраков сидел на полу и делал вид, что задержание начнётся позднее.

— Кто приказал заменить слово? — спросил Пуаронов.

— Я расскажу завтра.

— Завтра уже было.

— Тогда послезавтра.

Маргарита Всеволодовна раскрыла зонт.

— Молодой человек, я умею ждать. Но другим способом.

Завтраков сдался.

— Приказ пришёл из додраконовой эпохи. От первого существа, которое получит имя.

— Архивулкан? — спросил профессор.
— Он уже имел имя.
— Хозяин?
— У него было название, но не имя. В этом разница.
Пятая сумка открылась.
Из неё поднялось золотое слово.
Оно распалось на буквы и вылетело через окно.
В ту же секунду люди забыли, как их зовут.
— Ну вот, — сказал Тарас. — Только к отчеству привык.

Глава тридцать четвёртая
Город без имён и с большим количеством однофамильцев
Университет первым потерял название.
С фасада исчезли буквы «ВГТУ». Осталось пустое место и государственная аккредитация, оформленная на учреждение «То самое возле остановки».

Студенты перестали понимать, к кому обращаются преподаватели. Преподаватели воспользовались случаем и объявили, что неудовлетворительные оценки предназначались другим людям.

На московском броневике погасли номера. Машина сохранила назначение, но стала отзываться на свист.

— Нужны временные обозначения, — сказала Пломбина.
Она раздала всем номера.
Броневики стали Первым, Наличных — Вторым, сама Пломбина — Третьей.
— Я буду четвёртым, — сказал Тарас.
— Вы седьмой.
— Почему?
— Первые шесть номеров заняты ответственными лицами.
Пуаронов отказался от номера.
— Почему? — спросил Эраст, временно обозначенный Пятым.
— Сыщик без имени полезнее. Подозреваемый не понимает, кому лгать.
Хозяин вошёл в зал комиссии.

Исчезновение имён сделало его сильнее. Раньше люди отличали своё от чужого по именам. Теперь он мог объявить владельцем любого и тут же заменить его другим.

— Передайте мне сумки, — сказал он.
— Кому именно? — спросила Пломбина.
— Мне.
— Назовитесь.

Хозяин открыл рот.
Имени у него не оказалось.
— Без идентификации выдача невозможна.
Он повернулся к Завтракову.
— Дайте мне имя.
— Обещаю завтра.

Хозяин поднял его одной рукой.
— Можно сегодня, — согласился академик. — Но задним числом.

Пуаронов тем временем собирал буквы, застрявшие в оконной раме. На одной сохранился след когтя. На другой — отпечаток печати Архивулкана. Третья пахла дымом Гориславы.

— Имя не исчезло случайно, — сказал он. — Его вызывают в додраконовую эпоху.
— Кто? — спросил Эраст.

— Первый дракон.

Маленькая Горислава подняла лапу.

— Не вы, — сказал Пуаронов. — Настоящий первый.

Из лабораторной установки донёсся глухой удар.

Экран включился:

«ДО ПЕРВОГО ДРАКОНА ОСТАЛОСЬ ОДНО ИМЯ».

Глава тридцать пятая

Именем неизвестного дракона

Профессор Хронопятов запустил установку.

Медные кольца вращались, собирая рассыпанные буквы. На экране появлялись варианты имени: Огневлад, Чешуил, Первый, Номер Один и предложение Тараса «Петрович», поскольку оно подходило почти всем.

— Имя нельзя придумать за другого, — сказала взрослая Горислава. — Дракон получает настоящее имя, когда выбирает, кем быть.

— Тогда почему твоё имя уже было на стекле? — спросил Эраст.

— Я написала его сама.

— Значит, ты не первый дракон, но первая свободно назвавшая себя.

Пуаронов посмотрел на чёрную чешую из письма.

Фраза «НЕ ДАЙТЕ МНЕ РОДИТЬСЯ» изменилась. Теперь на ней значилось: «НЕ ДАЙТЕ ЕМУ НАЗВАТЬСЯ».

— Кто такой он? — спросил Тарас.

Земля под корпусом задрожала.

Из глубины поднялась гигантская голова. Она была покрыта бесцветной чешуёй. На месте глаз находились пустые таблички.

Существо существовало раньше драконов, но ещё не решило, чем станет.

Хозяин бросился к окну.

— Я дам тебе имя!

Пуаронов загородил дорогу.

— Зачем?

— Названное можно записать. Записанное можно зарегистрировать. Зарегистрированное может принадлежать.

— А неназванное?

— Свободно.

Слово прозвучало для Хозяина как оскорбление.

Он метнул в древнее существо золотые буквы.

Они сложились в имя «СОБСТВЕННИК».

Маленькая Горислава взлетела и выдохнула пламя. Последняя буква расплавилась.

Получилось «СОБСТВЕННИК?».

Из кармана Тараса радостно выскочило Сомнение.

Вопросительный знак прыгнул на голову древнего существа.

Оно задумалось.

— Сейчас! — крикнул Пуаронов. — Пусть выберет само.

Эраст подошёл к окну.

— Как тебя зовут?

Древний зверь открыл пасть.

Первый звук был похож на землетрясение. Второй — на раскат грома. Третий оказался тихим человеческим словом:

— Никто.

Хозяин рассмеялся.

— Значит, ты ничто.

— Нет, — сказал Пуаронов. — Он назвался Никто. Теперь попробуйте доказать, что Никто принадлежит вам.

Пятая сумка захлопнулась.

Имена вернулись к людям.

Древний дракон Никто посмотрел на Гориславу.

— Дочь, — сказал он.

Обе драконицы одновременно отступили.

Глава тридцать шестая

Отец, появившийся позже дочери

Профессор сверился с приборами.

— Генетически Никто действительно является предком Гориславы.

— Насколько далёким? — спросил Эраст.

— Он её отец, дед, прадед и несколько видов промежуточных ящеров.

Тарас покачал головой.

— Семейные встречи у драконов ещё сложнее наших.

Маргарита Всеволодовна поправила очки.

— Ничего сложного. Родственник есть родственник. Главное — не оставлять его голодным.

Она достала из авоськи бутерброд и протянула дракону размером с университетский корпус.

Никто осторожно взял еду кончиком когтя.

— Мало, — сообщил он.

— Сначала попробуйте. Потом будете критиковать.

Хозяин пытался восстановить власть над именами. Он приклеивал к предметам таблички: «МОЁ», «ТОЖЕ МОЁ» и «ВРЕМЕННО ЧУЖОЕ». Никто с любопытством съедал таблички.

— Вы разрушаете порядок! — закричал Хозяин.

— Вкусный, — ответил дракон.

Пуаронов осмотрел царапины на его чешуе. Одна совпадала со следом на печати контролёра. Другая — с повреждением могильной чешуи Гориславы.

— Никто присутствовал в день её исчезновения.

— Я прятал дочь, — сказал дракон.

— Где?

— До себя.

— Это место или время?

— Да.

Хронопятов побледнел.

— Он отправил Гориславу в эпоху до собственного появления. Поэтому установка не могла обнаружить её и зарегистрировала детёныша первым драконом.

— Получается, взрослая Горислава всё это время находилась немножко до драконов? — спросил Эраст.

— Именно.

— Тогда кто прислал чешуйку?

Никто указал на будущего Эраста.

Тот снова появился возле шкафа. Теперь он был ранен. В руке держал пустой конверт.

— Я отправил, — сказал пожилой Кунилин. — Но текст написал не я.

— Кто?

— Горислава. Только не та, которую вы знаете.

За его спиной возникла третья драконица.

Она была белой, без крыльев и носила на шее восьмую сумку.

Глава тридцать седьмая

Третья версия одного похищения

Белая драконица назвалась Искрой.

Гориславой она была в мире, где Эраст передал семь ценностей Хозяину. После этого драконы стали собственностью Империи. Им выдавали номера, определяли допустимую температуру пламени и запрещали летать без маршрутного листа.

— Я отказалась от имени, — сказала Искра. — Без него меня не смогли поставить на учёт.

— И взяли другое? — спросил Тарас.

— Имя Искра мне дала девочка, которую я спасла.

— Значит, оно снова стало вашим.

— Нет. Стало нашим воспоминанием.

Пуаронов обошёл драконицу. Восьмая сумка на её шее была чёрной. Изнутри доносилось парापанье Сомнения, хотя само существо сидело в кармане Тараса.

— Это копия?

— Нет. То же Сомнение из другого будущего.

Два вопросительных знака увидели друг друга и немедленно усомнились, кто настоящий. От этого оба удвоились.

— Скоро их станет слишком много, — предупредил профессор.

— Сомнений слишком много не бывает, — сказал Пуаронов. — Бывает слишком мало решений.

Шестая сумка открылась.

Из неё вылетела развилка.

Она вонзилась в пол, и помещение разделилось надвое. В одном варианте Эраст шагнул вправо. В другом — влево. Оба решения продолжили существовать.

Затем Тарас решил проверить карманы Хозяина и одновременно решил не рисковать. Появились два Тараса.

Пломбина выбрала охранять груз и преследовать преступника. Возникли две бригады инкассаторов.

Через минуту лабораторию заполнили сотни вариантов каждого человека.

— Исчезло право выбора, — сказал Хронопатов.

— Наоборот, — возразил Пуаронов. — Каждый выбор теперь становится отдельной реальностью. Исчезло право отказаться от остальных вариантов.

Хозяин радостно смотрел, как множатся миры.

— В каждом из них появится собственность. В каждом буду я.

Маргарита Всеволодовна оглядела несколько сотен Эрастов.

— Кто из вас женат на моей дочери?

Все подняли руки.

— Тогда остальные могут исчезнуть.

Миры не послушались.

— Обычно это работает, — удивилась она.

Глава тридцать восьмая

Выбор из вариантов, придуманных чужим человеком

Каждая развилка предлагала два пути.

На первой двери было написано: «СПАСТИ ГОРИСЛАВУ». На второй: «СПАСТИ МИР».

— Ложный выбор, — сказал Эраст. — Мы должны сделать и то и другое.

Появилась третья дверь: «ПОПЫТАТЬСЯ СПАСТИ ОБОИХ И ПОТЕРЯТЬ ВСЁ».

— Очень отзывчивая система, — заметил Тарас.

Пуаронов не подошёл ни к одной двери. Он изучал петли.

— Все варианты принадлежат Хозяину. Пока мы выбираем предложенное, победит он.

— Что делать?

— Создать вариант, которого нет.

Тарас достал монету.

— Орёл — спасаем мир. Решка — Гориславу. На ребро — идём обедать.

Он подбросил монету.

Она зависла в воздухе и разделилась на три. Один Тарас спасал мир, второй Гориславу, третий уже искал столовую.

— Метод не сработал, — сказал первый.

— Зато третий доволен, — ответил второй.

Эраст закрыл глаза.

Он вспомнил Веру, Дом, первую встречу с Тарасом и все случаи, когда мир требовал выбрать одну правильную жертву. Мироздание любило такие задачи, потому что само не несло ответственности за ответ.

— Я не выбираю между Гориславой и миром, — сказал он. — Я выбираю не принимать этот выбор.

Ничего не произошло.

— Нужно действие, — подсказал Пуаронов.

Эраст снял обе двери с петель.

За ними оказалась одна и та же комната.

В центре стоял Хозяин и управлял развилками.

— Вы обязаны выбрать! — крикнул он.

— Мы выбрали войти без разрешения, — ответил Тарас.

Все варианты героев начали сливаться. Сотни Эрастов превратились в одного, сохранившего усталость каждого. Тарасы объединились, и у него в карманах оказалось имущество всех версий. Он немедленно предложил повторить эксперимент.

Инкассаторские бригады снова стали одной.

Шестая сумка закрылась.

Горислава проглотила светящуюся развилку.

— Шесть, — сказала Пломбина.

Седьмая сумка открылась.

На всём появилась цена.

Глава тридцать девятая

Сколько стоит то, чего нельзя купить

Над головой Эраста возник ценник: «Средняя стоимость спасения одного мира с учётом износа героя».

Цифра постоянно уменьшалась.

— Почему дешевле? — спросил он.

— Предложение превышает спрос, — сказал Тарас. — Миров много, спаситель один и уже подержанный.

На самом Тарасе висела табличка: «Цена договорная».

Пуаронов оказался «Не для продажи». Маргарита Всеволодовна — «Продавец передумал».

Гориславу оценили дороже всех государств вместе.

Хозяин вырос до потолка.

— Наконец всё можно сравнить, — сказал он. — То, что имеет цену, можно купить. То, что не имеет, ничего не стоит.

— Ошибка, — ответила Пломбина. — Отсутствие цены запрещает операцию.

— Я сам назначу цену.

— Продавец кто?

— Я.

— Покупатель?

— Тоже я.

— Операция между одним лицом не требует инкассации. Мы уезжаем.

Инкассаторы начали грузить сумки в бронебик.

Хозяин приклеил к машине ценник. Наличных сорвал его.

— Не продаётся.

— Всё продаётся.

— Эта машина служебная. Даже водитель ей не владеет. Он только отвечает за каждую царапину.

Хозяин коснулся бронированного борта и отдернул руку. Ответственность оказалась тяжелее собственности.

Пуаронов заметил это.

— Вот что вы не можете присвоить. Ответственность.

— Она следует за правом.

— Нет. Вы забираете право и оставляете ответственность владельцу. Поэтому растёте, а мир расплачивается.

Тарас снял свой ценник.

— Согласен принять право без ответственности.

— Вы уже много лет тренируетесь, — сказал Эраст.

Снаружи город превращался в рынок. Люди торговали временем, дружбой, воспоминаниями и правом не отвечать на звонки. Несколько студентов пытались продать диплом до защиты. Академик Завтраков купил собственное обещание и перенёс оплату на завтра.

Взрослая Горислава посмотрела на ценник над своей головой.

— Если я дороже мира, меня придётся отдать.

— Кому? — спросил Эраст.

— Тому, кто сохранит мир.

— Именно этого хочет Хозяин, — сказал Пуаронов. — Чтобы вы согласились стать товаром ради остальных.

Маленькая Горислава подлетела к взрослой и сожгла ценник.

— Молодая вы принимает решения быстрее, — заметил Тарас.

— Молодая я ещё не научилась бояться цены ошибки.

— Зато знает её стоимость, — ответил сыщик. — Ноль. Ошибка не продаётся. За неё платят после.

Глава сороковая

Ограбление, которое оказалось доставкой

Седьмая ценность не покидала сумку.

Стоимость лежала внутри в виде простой медной монеты. На одной стороне было выбито «СКОЛЬКО», на другой — «ДЛЯ КОГО».

— Почему она не улетает? — спросил Эраст.

— Потому что стоимость возникает только при обмене, — сказала Пломбина. — Кто-то должен предложить встречную ценность.

Хозяин положил перед сумкой ключи от всех городов, короны всех правителей и документы на миры, которых ещё не существовало.

Монета не шевельнулась.

— Мало? — удивился он.

Тарас выложил содержимое карманов: три билета, чужую пуговицу, скидочную карту без бонусов и два Сомнения.

Монета приподнялась, подумала и снова легла.

— Почти, — сказал Тарас.

Эраст снял с пальца обручальное кольцо.

Маргарита Всеволодовна посмотрела на него.

— Я временно, — пояснил он.

Он положил кольцо рядом с сумкой.

Монета поднялась.

— Подходит, — сказал Хозяин. — Кольцо подтверждает принадлежность одного человека другому.

— Нет, — возразил Эраст. — Оно напоминает, что два человека добровольно выбрали быть рядом. Никто никому не принадлежит.

Монета раскалилась.

Горислава схватила её зубами и проглотила.

Седьмая сумка захлопнулась.

Ценники исчезли.

Хозяин уменьшился до человеческого роста.

— Все семь ценностей у дракона, — сказала Пломбина. — Теперь груз похищен окончательно.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Теперь он доставлен правильному получателю.

— В маршруте указана Москва.

— Москва была не получателем, а отправителем. Город собрал доверие, меру, обещание, память, имя, выбор и стоимость. Московские инкассаторы должны были отвезти их тому, кто не станет ими владеть.

— Почему Гориславе?

— Потому что первый свободный дракон способен разнести их по времени.

Хозяин засмеялся.

— Вы забыли восьмую сумку.

Чёрный мешок на шее Искры раскрылся.

Два Сомнения исчезли из карманов Тараса и прыгнули внутрь. Мешок начал расти. Через несколько секунд он стал больше лаборатории.

— Что происходит? — спросил профессор.

— Сомнение не было грузом, — понял Пуаронов. — Это упаковка для всей истории.

Чёрная ткань накрыла стены, броневики и людей. ВГТУ исчез.

Они снова оказались в додраконовой эпохе.

Перед ними лежали тысячи яиц.

Над каждым висел вопрос: «Родиться или нет?»

Никто стоял среди кладки. Рядом с ним находился пожилой Эраст.

— Вы опоздали, — сказал будущий Кунилин. — Горислава уже похитила семь ценностей.

— Мы знаем, — ответил молодой Эраст.

— Нет. Вы видели только второе похищение.

Пуаронов снял шляпу.

— А первое?

Пожилой Эраст указал на самое большое яйцо.

Изнутри постучали семь раз.

— Сначала она скоммуниздила не ценности, — сказал он. — Сначала она украла время драконов.

Часть третья

Эпоха, не поставленная на учёт

Глава сорок первая

Яйцо с историческим сроком хранения

Самое большое яйцо лежало в центре кладки.

Оно было выше броневика, шире университетской аудитории и заметно тяжелее будущего, которое пыталось из него появиться.

На скорлупе тянулись даты. Одни относились к древности, другие ещё не наступили, третьи были зачёркнуты и сопровождались пометкой: «Эта эпоха признана нецелесообразной».

Пломбина приложила сканер.

— Внутри находится груз.

— Какой? — спросил Броневиков.

— Время. Примерно три миллиона лет.

Тарас присвистнул.

— Если продать хотя бы по минуте, можно больше не работать.

— Вы и сейчас справляетесь без продажи, — сказал Эраст.

Профессор Хронопятов обошёл яйцо.

— В нём заключена эпоха драконов. Все события, которые должны были произойти между первым и последним драконом.

— Как можно украсть время? — спросил Наличных.

— Так же, как всё остальное. Сначала убедить окружающих, что оно кому-то принадлежит.

Хозяин подошёл к скорлупе.

— Эпоха моя. Я организовал её, зарегистрировал и обеспечил историческую необходимость.

— Кто подписал акт приёма? — спросила Пломбина.

— Первый дракон.

Все посмотрели на Никто.

Древний зверь доел бутерброд и ответил:

— Не подписывал.

— Он мог забыть, — сказал Хозяин.

— Дракон Никто появился до письменности, — заметил Пуаронов. — Если у вас есть его подпись, она поддельная или значительно опередила образование.

Пожилой Эраст положил ладонь на яйцо.

Внутри загремели крылья. На несколько секунд скорлупа стала прозрачной.

За ней проносились века: драконы строили города, воевали, заключали союзы, учились у людей, учили людей летать и несколько раз сжигали налоговую отчётность, за что позднее были объявлены мифическими существами.

Маленькая Горислава прижалась носом к скорлупе.

— Это её жизнь, — сказал Эраст.

— Не только её, — ответил Пуаронов. — Здесь миллионы жизней. Похититель украл не время. Он украл возможность случиться.

Изнутри снова постучали семь раз.

На поверхности яйца проступила восьмая отметка.

Она была похожа на след человеческой ладони.

Пуаронов сравнил её с рукой пожилого Эраста.

Совпадение оказалось точным.

Глава сорок вторая

Человек, оставивший отпечаток до собственного рождения

— Значит, яйцо закрыли вы, — сказал молодой Эраст.

— Да, — ответил пожилой.

— Почему тогда обвинили Гориславу?

— Я не обвинял. Я сказал, что она украла эпоху. Закрыл её я.

— Это одно и то же.

— Нет. В хорошем преступлении роли распределяются заранее. Иначе участники начинают импровизировать и получается государственное управление.

Тарас одобрительно кивнул.

Пуаронов рассматривал отпечаток.

— Рука ваша, но след оставлен позже, чем сформировалась скорлупа.

— Разумеется.

— Тогда яйцо сначала существовало открытым.

— Яйца обычно так не существуют, — заметил профессор.

— Это не яйцо, — сказал Пуаронов. — Это хранилище, которому придали форму яйца, чтобы драконы его охраняли.

Никто постучал когтем по скорлупе.

Звук оказался металлическим.

Пломбина нашла под слоем камня замочную скважину. Она совпадала с ключом от московского банковского хранилища.

Наличных проверил связку.

Одного ключа не хватало.

— Кто брал? — спросил Броневилов.

Все посмотрели на Тараса.

— У меня нет.

Сомнение выглянуло из его кармана и выразительно посмотрело вниз.

Тарас снял ботинок. Ключ находился под стелькой.

— Вот почему идти было неудобно.

— Как он туда попал?

— Видимо, спрятался.

Пуаронов не стал спорить с версией. Иногда улика, проведенная достаточно времени рядом с Тарасом, действительно начинала действовать самостоятельно.

Пломбина вставила ключ.

— Открывать без получателя запрещено.

— Получатель внутри, — сказал пожилой Эраст.

— Кто?

— Все драконы, которых ещё нет.

— У них отсутствуют документы.

Маргарита Всеволодовна раскрыла авоську.

— У маленькой есть свидетельство о включении в семью. На остальных потом оформим приложение.

Пломбина посмотрела на яйцо, внутри которого помещались миллионы драконов.

— Приложение будет объёмным.

— Ничего. Эраст поможет.

Эраст впервые испугался не конца мира, а бумажной работы после него.

Глава сорок третья

Вскрытие без права открывать

Ключ повернулся, но яйцо не открылось.

На скорлупе появилась надпись: «ТРЕБУЕТСЯ ВТОРОЙ КЛЮЧ».

— Где он? — спросил Броневигов.

— Первый находится у отправителя, второй должен быть у получателя, — объяснила Пломбаина.

— Получатели не родились.

— Поэтому вскрытие невозможно.

Хозяин поднял руку.

— Я представляю будущих драконов.

Никто наклонился к нему.

— Не представляешь.

— Я создал для них Империю.

— Они просили?

— Они ещё не умели.

— Значит, не просили.

Сомнение довольно завиляло хвостом, которого у него не было.

Пуаронов осмотрел замок. Рядом с человеческой скважиной находилась узкая трещина, обожжённая изнутри.

— Второй ключ не металлический. Это пламя первого дракона.

Маленькая Горислава вдохнула.

— Не торопитесь, — остановил её сыщик.

— Почему?

— Она не первый дракон. Установка ошиблась.

Все посмотрели на Никто.

Тот открыл пасть и выпустил дым.

— Огонь не придумал.

— Как дракон может не уметь дышать огнём? — удивился Тарас.

— Я выбрал другое.

— Что?

Никто выдохнул тёплый ветер. Над кладкой появились облака. Пошёл первый дождь.

— Он не огненный дракон, — сказал профессор. — Он предок всех видов. Пламя появится у его потомков.

— Тогда нужен первый огнедышащий дракон, — понял Эраст.

Белая Искра подошла к замку.

— Это я.

— Вы из другого будущего, — возразил Хронопятов.

— Но моё пламя появилось раньше пламени Гориславы. В моём мире её не существовало.

Искра вдохнула.

Из её пасти вышел белый огонь. Он не нагревал предметы, а стирал их возможные названия.

Замок исчез.
Яйцо приоткрылось.
Из щели вырвалась одна секунда времени.
За эту секунду все успели постареть на год.
Тарас посмотрел на руки.
— Закрывайте. Проценты слишком высокие.

Глава сорок четвёртая
Инкассация трёх миллионов лет
Щель закрыли броневой дверью автомобиля.
Она не подходила по размеру, форме и историческому назначению, зато выдерживала давление времени. Броневик прижался к яйцу задним бортом и стал временной пробкой.

— Машину поведёт внутрь, — сказал Наличных.
— Удержите, — приказал Броневилов.
— Чем?
— Профессионализмом.
— Он не предусмотрен конструкцией.

Колёса забуксовали. Из трещины вырывались минуты, часы и отдельные выходные. Тарас ловил последние, складывал в карман и объяснял, что после спасения мира всем понадобится отдых.

Пломбина открыла грузовой реестр.
— Для перевозки эпохи нужен контейнер.
— Яйцо и есть контейнер, — сказал профессор.
— На нём нет номера.
Хозяин немедленно предложил свой.
— Не принимается, — ответила она. — Номер должен присвоить отправитель.
— Кто отправитель?

Пуаронов посмотрел на пожилого Эраста.
— Человек, закрывший хранилище.
Будущий Кунилин достал маркер и написал на скорлупе: «ГРУЗ НОМЕР НОЛЬ».
— Почему ноль? — спросил молодой Эраст.
— Потому что он отправлен до начала учёта.
— Куда доставить?
— В Воронежский государственный технический университет.

Хронопятов оглянулся. Вокруг не существовало ни Воронежа, ни университета, ни государства, способного утвердить его название.

— Зачем?
— Чтобы машина времени была найдена там, где мы её уже нашли.
— Значит, лабораторию тоже нужно перевезти?
— И построить, — добавил будущий Эраст.

Тарас перестал ловить выходные.

— Я правильно понял: сначала мы должны построить ВГТУ за несколько миллионов лет до основания, потом положить под него машину времени, доставить яйцо и сделать вид, что ничего не было?

— Да.
— А смета?
— Не сохранилась.
— Тогда строительство будет исторически достоверным.

Глава сорок пятая

Стройка века, начатая до появления веков

Фундамент будущей лаборатории заложили рядом с кладкой.

Каменные воины Архивулкана таскали блоки, потому что после разоблачения Хозяина не понимали, кому служить, а Маргарита Всеволодовна быстро нашла им работу.

— Камень ровнее кладите, — говорила она. — Миллионы лет простоит, а потом студенты жаловаться будут.

Профессор Хронопятов составил чертёж по памяти. Каждая ошибка на чертеже объясняла будущую странность лаборатории: лестницу, ведущую вниз со второго этажа, розетку внутри шкафа и окно, выходившее в соседний год.

— Теперь понятно, почему ремонт никто не мог закончить, — сказал он.

— Вы сами его неправильно начали, — ответил Эраст.

Наличных использовал броневик как тягач. Броневики отвечали за сохранность яйца. Пломбина переписывала номера блоков, хотя письменность появится позднее и потому записи приходилось прятать от истории.

Тарас организовал поставку материалов.

— Откуда камень? — спросил Эраст.

— Взял у горы.

— С разрешения?

— Гора не возражала.

Вдалеке обиженно загрохотало.

— Уже возражает.

— Поздно. Материал принят.

Пуаронов не участвовал в строительстве. Он ходил вокруг будущей лаборатории и искал то, чего здесь быть не должно.

На одном из блоков обнаружилась надпись шариковой ручкой: «АРХИВОВ БЫЛ ПРАВ».

Шариковых ручек ещё не существовало.

Архивулкан увидел надпись и расправил плечи.

— История меня оправдает.

— История ничего не подписывает без свидетелей, — сказал Пуаронов.

Он провёл по буквам мокрой тканью. Чернила не стёрлись, зато камень вокруг помолодел.

— Надпись нанесена изнутри времени. Кто-то находится в яйце и оставляет нам сообщения.

Из скорлупы постучали.

На этот раз не семь раз.

Три коротких, три длинных и снова три коротких.

— Сигнал бедствия, — сказала Пломбина.

— От кого? — спросил Эраст.

На яйце проступили слова:

«ВГТУ. ВЫПУСК ДРАКОНОВ. ГРУППА Д НОЛЬ».

Глава сорок шестая

Студенты, окончившие университет до поступления

Яйцо открылось ровно настолько, чтобы выпустить аудиторию.

Она вылетела целиком: стены, парты, доска и двадцать пять студентов. Аудитория мягко опустилась рядом с недостроенной лабораторией, словно всю жизнь ждала свободного места.

Студенты были драконами.

Одни сидели за партами, другие на партах, самые крупные занимали сразу два ряда и часть преподавателя. На доске значилась тема: «Безопасное взаимодействие с человеком. Практика не кусать».

Преподаватель, старый зелёный дракон в очках, закрыл журнал.

— Занятие окончено досрочно по причине начала истории.

Хронопятов вошёл в аудиторию.

— Вы учитесь в ВГТУ?

— Выпускная группа Д ноль, — ответил преподаватель. — Первый набор факультета драконьих технических систем.

— Но факультета нет.

— Нас поэтому и выпустили. Образовательная программа закончилась раньше учреждения.

Пуаронов попросил список группы.

В нём значились Горислава, Искра, Никто и ещё двадцать два имени. Напротив фамилии Гориславы стояла отметка «Не явилась в связи с похищением эпохи».

— Кто сделал запись? — спросил сыщик.

— Декан.

— Где он?

Преподаватель показал на яйцо.

— Остался принимать государственный экзамен.

— По какому предмету?

— Управление временем без цели завладения имуществом.

Тарас покачал головой.

— Слишком узкая специальность.

— Ни один студент не сдал, — согласился дракон.

Маленькая Горислава подошла к своей парте. Внутри лежала зачётная книжка. Все оценки были выставлены будущими датами.

Последняя дисциплина называлась «Самостоятельный выбор судьбы».

В графе стояло: «Не зачтено».

— Почему? — спросил Эраст.

Преподаватель посмотрел на взрослую Гориславу.

— Потому что она украла эпоху по чужому плану.

Пожилой Эраст опустил глаза.

Глава сорок седьмая

План спасения, составленный виновником

— Это был мой план, — признался будущий Эраст.

Молодой Кунилин ожидал такого ответа и всё равно почувствовал себя обманутым. Будущее обладало неприятной привычкой совершать ошибки его лицом.

— Зачем ты заставил её украсть эпоху?

— Хозяин победил. Он получил семь ценностей, подчинил драконов и начал переписывать прошлое. Остановить его в будущем было невозможно. Я решил спрятать всю эпоху там, где он не сможет ею владеть.

— В яйце?

— В выборе Гориславы. Только свободное решение нельзя присвоить.

Преподаватель постучал когтем по незачтённой дисциплине.

— Но решение не было свободным. Вы сообщили ей, что другого способа нет.

— Другого способа не было.

— Это разные утверждения, — сказал Пуаронов. — Отсутствие известного варианта не доказывает отсутствие остальных.

Будущий Эраст устало посмотрел на него.

— У меня не было времени расследовать философию.

— Поэтому теперь расследуем преступление.

— Какое?

— Принуждение дракона к похищению собственного будущего.

Тарас поднял руку.

— А само похищение остаётся?

— Остаётся.

— Хорошо. Название спасено.

Горислава взяла зачётную книжку. Маленькая и взрослая версии держали её одновременно.

— Я согласилась, — сказала взрослая.

— Потому что доверяла Эрасту, — ответил преподаватель. — Доверие было первой ценностью. Оно же стало первым орудием.

Хозяин улыбнулся.

— Видите? Даже свобода принадлежит тому, кому доверяют.

Сомнение прыгнуло ему на сапог.

— Не обязательно, — сказал Тарас.

В небе открылись тысячи огненных порталов.

Из них вышла армия драконов будущего. На каждом был металлический ошейник с номером Империи.

Первый дракон держал приказ:

«Вернуть похищенную эпоху законному владельцу».

Под приказом стояла подпись Гориславы.

Глава сорок восьмая

Армия, прибывшая арестовать собственное рождение

Драконы окружили кладку.

Командующий опустился перед броневином. Его доспех был спаян с чешуёй, ана левом крыле красовался инвентарный номер.

— Выдайте эпоху.

— Назовите получателя, — сказала Пломбина.

— Империя.

— Империя не является лицом.

— В нашем времени является.

— Здесь ваше время находится в яйце. Следовательно, правоспособность ещё не наступила.

Командующий задумался. Военная подготовка не предусматривала нападения на бухгалтерскую логику.

Хозяин поднял руки.

— Я подтверждаю полномочия.

— Вы заинтересованная сторона, — сказал Броневином. — Отойдите от груза.

Драконы начали снижаться.

Наличных завёл двигатель.

— Куда поедет?

— По периметру, — приказал старший.

— Периметра ещё нет.

— Создайте.

Броневик тронулся вокруг яйца. Следы колёс образовали первую в истории охраняемую границу. Пломбина поставила таблички «ПОСТОРОННИМ ВХОД ЗАПРЕЩЁН». Каменные воины развернули их к драконам.

— Они умеют читать? — спросил Эраст.

— Через три миллиона лет научатся, — ответил профессор.

— Тогда предупредили заранее.

Командующий выпустил огонь.

Никто поднял крылья. Первый дождь обрушился на пламя и превратил поле в грязь.

Драконы скользили, сталкивались и возмущённо требовали подготовить посадочную площадку. Тарас продавал им участки сухой земли, пока Пломбина не отобрала у него самодельные свидетельства.

Белая Искра бросилась к командующему.

— Снимите ошейники!

— Они подтверждают принадлежность.

— Они подтверждают рабство.

— Разница определяется владельцем.

Горислава взревела.

В яйце ей ответила украденная эпоха.

Все ошейники одновременно раскались.

Глава сорок девятая

Разрешение на полёт, которое улетело первым

Драконы пытались снять ошейники, но замки открывались только разрешением Империи.

Разрешение находилось у командующего в металлическом тубусе. Тубус был прикреплён к доспеху цепью, доспех — к дракону, дракон — к служебной необходимости.

— Нужно забрать документ, — сказал Эраст.

— Похитить? — уточнил Тарас.

— Временно изъять.

— Наконец заговорили профессионально.

Пока Горислава отвлекала командующего, Тарас подполз к нему под крылом. Сомнение сидело у Тараса на плече и подсказывало, что идея плохая. Тарас соглашался, но продолжал: хорошие идеи редко требовали от него участия.

Цепь оказалась заперта на семь замков.

Первый открывался доверием. Второй — мерой. Третий — обещанием. Остальные требовали память, имя, выбор и подтверждение стоимости.

— У нас всё это есть, — сказал Эраст.

— Внутри Гориславы.

Огнедышка подлетела, коснулась цепи и выпустила семь разноцветных искр. Замки раскрылись.

Тарас схватил тубус.

Командующий повернул голову.

— Вор!

— Специалист по альтернативной доставке!

Тарас побежал.

Драконы взлетели за ним, но ошейники потребовали действующее разрешение. Без документа армия зависла в воздухе на высоте двух метров и стала медленно опускаться.

Тарас добежал до броневика, открыл тубус и прочитал:

«Разрешается полёт по маршруту, утверждённому Хозяином».
Ниже имелась пустая строка.
Он вписал: «Куда хочется».
Печать Империи затрещала, но признала почерк достаточно безответственным для высшего должностного лица.
Ошейники раскрылись.
Драконы поднялись в небо.
— Приказываю атаковать! — закричал командующий.
Никто не послушался.
Впервые приказ оказался просто звуком.

Глава пятидесятая

Свобода с обязательной регистрацией по месту пребывания
Освобождённые драконы не знали, что делать.
Одни улетели исследовать мир. Другие остались возле яйца. Третьи потребовали инструкцию по самостоятельности, поскольку предыдущая инструкция запрещала действовать без инструкции.

Броневики выстроил их в очередь.
— Свобода выдаётся без подписи, — сказал он. — Получили и не задерживайте остальных.

Пломбина возразила:

— Нужно зафиксировать отсутствие передачи.

— Как?

— Составить акт о том, что акт не требуется.

Эраст посмотрел на Пуаронова.

— Мы точно победили бюрократию?

— Она не противник, — ответил сыщик. — Это природная среда. Победить её невозможно, но можно научиться дышать реже.

Хозяин потерял армию, но не власть. Он ходил между драконами и предлагал каждому участок неба, личную гору или право владеть собственным пламенем.

Некоторые соглашались.

На их шеях снова появлялись тонкие ошейники.

— Они сами выбирают, — сказал будущий Эраст.

— Выбор без знания цены не свободен, — возразил Пуаронов.

Горислава раскрыла крылья. На чешуе вспыхнули семь ценностей. Каждый дракон увидел последствия договора: участок неба заканчивался у первой границы, личная гора требовала охраны, а право на пламя сопровождалось налогом на дым.

Ошейники исчезли.

Хозяин отступил к яйцу.

— Тогда я открою эпоху сам.

Он коснулся скорлупы.

Яйцо узнало владельца.

Замок щёлкнул.

— Почему оно его признало? — спросил Эраст.

Пуаронов посмотрел на человеческий отпечаток.

— Потому что Хозяин носит ваше будущее лицо. Для замка он Эраст.

Яйцо начало раскрываться.

Три миллиона лет хлынули наружу.

Глава пятьдесят первая

Три миллиона лет за одну минуту

Время не текло. Оно падало.

На поле возникали и исчезали города. Горы покрывались крепостями, крепости становились музеями, музеи снова превращались в горы. Драконы рождались, старели и оставляли после себя легенды прежде, чем люди успевали испугаться.

Броневи́к за несколько секунд покрылся ржавчиной, был отреставрирован в будущем, выставлен в музей и снова оказался новым, потому что Наличных отказался принимать износ.

— Пробег не подтверждён, — упрямо говорил водитель.

Инкассаторы держались за машину. Хронопятóв держался за прибор. Тарас держался за карманы, в которых быстро обесценивались пойманные выходные.

Эраст увидел собственную жизнь десятками вариантов. В одном он не сел в поезд. В другом яйцо не раскрылось. В третьем он стал профессором ВГТУ и преподавал дисциплину «Практическое уклонение от пророчеств».

— Не смотрите! — крикнул Пуаронов. — Будущее пытается выдать возможное за неизбежное.

Хозяин стоял в центре потока и рос. Каждое состоявшееся владение добавляло ему силу.

— Всё произошло! — закричал он. — Значит, всё принадлежит истории. А история принадлежит мне!

Горислава взлетела навстречу времени.

Маленькая, взрослая и белая версии соединились. Её чешуя стала красной, чёрной и белой одновременно. Семь ценностей превратились в кольцо света вокруг тела.

— Ты не удержишь эпоху, — сказал Хозяин.

— Я не буду удерживать.

Она раскрыла пасть.

Поток времени вошёл в неё.

Драконица росла. Её крылья закрыли небо, хвост обвился вокруг нескольких столетий, рога прорезали будущее.

— Она снова крадёт эпоху, — прошептал профессор.

— Нет, — сказал Пуаронов. — На этот раз принимает решение сама.

Горислава закрыла яйцо изнутри.

Время остановилось.

А драконица исчезла.

Глава пятьдесят вторая

Место преступления без похищенного

На поле осталось пустое яйцо.

Внутри лежали семь раскрытых сумок. Ценности исчезли вместе с Гориславой. На дне восьмой сумки сидело Сомнение и выглядело впервые уверенным.

— Где она? — спросил Эраст.

Профессор проверил прибор.

— Нигде.

— Так не бывает.

— Бывает. Прибор видит прошлое, настоящее и будущее. Её нет ни в одном.

Никто понюхал скорлупу.

— Между.

— Между чем?

— Между временем и тем, кто его помнит.

Хозяин лежал рядом. Без украденной эпохи он стал маленьким серым человеком. Лица у него больше не было.

Архивулкан осторожно подошёл.

— Значит, Империи не будет?

— Будет, — ответил Пуаронов. — Люди способны построить её без посторонней помощи. Но именно вашей может не быть.

— Это несправедливо.

— История не обязана сохранять каждый неудачный проект.

Пожилой Эраст исчез. Его будущее отменилось вместе с планом, который Горислава отказалась выполнять.

Молодой Эраст почувствовал облегчение и тревогу. Теперь он не знал, кем станет. Незвестность оказалась тяжелее пророчества, зато принадлежала ему.

Пломбина пересчитала сумки.

— Груз отсутствует.

— Получатель тоже, — сказал Броневику.

— Нужно объявить розыск.

Пуаронов поднял пустую чёрную чешуйку.

На ней медленно проявилась новая надпись:

«ИЩИТЕ ТАМ, ГДЕ ДРАКОНОВ ПРИДУМАЛИ».

Тарас оглядел додраконовую равнину.

— Здесь их ещё не придумали.

— Значит, возвращаемся в ВГТУ, — сказал профессор. — Обычно всё опасное сначала придумывают в университете, а потом оформляют как научный результат.

Глава пятьдесят третья

Возвращение без эпохи и с актом утраты

Для возвращения использовали пустое яйцо.

Хронопятов подключил к скорлупе прибор, Наличных подал питание от броневика, а Тарас держал провод в том месте, где изоляция отсутствовала и потому особенно нуждалась в человеческом участии.

— Почему я?

— У вас резиновая подошва.

— Она вчера была кожаной.

— Время внесло улучшения.

Портал открылся внутри яйца. Сначала показался потолок лаборатории ВГТУ, затем стены и вахтёр, требовавший предъявить разрешение на ввоз доисторической тары.

Броневик въехал первым.

Корпус университета выглядел обычным. Таблички висели на местах. Студенты опаздывали. Преподаватели надеялись, что это входит в образовательную программу.

Драконов не было.

Ни фигурок, ни учебных плакатов, ни следов когтей на подоконниках. Даже противопожарные инструкции не упоминали разумное пламя.

— Мы вернулись в мир без драконов, — сказал Эраст.

— Значит, Горислава забрала эпоху полностью, — ответил профессор.

Маргарита Всеволодовна нашла на столе фотографию. На ней Эраст, Вера и Тарас стояли во дворе Дома. Место Гориславы занимал пустой стул.

— Семья помнит отсутствие, — сказала она.

Пуаронов осмотрел стул на фотографии.

На сиденье лежал красный чайник.

Сыщик проверил свои карманы.

Чайника не было.

— Его забрала Горислава.

— Зачем? — спросил Эраст.

— Чтобы я нашёл её.

Пуаронов взял фотографию и провёл пальцем по краю. С обратной стороны находился штамп книжного магазина и дата, наступившая за день до рождения профессора Хронопятова.

— Драконов придумали не в лаборатории, — сказал он. — Их придумали в книге.

— Какой?

— Той, которой нет в этом мире.

На полке стоял пустой промежуток между учебником по электротехнике и справочником по банковской безопасности.

Пыль сохраняла контур толстой рукописи.

Глава пятьдесят четвёртая

Книга, из которой украли всех драконов

Библиотечный каталог утверждал, что рукопись никогда не существовала.

Карточка на неё имела. Инвентарный номер был присвоен. Книга числилась выданной читателю, чьё имя состояло из пустого места.

— Срок возврата? — спросил Пуаронов.

Библиотекарь посмотрела формуляр.

— За три миллиона лет до получения.

— Просрочка есть?

— Формально нет. Практически значительная.

Тарас поинтересовался размером штрафа и после ответа предложил признать книгу утраченной вместе с читателем.

Пуаронов попросил читательский билет.

На фотографии отсутствовало лицо. На обороте стояла печать группы Д ноль и подпись декана факультета драконьих технических систем.

— Рукопись написала Горислава, — сказал профессор. — Она спрятала эпоху в книге.

— Не написала, — возразил Пуаронов. — Стала ею.

Он взял пустую карточку. Бумага была тёплой. Если смотреть под углом, на ней проступали крошечные строки: города драконов, войны, полёты, рождение Искры и день, когда Эраст обещал вернуться за Гориславой.

— Вся эпоха сжата в текст, — понял Эраст.

— Поэтому Хозяин не может её присвоить. История принадлежит тому, кто её читает, но после чтения остаётся собой.

— Где книга?

Библиотекарь указала на окно.

За стеклом стоял человек с рукописью под мышкой.

Мегрэ Артурович узнал его сразу.

Это был Последний Читатель из шестой книги.

Он открыл первую страницу.

Над Воронежем появился дракон.

Открыл вторую.

В небе возникли ещё десять.

— Не читайте дальше! — крикнул Эраст.

Последний Читатель улыбнулся.

— Поздно. Я уже дошёл до места, где вы это говорите.

Он перевернул страницу.
Здание ВГТУ вздрогнуло.
Из подвала поднялось время драконов.

Глава пятьдесят пятая
Подвал, который оказался старше первого этажа
Время драконов поднималось по лестнице медленно.
Оно было тяжёлым, горячим и не имело пропуска.
На вахте его остановили.
— К кому? — спросила дежурная.
Из подвальной темноты высунулась золотая голова размером с кафедру.
— К потомкам.
— Фамилия?
— Драконы.
— У нас таких много не числится.
— Пока.

Дежурная записала посетителя как Драконова Д. Э. и выдала временный пропуск на одну эпоху. После этого из подвала вышли ещё семеро, затем семьдесят, а потом лестница закончилась и стала вулканом.

Коридор ВГТУ вытянулся на несколько тысяч лет. Двери аудиторий превратились в ворота. За одной шёл экзамен по осаде крепостей, за другой студенты учились не поджигать дипломную работу до защиты.

Профессор Хронопятов посмотрел на прибор.
— Университет совмещается со своей додраконовой версией.
— А она у него была? — спросил Эраст.
— Теперь была. История быстро исправляет недостаток предыстории.
Последний Читатель стоял за окном и продолжал листать рукопись.

Каждая прочитанная страница становилась частью здания. На стенах появлялись барельефы, в расписании — дисциплины, а в буфете — мясо, которое само интересовалось степенью прожарки посетителя.

Пуаронов поднял с пола библиотечную карточку.
— Он не просто читает книгу. Он вводит её в действие.
— Тогда заберём книгу, — сказал Броневилов.
— Нельзя, — ответила Пломбина. — Она выдана под подпись.
Наличных вздохнул.

— Опять закон мешает профессионализму.
Тарас посмотрел на драконов, заполнявших коридор.
— А если скоммуниздить?

Инкассаторы одновременно повернули головы.
— Термин не банковский, — предупредил Броневилов.
— Зато по названию проходит, — сказал Тарас.

В этот момент из стены выросла надпись:
«ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ ПРЕДЛОЖИЛ ОСНОВНОЙ СПОСОБ РЕШЕНИЯ».

Пуаронов нахмурился.
— Нас уже записывают.
Эраст оглянулся.
За ними шла строка текста.
Она старательно запоминала каждое слово.

Глава пятьдесят шестая

Читатель, знающий следующую реплику

Последний Читатель вошёл через окно, хотя помещение находилось на третьем этаже.

Окно после этого решило, что оно дверь, и потребовало установить ручку.

Читатель положил рукопись на кафедру.

Лица у него по-прежнему не было. На его месте перелистывались страницы.

— Кто вы? — спросил Эраст.

— Сейчас вы спросите, кто я.

— Уже спросил.

— Значит, текст немного отстаёт.

Пуаронов приблизился.

— Вы последний потому, что после вас читателей не останется?

— Нет. Потому что любой читающий считает себя последним звеном между книгой и смыслом.

— Слишком умно для подозреваемого, — заметил Тарас.

— Сейчас Тарас скажет, что это слишком умно для подозреваемого.

Тарас закрыл рот.

На странице появилась фраза: «Тарас закрыл рот».

Он немедленно открыл его.

— А вот этого там не было.

Текст колебался и дописал новую строку.

Пуаронов взял карандаш и провёл вокруг Читателя круг.

— Вы знаете только то, что уже написано. Но делаете вид, будто знаете будущее.

— Разницы почти нет.

— Для преступления — огромная. Предвидение не оставляет черновиков. У вас на рукаве следы ластика.

Читатель спрятал руку.

— Я редактирую неудачные места.

— Например, мир без драконов?

— Мир без драконов оказался скучным.

— А мир с ними?

— Опасным. Но продаётся лучше.

Тарас уважительно кивнул. Впервые мотив преступления был ему понятен без перевода.

Читатель открыл следующую страницу.

— Через три абзаца Горислава вернётся.

Эраст шагнул к книге.

Броневинов остановил его.

— Не спешите. Груз могут выдавать только после проверки целостности.

Прошёл первый абзац.

Из подвала донёсся рёв.

Второй.

Стены университета раскрыли крылья.

Читатель улыбнулся отсутствующим ртом.

— А третий я читать не буду.

Он вырвал страницу и проглотил её.

Глава пятьдесят седьмая

Похищение, совершённое пищеварительным способом

Пломбина открыла акт.

— Зафиксировано уничтожение носителя информации путём употребления внутрь.
— Не уничтожение, — поправил Пуаронов. — Соккрытие улики в подозреваемом.
— В таком случае требуется опись подозреваемого.
— Возражаю, — сказал Последний Читатель. — Моё содержимое охраняется законом

о тайне чтения.

Наличных достал переносной металлодетектор.

— Бумагу он не увидит.

— Зато увидит скрепку.

Прибор пискнул возле груди Читателя.

Броневилов удовлетворённо поднял палец.

— Имеется металлическое вложение.

Читатель отступил к кафедре. Из его рукава выпал зажим с гербом Московской инкассации.

Инкассаторы замерли.

— Это наш, — сказал Семён Аркадьевич.

— Откуда он у вас? — спросил Броневилов.

— Вы сами передадите мне его через тысячу страниц.

— Не передадим.

— Тогда он исчезнет у меня сейчас, и причинность будет испорчена.

Все посмотрели на зажим.

Тот почувствовал ответственность и начал ржать.

Пуаронов поднял его платком.

— Предмет действительно из будущего. Но на нём свежая пыль из библиотечного подвала. Подозреваемый не пришёл к нам из конца книги. Он прятался здесь до начала главы.

— Зачем? — спросил Эраст.

— Ждал рукопись. Значит, не он выбрал книгу. Книга выбрала его.

Из живота Читателя донёсся удар.

Потом второй.

На его пальто проступила красная строчка:

«НЕ ПЕРЕВОРАЧИВАЙТЕ ЧИТАТЕЛЯ».

Тарас немедленно перевернул его.

Читатель упал на кафедру, а проглоченная страница вылетела наружу и развернулась в воздухе.

На ней была нарисована дверь.

Дверь открылась.

Оттуда вышла Горислава.

Она была величиной с кошку, покрыта буквами и страшно сердита.

— Кто, — спросила она, — поставил на моей эпохе закладку?

Глава пятьдесят восьмая

Драконница мелким шрифтом

Эраст бросился к Гориславе.

Она отступила.

— Осторожно. У меня на левом крыле война за Северные горы. Помнёшь — придётся переписывать победителя.

По её чешуе двигались строки. На животе строились города, по хвосту переселялись народы, а под правым глазом две династии спорили о наследстве.

— Ты стала книгой? — спросил Эраст.

— Я стала эпохой, которую можно носить под мышкой. Не лучший вид бессмертия, зато пыли меньше, чем в мавзолее.

Хронопятов осмотрел её через прибор.

— Три миллиона лет сжаты в тридцать два печатных листа.

— Тридцать один, — сказала Горислава. — Один съели.

Последний Читатель попытался отползти.

Она прижала его хвостом.

— Зачем ты меня прочитал?

— Хотел вернуть драконов.

— Всех?

— Лучшие места.

— Он выбирал, — понял Пуаронов. — Читал только эффектные главы. Поэтому вернулись войны, огонь и имперские ошейники, но не вернулись драконьи школы, сады и санитарные нормы.

— Санитарные нормы можно оставить, — предложил Тарас.

Гориславадохнула на него дымом. На дыме мелким шрифтом было написано предупреждение.

Пломбина раскрыла реестр.

— Для восстановления груза необходимо последовательное чтение всей рукописи.

— С приложениями, — добавил Наличных.

— И примечаниями.

Последний Читатель побледнел тем местом, где предполагалось лицо.

— Там есть глава о налоговой реформе драконьих княжеств.

— Прочитаете выразительно, — приказал Броневилов.

Читатель посмотрел на дверь.

Дверь заранее заперлась.

Тогда он вытащил из кармана ластик и провёл по воздуху.

Исчезло слово «дверь».

Вместе с ним исчезли все двери ВГТУ.

Студенты обрадовались отмене занятий.

Преподаватели объявили, что выход всё равно будет найден и включён в контрольную.

Последний Читатель побежал по коридору, который больше никуда не вёл.

Глава пятьдесят девятая

Погоня по предложению с открытым концом

Коридор закончился запятой.

Читатель перепрыгнул её и оказался в следующем предложении.

Пуаронов побежал следом. Эраст — за ним. Тарас задержался, чтобы подобрать запятую: хорошая пунктуация в хозяйстве всегда пригодится.

Погоня проходила одновременно по ВГТУ и по рукописи.

Когда Читатель сворачивал налево, текст уходил в примечание. Когда спускался вниз, начиналась сноска. Один раз он спрятался в скобках, но Броневилов потребовал вскрыть их в присутствии понятых.

Горислава летела над строками.

— Не дайте ему добраться до оглавления! Он сможет поменять порядок событий.

Читатель уже видел впереди заголовков.

Тарас бросил найденную запятую.

Она попала между словами «успел» и «сбежать».

Фраза потеряла скорость.

Пуаронов настиг беглеца у номера страницы.

— Вы арестованы.

— На каком основании?

— На бумажном.

Сыщик прижал его к полю листа.

Но номер страницы оказался люком. Читатель провалился вниз, в ненаписанную часть книги.

Эраст заглянул вслед.

Там не было ни света, ни слов, ни законов природы. Только белое пространство, терпеливо ожидавшее чужих решений.

— Куда он попал? — спросил Эраст.

— В будущее текста, — ответила Горислава. — Там он может написать что угодно.

— Даже конец?

— Особенно конец.

Из белизны поднялась рука с карандашом.

На пустоте появилась первая строка:

«Все герои внезапно поняли, что Последний Читатель был прав».

Герои внезапно начали понимать.

Пуаронов ударил себя по голове читательским билетом.

— Ложный вывод! — крикнул он. — Не подкреплён уликами!

Понимание отступило.

— Быстрее, — сказала Горислава. — Пока он не научился писать убедительно.

Глава шестидесятая

Авторизация автора, которого не приглашали

Чтобы войти в ненаписанную часть, требовались права автора.

Эраст приложил ладонь к белому полю.

Поле ответило: «Недостаточно страданий для литературного доступа».

Тарас приложил свою.

«Недостаточно грамотности».

— Придирается, — сказал Тарас. — Грамотность у меня есть. Просто она не всегда со мной согласна.

Пуаронов предъявил удостоверение.

«Детектив имеет право войти после совершения преступления».

— Оно уже совершено.

«Но ещё не придумано».

Маргарита Всеволодовна отодвинула мужчин и постучала по полю костяшкой пальца.

— Откройте.

«Назовите основание».

— Я мать Веры.

Белое пространство немедленно раскрылось. Даже ненаписанное будущее знало, когда спорить бесполезно.

Все шагнули внутрь.

Там Последний Читатель строил финал. Он уже возвёл счастливый конец, два памятника себе и небольшое послесловие, где критики признавали его гениальность.

— Вы не автор, — сказала Вера.

— Автор — это тот, у кого карандаш.

— Тогда Тарас был автором половины наших неприятностей, — заметил Эраст.

— Я предпочитаю термин «соучастник замысла», — сказал Тарас.

Читатель провёл черту.

Между героями и ним выросла стена из окончательных решений.

Горислава ударила её пламенем. Решения не загорелись: окончательность вообще плохо поддаётся исправлению.

Пуаронов осмотрел кладку.

— Каждое решение опирается на предположение, что книга принадлежит тому, кто пишет.

— А кому она принадлежит? — спросил Эраст.

— Пока никому. Именно поэтому за неё все борются.

Броневилов подъехал на броневике прямо через сноску.

— В таком случае объявляю рукопись бесхозным грузом до установления получателя.

Пломбина поставила печать.

Стена покрылась инкассаторскими пломбами.

Последний Читатель больше не мог дописать ни одного окончательного решения без акта вскрытия.

— Это незаконно! — крикнул он.

— Значит, работает, — ответил Наличных.

Глава шестьдесят первая

Экспертиза почерка у существа без рук

Пуаронов забрал карандаш.

На нём не было марки, даты изготовления и следов пальцев. Зато под графитом обнаружилась драконья чешуйка.

— Карандаш сделан из рога, — сказал Никто.

Древний дракон всё это время шёл позади, потому что в ненаписанном пространстве наконец помещался целиком.

— Чьего? — спросила Горислава.

Никто понюхал карандаш.

— Моего.

— Но у тебя рога на месте.

— Этот вырос раньше меня.

Хронопятов застонал от профессионального восторга.

— Преддраконовый рог! Материя, возникшая до существа, которому должна принадлежать.

— Значит, карандаш может писать причины после последствий, — понял Пуаронов.

Читатель засмеялся.

— Наконец-то.

— Что?

— Вы расследуете не похищение драконицы. Вы расследуете появление автора.

В белом пространстве задрожали незаполненные страницы.

На каждой проступил один и тот же отпечаток — человеческая ладонь с чернильным пятном на большом пальце.

Эраст посмотрел на свои руки.

Пятно было у него.

— Я не писал эту книгу.

— Ещё нет, — ответил Читатель.

Вера взяла мужа за руку.

— Не верь ему.

— Я и не верю.

— Тогда почему пятно растёт?

Чернила поднимались по рукаву Эраста. Там, где они проходили, возникали фразы о Гориславе, ВГТУ, московских инкассаторах и человеке, который мечтал спасти мир без дополнительных семейных последствий.

Тарас прочитал одну строку.

— Стиль знакомый. Здесь я выгляжу умнее, чем обычно.

— Значит, писал друг, — сказал Пуаронов.

Горислава приблизилась к Эрасту.

— Ты обещал вернуться за мной. Чтобы выполнить обещание, ты должен был придумать место, куда я вернусь.

— Книгу?

— Мир.

Последний Читатель поклонился.

— Я всего лишь дочитал тебя до самого себя.

Глава шестьдесят вторая

Возвращение автора под расписку

Пломбина немедленно составила документ.

— Эраст Акакиевич, распишитесь в получении авторских полномочий.

— Я не хочу быть автором.

— Это не отменяет получения. Можете потом отказаться по форме АВ-13.

— Где её взять?

— У автора формы.

Эраст посмотрел на карандаш. Тот лежал у Пуаронова и притворялся канцелярской принадлежностью.

— Если я возьму его, всё написанное станет правдой?

— Нет, — сказал сыщик. — Только всё правдивое сможет стать написанным. Это значительно неудобнее.

Последний Читатель дёрнулся к карандашу.

Броневики поставил между ними бронированный портфель.

— Дистанция до ценности — два метра.

— Вы не понимаете, — сказал Читатель. — Без конца книга развалится. Драконья эпоха вытечет во все возможные миры.

— А с вашим концом?

— Останется одна правильная версия.

— В которой правы вы, — заметила Вера.

— Совпадение редакционного характера.

Эраст взял карандаш.

Чернила на руке остановились.

Перед ним возникла пустая строка.

Он написал: «Горислава снова стала собой».

Ничего не произошло.

— Почему?

Пуаронов прочитал фразу.

— Потому что вы сами не знаете, кем она стала. Нельзя вернуть человеку или дракону прежнее состояние, если оно уже не вмещает пережитое.

Горислава кивнула.

— Напиши не за меня. Напиши дверь.

— Куда?

— В место, где никто ещё не решил, какой я должна быть.
Эраст написал дверь.

Она появилась посреди белого пространства, старая, деревянная, с табличкой ВГТУ и следом когтя вместо номера аудитории.

За дверью шумел современный Воронеж.

Над городом летали драконы, но никто не кричал. Внизу стояли дорожные знаки «Уступи дорогу низколетящему».

— Такого мира не было, — сказал Хронопятов.

— Теперь есть черновик, — ответил Эраст.

Глава шестьдесят третья

Воронеж с поправкой на крылья

Они вышли к главному корпусу ВГТУ.

На фасаде висели две даты основания. Одна относилась к человеческой истории, другая была выжжена драконьими цифрами за миллион лет до появления арифметики.

Студенты спешили на занятия. Люди проходили через двери, драконы залетали в окна, а заочники появлялись только во время сессии и поэтому считались самым редким видом.

По улице ехал автобус с прицепом для хвостов.

Тарас просиял.

— Хороший мир.

— Почему?

— Здесь билет за хвост оплачивается отдельно. Есть перспективы.

Горислава ступила на площадь. Буквы на её чешуе начали гаснуть. Города, войны и династии сходили с тела и занимали места в прошлом.

Она росла, пока не стала обычной взрослой драконицей.

— Получилось, — сказал Эраст.

— Пока нет, — ответила она.

В небе появилась трещина.

Через неё был виден другой Воронеж — без драконов. Потом третий, где драконы управляли городом, а люди жаловались на коммунальное пламя. Потом четвёртый, в котором ВГТУ был единственным государством и выдавал гражданство после защиты диплома.

Хронопятов проверил прибор.

— Черновик не выбрал окончательную реальность.

— Пусть люди выберут, — предложила Вера.

— Люди выберут ту, где меньше платить, — сказал Тарас. — Потом обнаружат мелкий шрифт.

Последний Читатель вышел из двери последним. Пломбы на его одежде исчезли.

— Здесь нет написанных законов, — сказал он. — Значит, мой приговор тоже не написан.

Он свистнул.

Из трещин прилетели семь драконов. На их шеях не было ошейников. Вместо них каждый нёс раскрытую книгу.

— Кто это? — спросил Эраст.

Горислава побледнела.

— Редакторы.

Первый дракон зачеркнул небо.

Солнце исчезло как неудачная метафора.

Глава шестьдесят четвёртая

Семь редакторов и одна лишняя реальность

Редакторы опустились на крышу ВГТУ.

Красный отвечал за сюжет и требовал больше катастроф. Синий следил за логикой и не верил в Тараса. Зелёный исправлял природу. Чёрный сокращал персонажей. Белый возвращал вычеркнутое. Серый работал с документами. Седьмой ничего не делал и считался главным.

— Рукопись нарушает правила, — сказал Серый.

— Какие? — спросил Эраст.

— Все, которые мы сейчас утвердим.

Красный раскрыл книгу.

Над городом появились три армии, древнее проклятие и срочная необходимость спасти мир до обеда.

Тарас посмотрел на часы.

— До обеда двадцать минут. Можно перенести спасение на ужин?

Чёрный провёл когтем по странице.

Тарас стал прозрачным.

— Второстепенный юмористический персонаж перегружает повествование.

— Я главный! — возмутился Тарас.

— По объёму неприятностей — несомненно, — сказал Пуаронов.

Он выхватил у Чёрного книгу и показал страницу остальным.

— Здесь нет оснований для сокращения. Только мнение редактора.

— Мнения достаточно.

— Тогда моё мнение: вы подозреваемый.

Чёрный дракон стал наполовину подозреваемым. На передней лапе возник наручник.

Пуаронов улыбнулся.

— В черновом мире утверждение действует на того, кто первым его оспорил.

Белый Редактор вернул Тарасу плотность.

— Я против сокращения комического элемента.

— Спасибо, — сказал Тарас. — За это я не продам вам вашу же книгу.

Синий Редактор тем временем изучал Эраста.

— Автор внутри собственного текста создаёт логическое противоречие.

— Жизнь внутри человека тоже создаёт медицинское, — ответил Эраст. — Однако нас пока не закрыли.

Главный Редактор впервые поднял голову.

— Закрыть рукопись.

Семь книг захлопнулись.

Город начал складываться пополам.

Глава шестьдесят пятая

Инкассация города в особо крупном размере

Броневики открыл задние двери броневика.

— Загружаемся.

— Вся группа? — спросил Эраст.

— Весь город.

Наличных включил режим перевозки негабаритных ценностей. Машина расширилась изнутри. Сначала в неё поместилась площадь, потом корпус ВГТУ, затем несколько улиц и памятник, который сопротивлялся из принципа.

Пломбина записывала имущество.

— Один университет, два Воронежа, семь редакторов...

— Редакторов не берём, — сказал Тарас.

— Тогда останутся снаружи и перепишут маршрут.

— Берём как упаковку.

Город продолжал складываться. Люди входили в броневик, не прекращая заниматься делами. Водитель автобуса потребовал выделить полосу внутри салона. Драконы разместились на верхних полках, возмущаясь нормами ручной клади.

Горислава последней шагнула к машине.

Главный Редактор перегородил ей путь.

— Ты являешься текстом. Текст не может покинуть книгу.

— Я уже покидала мир, время и здравый смысл.

— Это не предусмотрено жанром.

— Значит, жанр тесный.

Она ударила хвостом. Редактор отлетел к сноске и временно стал примечанием.

Горислава вошла в броневик.

Броневики захлопнули двери и поставили пломбу.

Снаружи осталась белая пустота.

— Куда везём? — спросил Наличных.

Пломбина проверила накладную.

В графе «получатель» стояло: «Москва. Инкассаторы Московские. Вчера».

— Это мы, — сказал Семён Аркадьевич.

— Но вчера мы ничего не получали.

— Значит, сегодня придётся доставить задним числом.

Машина тронулась по ненаписанной дороге.

За ней бежал Последний Читатель.

В руке он держал последнюю страницу.

На ней уже был напечатан акт о гибели всего груза.

Глава шестьдесят шестая

Доставка вчерашнего будущего

Броневик приехал в Москву за сутки до собственного выезда.

На проходной инкассаторского управления дежурный увидел машину, сверился с журналом и отказался удивляться до начала смены.

— Цель прибытия?

— Доставка города.

— Вес?

— С населением или без?

— По документам.

Пломбина подала накладную. Документ был подписан ею завтра и погашен вчера. Дежурный нашёл всё подозрительным, а потому подлинным.

Броневик въехал в хранилище.

Внутри него Воронеж продолжал жить. ВГТУ проводил занятия, драконы осваивали московские цены, а Тарас уже сдавал в аренду место рядом с запасным колесом.

— Почему мы привезли всех сюда? — спросил Эраст.

— Потому что хранилище не является книгой, — сказал Пуаронов. — Редакторы не смогут сократить то, что принято как материальная ценность.

— А Последний Читатель?

— Он принесёт страницу. Иначе акт о гибели груза не вступит в силу.

Будто услышав его, снаружи постучали.

Три коротких удара, три длинных и снова три коротких.

— Сигнал бедствия? — спросил Броневики.

— Сигнал человека, который не знает код, но старается выглядеть международно, — ответил Пуаронов.

Дверь открыли на длину цепочки.

За ней стоял Последний Читатель.

— Я принёс документ о вашем уничтожении.

— В двух экземплярах? — спросила Пломбина.

— В одном.

— Тогда уничтожение не принимается.

Читатель попытался просунуть страницу в щель. Броневилов перехватил её щипцами.

Пуаронов посмотрел на текст.

— Подпись поддельная.

— Чья?

— Гориславы.

Дракониха подошла ближе.

Подпись на странице зашевелилась и свернулась маленьким чёрным драконом.

Никто втянул воздух.

— Не подпись.

— А что?

— Яйцо.

Буквы на странице лопнули.

Из них вылупился дракон, которого не было ни в рукописи, ни в истории.

Он раскрыл глаза и первым делом спросил:

— Кто здесь автор?

Глава шестьдесят седьмая

Новорождённый с готовым вопросом

Все посмотрели на Эраста.

Эраст посмотрел на Тараса.

— Почему на меня?

— Ты лучше врешь в критические моменты.

— Я не автор.

Маленький чёрный дракон повернул голову.

— Ответ принят.

На его лбу появилось слово «Никто».

Древний дракон возмутился.

— Занято.

Слово сместилось на бок и превратилось в «Ничей».

— Так хуже, — сказал Пуаронов. — Ничейное быстро присваивают.

Последний Читатель протиснулся в хранилище.

— Я автор.

Новорождённый посмотрел на него.

— Докажите.

— У меня последняя страница.

— У Пломбиной накладная. Она тоже не писательница.

Ирина Павловна обиделась исключительно на слово «тоже».

Читатель поднял карандаш, но карандаша у него не было. Он остался у Эраста.

— Тогда я читатель.

— Последний?

— Да.

— После последнего ничего не бывает.
Маленький дракон дыхнул чёрным огнём.
Последний Читатель исчез.
На полу остался его билет.
Тарас поднял документ.
— Удобный ребёнок. Один вопрос — и подозреваемого нет.
Пуаронов осмотрел пепел.
— Подозреваемый не уничтожен. Он переведён за пределы повествования.
— Это где?
— Там обычно находятся здравый смысл, лишние расходы и персонажи, которых автор обещал вернуть.

Горислава наклонилась к малышу.
— Кто тебя создал?
— Подпись.
— Чья?
— Того, кто подпишет меня первым.
Пломбина немедленно спрятала ручку.
— Без регистрации к дракону не прикасаться.
Ничей чихнул.
На дверях хранилища появилась надпись:
«МОСКОВСКИЙ ФИЛИАЛ ВГУ. ФАКУЛЬТЕТ АВТОРСКОЙ ОТВЕТСТВЕННО-
СТИ».

Воронеж внутри броневика получил столичную прописку.

Глава шестьдесят восьмая
Факультет, открытый до утверждения специальности
Через десять минут у факультета появился декан.
Им оказался Серый Редактор.
Он вышел из служебного шкафа в мантии, сшитой из непринятых поправок, и сразу потребовал штатное расписание.

— Вас не назначали, — сказала Плombина.
— Назначение внесено в новую редакцию.
— Покажите предыдущую.
— Она утратила силу.
— Тогда покажите, как она её теряла.
Серый Редактор понял, что встретил естественного врага.
Ничей тем временем забрался на кафедру и начал принимать вступительные экзамены у всех присутствующих.

— Назовите автора собственной жизни, — потребовал он у Эраста.
— Обстоятельства.
— Не зачтено.
— Я сам.
— Самоуверенность зачтена вместо ответа.

Тарасу достался вопрос о происхождении чужой собственности.
— Она возникает там, где хозяин отвернулся.
— Отлично.
— Я всегда говорил, что образование должно учитывать опыт.
Пуаронову предложили раскрыть преступление, которого ещё не было.
Он осмотрел аудиторию, проверил окно и указал на Серого Редактора.

— Через семь минут вы украдёте у Ничея свидетельство о рождении.
— Неправда.
— Теперь не украдёте. Преступление предотвращено.
— Тогда ваш ответ нельзя проверить.
— Именно поэтому раскрываемость будущих преступлений достигает ста процентов.
Ничей поставил ему высшую оценку.
Горислава отказалась отвечать.
— Почему? — спросил малыш.
— Ты задаёшь вопросы, которые превращают ответы в судьбу.
— А что в этом плохого?
— Ответив однажды, можно всю жизнь объяснять, почему передумала.
Ничей задумался.
На его крыльях появились первые белые пятна.
Серый Редактор незаметно потянулся к чистому свидетельству о рождении.
Пуаронов посмотрел на часы.
— На минуту раньше. Снижаю раскрываемость до девяноста восьми процентов.

Глава шестьдесят девятая

Свидетельство о рождении без факта рождения

В свидетельстве были заполнены все графы, кроме имени, родителей и даты.

Место рождения значилось точно: «между подписью и её подделкой».

Пломбина положила документ под стекло.

— До установления происхождения дракон считается спорной ценностью.

— Я живой, — сказал Ничей.

— Это не отменяет спорность.

— Я могу выбрать имя?

— После согласования с создателем.

— А если создателя нет?

— Тогда он должен представить справку об отсутствии.

Ничей посмотрел на Эраста.

— Напиши мне создателя.

Эраст сжал карандаш.

— Я уже написал дверь, и теперь в банковском хранилище лежит Воронеж. Боюсь представить, что будет, если я напишу человека.

— Получится начальник, — предположил Тарас. — Они часто возникают из одной подписи.

Пуаронов изучал последнюю страницу. Подделка Гориславы свернулась в дракона, но на бумаге остался продавленный след.

Сыщик заштриховал лист графитом.

Проявилась другая подпись.

«М. А. Пуаронов».

Все посмотрели на него.

— Вы создали Ничея? — спросил Эраст.

— Нет.

— Подпись ваша?

— Похожа.

— Это плохой признак?

— Для подозреваемого — обычный. Для сыщика — карьерный.

Пуаронов поднёс страницу к свету.

— Моя подпись нанесена раньше текста, раньше бумаги и, судя по нажиму, раньше моего рождения.

Хронопятов включил прибор.

Стрелка сделала круг и показала на московское хранилище.

— Подпись поставлена здесь через сорок лет.

— Значит, я когда-нибудь её поставлю.

— Не обязательно, — сказал Эраст. — Можно отказаться.

Пуаронов покачал головой.

— Тогда исчезнет причина рождения Ничея. А он уже существует.

Маленький дракон сел ему на плечо.

— Папа?

Мегрэ Артурович впервые за всю практику не нашёл логичного ответа.

Глава семидесятая

Отцовство как вещественное доказательство

Пуаронов потребовал провести экспертизу.

ВГТУ немедленно открыл лабораторию генеалогии невозможных существ. Заведовать ею назначили профессора Хронопятова, потому что все остальные вовремя спрятались.

Для анализа взяли чешуйку Ничея, волос Пуаронова и образец будущей подписи.

— У подписи бывает наследственность? — спросила Вера.

— У хорошей подписи бывает даже недвижимость, — ответила Пломбина.

Прибор смешал образцы, задымился и выдал три результата.

По первому Ничей являлся сыном Пуаронова.

По второму — его уликой.

По третьему Пуаронов происходил от Ничея, но должен был родиться после завершения экспертизы.

— Выбирайте наиболее вероятное, — предложил Хронопятов.

— Уберите третье, — сказал сыщик. — Я не желаю повторно проходить детство.

Ничей внимательно рассматривал Мегрэ Артуровича.

— Ты научишь меня расследовать?

— Сначала нужно установить, кто ты.

— А потом?

— Потом выясним, кто мешал установить.

— А потом?

— Потом составим список тех, кому было выгодно мешать.

— А потом?

Пуаронов понял, почему родители иногда признаются в преступлениях, которых не совершали.

Горислава коснулась чешуйки малыша.

— В нём нет моей эпохи.

Никто понюхал воздух.

— И моей.

— Откуда тогда он знает драконью речь?

— Он её не знает. Мы понимаем его до того, как он говорит.

Ничей открыл пасть.

Звука не было.

В головах присутствующих одновременно возник вопрос:

«Кто украл у меня голос?»

Пуаронов медленно повернулся к Серому Редактору.

Тот держал за спиной закрытую кавычку.

Глава семьдесят первая
Кавычки строгого содержания
Серый Редактор побежал.

Кавычка в его лапе дёргалась и выпускала отдельные звуки. Один из них был рёвом, второй — словом «папа», третий оказался началом древнего драконьего гимна и потребовал оркестр.

Пуаронов преследовал похитителя по коридору факультета.

— Верните голос владельцу!
— У него нет подтверждённого владельца!
— Голос принадлежит тому, кто им молчит.

Редактор свернул в архив. Полки там стояли до самого будущего. На каждой хранились варианты документов, которые люди собирались когда-нибудь оформить и благоразумно не оформили.

Тарас догнал Пуаронова.

— Есть план.
— Законный?
— Тогда это было бы заявление.

Он вытащил вторую кавычку, подобранную в ненаписанном пространстве.

— Если закрыть голос с обеих сторон, он станет цитатой. Цитату можно повторить.
— Откуда у вас кавычка?
— Лежала без присмотра возле чужой мысли.

Они зажали Серого Редактора между двумя знаками.

Тот превратился в прямую речь.

— «Я не крал голос, а временно изъял его для стилистической правки», — произнёс он против воли.

— Признание получено, — сказал Пуаронов.
— Вырвано из контекста!
— Контекст задержан отдельно.

Ничей подбежал и проглотил кавычку со своим голосом.

— Теперь меня слышно?

Стёкла хранилища треснули.

— Слишком хорошо, — сказал Броневилов. — Убавьте ребёнка до разрешённого уровня.

Малыш шепнул:

— Я знаю, зачем меня создали.
— Зачем? — спросил Пуаронов.
— Чтобы назвать настоящего автора.

В хранилище погас свет.

Из броневиловки раздался голос, которого раньше не было ни у одного героя:

— Не позволяйте ему произнести имя.

Глава семьдесят вторая
Имя, которое не помещалось в графу
Броневилов включил аварийное освещение.

Внутри машины никого нового не обнаружилось. Зато на каждом зеркале появилось чужое отражение.

У отражения было лицо Эраста, глаза Гориславы, пальто Пуаронова и карманы Тараса.

— Некрасиво смешали, — оценил Тарас. — Карманы следовало оставить мне.

Ничей указал на зеркало.

— Это Автор.

Отражение подняло палец.

— Автор не человек. Автор — место, где чужие решения становятся одной историей.

— У места есть имя? — спросил Пуаронов.

— Есть. Но если его назвать, все остальные имена станут персонажами.

Ничей вдохнул.

Пломбина закрыла ему пасть plombой.

— Разглашение не согласовано.

Отражение улыбнулось.

— Вы всё равно приведёте меня в ВГТУ. Именно там я был создан.

— Университет сейчас внутри броневика, — сказал Эраст.

— Поэтому я уже здесь.

Зеркала потемнели. По ним побежали кадры: студенты разных веков писали дипломы, преподаватели исправляли формулировки, драконы защищали проекты, а чиновники переименовывали специальности быстрее, чем выпускники находили работу.

Хронопятов побледнел.

— Это коллективное намерение.

— Чьё? — спросила Вера.

— Всех, кто хотел создать новое, но был вынужден оформлять старое.

Пуаронов приблизился к зеркалу.

— Значит, Автор возник из ненаписанных идей ВГТУ.

— И теперь хочет стать единственным, кто решает, какая идея попадёт в мир, — сказала Горислава.

Ничей сорвал пломбу.

— Его имя — Прое...

Из зеркала вылетела рука и утащила малыша внутрь.

На стекле остался хвостовой отпечаток.

Пуаронов достал лупу.

— Похищение совершено отражением. Наконец-то нормальное дело.

Глава семьдесят третья

Следствие по ту сторону зеркала

Чтобы пройти через зеркало, требовалось не узнавать себя.

Тарас вошёл первым и заявил, что никогда особенно не интересовался оригиналом.

Пуаронов сменил шляпу на кепку, после чего отражение перестало считать его тем же человеком.

Эрасту пришлось улыбнуться.

Зеркало не поверило и пропустило его.

За стеклом находился обратный ВГТУ. Лестницы вели с нижних этажей на нижние, двери открывались в закрытые помещения, а дипломы выдавали при поступлении и отбирали после защиты.

По коридору шли студенты задом наперёд. Они забывали знания по мере приближения к аудитории и выходили на экзамен подготовленными исключительно к прошлому семестру.

— Уютное место, — сказал Тарас. — Здесь долги уменьшаются, если брать новые.

След Ничея состоял из вопросов. Они лежали на полу, как маленькие чёрные крючки.

Пуаронов поднял один.

«Почему создатель боится созданного?»

Второй спрашивал: «Можно ли украсть того, кто ничей?»

Третий оказался самым свежим: «Почему похититель знает расписание инкассаторов?»
Броневилов остановился.

— Расписание закрытое.

— Кто имеет доступ? — спросил сыщик.

— Руководство, диспетчеры и экипаж.

Все посмотрели на троих инкассаторов.

Пломбина достала журнал.

— Вчера к маршруту добавили четвёртого сотрудника.

— Кого?

В графе фамилии отражались буквы, но прочитать их можно было только справа налево.

Тарас прочитал:

— Вонаруап.

Пуаронов снял кепку.

— Моя фамилия наоборот.

Из-за угла вышел человек, похожий на Мегрэ Артуровича во всём, кроме направления мыслей.

— Я не похищал дракона, — сказал он. — Я вернул улику на место преступления.

Глава семьдесят четвёртая

Пуаронов против Вонаруапа

Двойник поклонился.

— Артурович Мегрэ, частный преступник Вонаруап. Специализируюсь на безупречно запутанных расследованиях.

— Преступлениях, — поправил Пуаронов.

— У каждого своя сторона зеркала.

Вонаруап носил такую же лупу, но рассматривал через неё общую картину и не замечал деталей.

— Где Ничей? — спросил сыщик.

— Там, где ему положено быть после исчезновения.

— То есть?

— До рождения.

— Его рождение уже зафиксировано.

— Поэтому я украл свидетельство.

Пломбина открыла сумку.

Под стеклом лежало пустое место.

— Документ исчез.

— Неверно, — сказал Вонаруап. — Исчезло отсутствие документа. Теперь никто не докажет, что он когда-либо был.

Пуаронов подошёл ближе.

— Вы работаете на Автора?

— Автор работает на меня. Я снабжаю его преступлениями, он обеспечивает мне расследования, в которых я никогда не виноват.

— Удобно.

— Искусство должно кормить создателя.

— А ваш создатель кто?

Вонаруап усмехнулся.

— Вы. В тот день, когда вам надоело раскрывать чужие дела, вы представили идеального преступника. Меня.

Пуаронов не моргнул.

— Воображение не является родством.
— Скажите это вашему сыну-дракону.
Из-за двери донёлся голос Ничея:
— Папа, он врёт на сорок два процента!
— Почему не на сто? — крикнул Пуаронов.
— Остальное он ещё не сказал!
Сыщик бросился к двери.
Вонаруап разбил зеркало.
Коридор рассыпался на сотни отражений, и в каждом похититель убегал в другую сторону.

Глава семьдесят пятая
Погоня за всеми версиями подозреваемого
Пуаронов выбрал отражение, в котором Вонаруап прихрамывал.
— Почему это он? — спросил Эраст.
— В остальных он старается выглядеть невиновным. Здесь старается выглядеть раненым.
Значит, забыл о главном.

Они прыгнули в осколок.
Оказались в актовом зале обратного ВГТУ. На сцене шла защита диссертации «Методы управления реальностью без согласования с реальностью».

Вонаруап сидел в комиссии.
Автор в виде общего отражения докладывал результаты.
— Эксперимент доказал, что любой мир можно считать рукописью, если найти достаточно большой редактор.
— Редактора или редактор? — спросил член совета.
— В нашем случае разница стала причиной трёх катастроф и признана несущественной.
Семь драконов-редакторов расположились вдоль стены. Главный спал и поэтому руководил наиболее эффективно.

Ничей находился внутри стеклянной колбы. Каждый его вопрос превращался в формулу на доске.

«Кто автор?» давало энергию.
«Зачем?» открывало порталы.
«А если иначе?» расщепляло реальность.
— Они используют его как установку, — сказал Хронопятов.
— Для чего?
— Чтобы защитить проект задним числом и получить финансирование заранее.
Тарас одобрительно посмотрел на схему.
— Наука наконец приблизилась к хозяйственной деятельности.
Пуаронов вышел на сцену.
— Возражаю против выводов диссертации.
— Основание? — спросил Вонаруап.
— Эксперимент продолжается. Испытуемый ещё не задал последний вопрос.
Ничей ударил хвостом по колбе.
— А кто решил, что он будет последним?
Стекло покрылось трещинами.
Защита диссертации перешла в защиту от диссертации.

Глава семьдесят шестая
Государственная комиссия по концу света

Колба лопнула.

Вопросы разлетелись по залу.

Один спросил у Красного Редактора, зачем нужны три армии. Армии задумались и ушли обедать.

Другой поинтересовался у Серого, кто утвердил правила. Правила начали проверять подписи друг у друга.

Третий добрался до государственной комиссии:

— Почему вы оцениваете работу, если не поняли название?

Комиссия объявила перерыв для изучения собственного образования.

Автор-отражение рос. Каждый заданный вопрос отделял от него чужую мысль, и под зеркальной оболочкой проступала пустота.

— Не слушайте дракона! — приказал он. — Вопросы разрушают порядок.

— Нет, — сказал Эраст. — Они показывают, где порядок притворяется ответом.

Автор повернулся к нему.

— Ты получил карандаш благодаря мне.

— И до сих пор не написал ни одного удобного финала.

— Потому что боишься ответственности.

— Потому что знаю Тараса. Любой удобный финал он сдаст в аренду.

— По знакомству дешевле, — подтвердил Тарас.

Горислава раскрыла крылья. На них снова появились строки драконьей эпохи, но теперь буквы не подчинялись книге. Каждая рассказывала собственную историю.

— Ты хотел единственного автора, — сказала она отражению. — Но мир всегда написан слишком многими.

Вонаруап схватил Ничея.

— Тогда я задам вопрос за него.

Он направил морду малыша на Пуаронова.

— Кто виноват?

Пуаронов ответил сразу:

— Тот, кому выгодно, чтобы вопрос звучал раньше фактов.

Все взгляды обратились к Вонаруапу.

Он выпустил дракона.

— Ненавижу правильную последовательность.

Глава семьдесят седьмая

Преступник, укравший собственный мотив

Вонаруап отступал к кафедре.

Пуаронов шёл за ним.

— Вы похитили Ничея не ради Автора.

— Разумеется, ради него.

— Тогда оставили бы свидетельство. Автору нужна доказанная причина. Вы уничтожили её.

— Ошибка.

— Нет. Вы хотели, чтобы Ничей остался ничьим. Потому что только ничей дракон мог назвать автора без согласия владельца.

Вонаруап улыбнулся.

— Продолжайте.

— Но имя Автора вам не нужно. Вы и так его знаете. Вам нужен был сам момент называния.

— Зачем?

— Чтобы скоммуниздить авторство, пока все смотрят на имя.

Тарас восхищённо присвистнул.

— Красиво. Я бы сделал проще, но хуже.

Пуаронов указал на пальто двойника.

Под подкладкой виднелись тысячи подписей. Вонаруап срезал их с договоров, дипломов, книг и признаний.

— Вы крадёте не вещи, — сказал сыщик. — Вы крадёте право считать их своими.

— Вещи быстро кончаются. Право можно продавать многократно.

— Поэтому подделали подпись Гориславы моей будущей подписью.

— Ваш почерк вызывает доверие.

— Напрасно.

Пуаронов достал лупу и перевернул её.

Вместо увеличения она уменьшила Вонаруапа до размера мелкой оговорки.

Тарас накрыл преступника запятой.

— Временно изъят, — сказал он.

— Верните мою запятую, — возмутился Вонаруап снизу.

— Докажите право собственности.

Ничей подбежал к Пуаронову.

— Теперь ты подпишешь свидетельство?

Мегрэ Артурович посмотрел на малыша, потом на будущую подпись.

— Сначала проверю мелкий шрифт.

— Это значит «да»?

— Это значит, что ты уже почти родственник.

Глава семьдесят восьмая

Имя, найденное между строк

Оставалось назвать дракона.

Пломбина предложила форму из трёх листов. На первом требовалось указать выбранное имя, на втором — причины выбора, на третьем — причины, по которым причины могли измениться.

— Ничей мне нравится, — сказал малыш.

— Это статус, — возразил Пуаронов.

— А Тарас — профессия? — спросил дракон.

Тарас задумался и решил, что в некоторых регионах вполне возможно.

Горислава провела когтем по чёрной чешуе малыша. Под ней светились белые буквы.

Они складывались в слово, но всякий раз меняли порядок: Автор, Товар, Врата, Отвар.

— Его имя не написано, — сказала она. — Оно выбирает себя.

Ничей посмотрел на Эраста.

— Ты написал дверь. Папа нашёл преступника. Мама-эпоха вернула мне голос.

Горислава кашлянула огнём.

— Насчёт мамы мы проведём отдельное расследование.

— А Тарас?

— Дядя, — сказал Тарас. — Богатый внутренне и временно ограниченный внешне.

Малыш закрыл глаза.

— Тогда я Вопрос.

Пломбина записала имя.

В тот же миг обратный ВГТУ дрогнул. Коридоры повернулись правильной стороной, дипломы вернулись выпускникам, а знания — не всем, потому что срок хранения истёк.

Автор-отражение начал осыпаться зеркальной пылью.

— Вы не можете существовать без меня, — сказал он. — Кто-то должен соединять ваши решения в историю.

— Соединять — да, — ответил Эраст. — Решать за всех — нет.

Он поднял карандаш и написал одно предложение:

«У этой книги может быть больше одного автора».

Карандаш треснул.

Из трещины вырвалось пламя и прожгло в стене выход.

За выходом находилось московское хранилище.

Но броневика там не было.

Не было и Воронежа, который хранился внутри.

На полу лежала квитанция:

«ГРУЗ ВЫДАН ПОЛУЧАТЕЛЮ».

В графе подписи стояло новое имя дракона.

Вопрос прочитал его и удивился:

— Я ничего не получал.

Пуаронов осмотрел квитанцию.

— Подпись настоящая.

— Тогда кто подписал?

Из-за закрытой двери донёсся рёв целого города.

Сыщик надел шляпу.

— Кто-то, кто уже научился отвечать за тебя.

Глава семьдесят девятая

Получатель, выросший за время доставки

Вопрос изучил подпись.

Она была его, только линии шли увереннее, хвостовая петля стала длиннее, а последняя буква выглядела так, словно пережила несколько государственных переворотов и одну проверку орфографии.

— Я так не пишу.

— Пока, — сказал Хронопятов.

— Сколько мне было лет?

Профессор приложил прибор к квитанции.

— Четыреста восемьдесят три года.

— Я долго проживу?

— Судя по подписи, дольше, чем терпение регистратора.

Пуаронов провёл лупой по бумаге.

— Получатель поставил подпись добровольно. Нажим ровный. Следов угрозы нет.

— Значит, будущий Вопрос сам забрал город, — сказал Эраст.

— Или считал, что забирает его сам.

На обратной стороне квитанции обнаружился маршрут: Москва — Воронеж — время драконов — место, которого нет.

Последняя точка была обозначена вопросительным знаком.

Маленький дракон оживился.

— Это моё?

— Не всё, что похоже на тебя, принадлежит тебе, — сказал Пуаронов.

Тарас покачал головой.

— Очень вредная мысль. Особенно для торговли.

Броневиков проверил журнал выезда. Машина покинула хранилище восемь минут назад. За рулём значился Наличных.

Семён Аркадьевич стоял рядом.

— Я никуда не ездил.

— Подпись ваша, — сказала Пломбина.

— Не моя.

— Настоящая.

— Тогда тем более подозрительно.

Пуаронов сравнил время.

— Броневи́к ушёл после нашего возвращения, но до того, как мы заметили исчезновение.

Похититель знал, сколько минут нам потребуется на удивление.

— И сколько? — спросил Эраст.

— Семь. Восьмую мы потратили на документы.

Из вентиляции донёсся детский голос:

— Папа, я нашёл ещё одну улику!

Все посмотрели на Вопросы.

Он молчал.

Голос из вентиляции был взрослым.

Глава восьмидесятая

Голос из будущего без обратного адреса

— Папа, не ищи броневи́к по маршруту. Маршрут ищет вас.

Пуаронов приблизился к вентиляционной решётке.

— Назовитесь.

— Вопрос.

— Докажите.

— Ты так и не подписал моё свидетельство. Вместо подписи нарисовал лупу, а Пломбина зарегистрировала её как семейный герб.

Мегрэ Артурович спрятал лупу. Он как раз собирался сделать именно это.

Маленький Вопрос сунул нос в решётку.

— Ты — это я?

— Я — то, чем ты станешь, если нам не помешают.

— А если помешают?

— Станешь причиной, почему помешали.

— Мне нравится взрослый я, — сказал малыш.

— Не торопись, — предупредил Пуаронов. — Мы знаем о нём только то, что он хотел сообщить.

Голос усмехнулся.

— Поэтому ты хороший отец.

— Это не доказано.

— Поэтому очень хороший.

Хронопятков разобрал решётку. За ней находилась труба, уходившая не вверх и не вниз, а в будущее.

На внутренней стенке осталась копоть. Горислава понюхала её.

— Огонь Вопросы. Но с примесью чужого времени.

— Чьего?

— ВГТУ.

Профессор просиял.

— Университет стал транспортным средством!

— Он и раньше перемещал людей, — сказала Вера. — Из надежд в отчётность.

Пуаронов спросил в трубу:

— Зачем вы забрали город?

— Чтобы спасти его от ответа.

— Какого?

— На вопрос, который я однажды задам.

Связь оборвалась.

Из трубы выпал кусок асфальта с воронежской разметкой. На нём мелом было написано: «НЕ ПРИЕЗЖАЙТЕ В МЕСТО, КОТОРОГО НЕТ».

Тарас перевернул камень.

На другой стороне находилась подробная схема проезда.

Глава восемьдесят первая

Маршрут, преследующий пассажиров

Схема начиналась прямо у хранилища.

Когда Броневилов сложил её, на полу появилась белая полоса. Она поползла к выходу, свернула в коридор и остановилась перед служебной машиной.

— Маршрут прибыл, — сказал Наличных.

— Без заявки, — заметила Пломбина.

Полоса постучала по колесу.

Служебная машина завелась сама.

— Никто не садится, — приказал Броневилов. — Сначала проверим транспорт.

Тарас уже сидел на заднем сиденье.

— Изнутри удобнее.

— Вы всегда так проверяете опасные предметы?

— Только те, которые могут уехать без меня.

В машину вошли Эраст, Вера, Пуаронов, Горислава, Вопрос и Хронопятлов. Маргарита Всеволодовна заняла место впереди, поскольку любой маршрут следовало воспитывать личным примером.

Инкассаторы разместились по инструкции. Никто лёг на крышу и превратился в багаж, превышающий допустимые размеры ещё до появления дорог.

Полоса двинулась.

Машина поехала за ней по Москве. На перекрёстках маршрут выбирал улицы, которых не было на картах, но все водители уверенно ругались, будто ездили по ним ежедневно.

Через двадцать минут за машиной уже тянулись дорожные знаки. Они не успевали занять места и ехали следом на тонких металлических ножках.

— Нас не ведут к броневику, — сказал Пуаронов.

— Почему?

— Следы слишком удобны. Настоящий маршрут показывает, куда ехал преступник. Этот старается убедить, куда должны ехать мы.

Белая полоса обиженно вильнула.

— Она вас услышала, — сказал Эраст.

— Хорошо.

Пуаронов открыл дверь и выбросил наружу пустую квитанцию.

Маршрут немедленно свернул за ней.

Машина продолжила ехать прямо.

Впереди стоял дорожный знак:

«ВОРОНЕЖ. 0 КИЛОМЕТРОВ».

За знаком начиналась Москва.

Но над крышами уже летали драконы.

Глава восемьдесят вторая
Воронеж, замаскированный под Москву
Город узнавался по мелочам.

На московских домах появились воронежские таблички. Автобусы объявляли остановки двумя голосами и спорили, какой город следующий. У подъездов сидели драконы и делали вид, что являются архитектурными излишествами.

— Броневи́к выгрузил Воронеж поверх Москвы, — сказал Хронопятков.

— Почему никто не замечает? — спросила Вера.

— Люди привыкли к ремонту. Если перекрыть улицу и поставить ограждение, за ним можно построить другую реальность.

На площади стоял корпус ВГТУ. Фасад изображал московский деловой центр, однако из окон высовывались студенты и спрашивали, будет ли пересадка зачётов.

У входа героев встретил пожилой дракон.

Он был чёрным с белыми крыльями. На лбу светилось имя «Ответ».

Маленький Вопрос замер.

— Это я?

— Не совсем, — сказал старый дракон. — Я то, чем ты стал после того, как перестал спрашивать.

Пуаронов шагнул вперёд.

— Вы подписали квитанцию?

— Да.

— Вы получили город?

— Да.

— Почему скрыли его?

— Потому что в Москве легче спрятать Воронеж, чем в Воронеже.

Тарас одобрительно кивнул.

— Масштаб обеспечивает незаметность.

Ответ посмотрел на малыша.

— Тебе нельзя здесь находиться.

— Почему?

— Потому что, встретив ответ слишком рано, вопрос перестаёт искать.

— А если ответ неправильный?

Старый дракон вздрогнул.

По его чешуе пробежала трещина.

Пуаронов заметил её.

— Вы не будущее Вопроса. Вы выдаёте себя за него.

Ответ расправил крылья.

— Тогда докажите это до того, как город проснётся.

За его спиной ВГТУ открыл тысячи окон.

Из каждого выглянул один и тот же Последний Читатель.

Глава восемьдесят третья
Тысяча последних читателей

Читатели спускались из окон по пожарным лестницам, по строкам объявлений и по чужому любопытству.

Все были без лиц. Каждый держал книгу на разной странице.

— Кто из них настоящий? — спросил Эраст.

— Последний не бывает во множественном числе, — сказал Пуаронов. — Следовательно, либо все поддельные, либо слово используется в рекламных целях.

Первый Читатель открыл книгу.

На улице появился дракон.

Второй прочитал абзац — рядом выросла крепость.

Третий пролистал до битвы. Крепость немедленно загорелась, не успев оформить право собственности.

— Они читают разные версии одной эпохи, — сказала Горислава.

На её крыльях задвигались буквы. Каждая пыталась улететь к своему читателю.

— Держись, — сказал Эраст.

— Я держусь. Эпоха — нет.

Ответ поднялся над площадью.

— Пока существует множество вопросов, существует множество миров. Я сохраню один.

— Удобный для кого? — крикнул маленький Вопрос.

— Для тех, кто переживёт исправление.

— А кто переживёт?

— Те, кто согласится.

— А кто не согласится?

— Они окажутся ошибкой.

Малыш разозлился. Из его пасти вылетели десятки вопросов. Они врезались в читателей.

«Почему дракон появился именно здесь?»

«Кто построил крепость?»

«Куда делись жители до пожара?»

Читатели начали листать книги назад, пытаясь найти объяснения. Дракон уменьшился, крепость разобралась на строительные материалы, пожар потребовал источник возгорания.

Пуаронов улыбнулся.

— Хороший вопрос не уничтожает выдумку. Он заставляет её обзавестись уликами.

Ответ ударил крыльями.

Все книги захлопнулись.

Мир остановился на середине предложения.

Глава восемьдесят четвёртая

Преступление, прерванное запятой

Люди замерли.

Драконы повисли в воздухе. Пламя застыло над крепостью и стало похоже на дорогое освещение.

Двигаться могли только те, кто находился между словами.

Тарас достал запятую.

— Я говорил, пригодится.

Он поставил её после себя и сделал шаг в паузу.

Пуаронов последовал за ним. Остальных пришлось переносить по одному, временно вписывая в перечисление.

— Эраст, Вера, Горислава, Вопрос, профессор, инкассаторы, тёща и крупногабаритный древний дракон, — читал Тарас. — Никого не забыли?

Издалека донеслось кашляющее рычание Архивулкана.

— Забыл, — признал Тарас. — Но перечисление и так перегружено.

Маргарита Всеволодовна забрала запятую и вернулась за Архивулканом. Даже пунктуация не давала права оставлять пожилых существ одних в остановленном городе.

Пуаронов подошёл к Ответу. Тот застыл возле последней точки.

Сыщик осмотрел его лапы.

— На когтях московская пыль, а между чешуйками — бумага из ненаписанной части книги.

— Что это значит? — спросил Эраст.

— Он пришёл не из будущего. Его собрали здесь из готовых ответов.

— Кто?

Пуаронов раскрыл пасть дракона. Внутри вместо языка находилась печатная машинка.

На ленте повторялось одно слово: «Проект».

— Автор-отражение, — сказала Горислава.

— Его зовут Проект? — спросил Эраст.

— Нет. Это часть имени, которую успел произнести Вопрос.

Тарас посмотрел на машинку.

— Может, допечатать?

Он нажал клавишу.

Машинка закончила слово:

«ПРОЕКТИРОВЩИК».

Ответ открыл глаза.

Остановленный мир снова двинулся.

Глава восемьдесят пятая

Проектировщик мира с гарантией до первого вопроса

— Моё имя названо, — произнёс голос из всех зеркальных окон. — Теперь книга принадлежит мне.

Над ВГТУ возникла огромная чертёжная доска. На ней Москва и Воронеж были соединены линиями, размерами и примечанием «согласовать по факту существования».

Проектировщик появился в центре площади.

Он был человеком из отражений, но теперь обрёл собственное лицо. Оно менялось в зависимости от того, кто на него смотрел: преподаватель видел ректора, чиновник — исполнителя, студент — человека, способного отменить пару.

— Я создал драконов, — сказал он.

— Нет, — ответила Горислава. — Ты создал схему.

— Схема точнее жизни.

— Потому что не живёт.

Проектировщик щёлкнул пальцами. На шее Гориславы появился размер: высота, масса, радиус поворота и допустимая температура пламени.

— Теперь ты соответствуешь проекту.

Она вдохнула и выпустила огонь вбок.

Пламя нарочно нарушило радиус поворота и подожгло примечание.

— Несогласованное изменение! — закричал Проектировщик.

— Жизнь, — сказала Горислава.

Ответ-дракон встал рядом с создателем.

— Убереите Вопроса. Он делает расчёт неопределённым.

Маленький дракон спрятался за Пуароновым.

— Папа, он меня боится.

— Это ещё не доказывает отцовство, но уже создаёт семейную обязанность.

Сыщик снял шляпу и накрыл малыша.

Проектировщик провёл линию на чертеже.

Улица под ногами разделилась. Эраст, Вера и Горислава остались по одну сторону, Пуаронов с Вопросом — по другую. Тарас оказался прямо на линии и немедленно потребовал плату за пограничный переход.

Над городом появилась надпись:

«ИСПЫТАНИЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ВАРИАНТА НАЧАТО».

Все альтернативные улицы начали стираться.

Глава восемьдесят шестая

Испытание окончательного варианта

Проектировщик предложил каждому идеальный мир.

Эрасту — спокойный дом, где никто не требовал спасти Вселенную и даже кран на кухне ломался по предварительной записи.

Вере — мужа, который возвращался вовремя и не приводил домой драконов без предупреждения.

Тарасу — рынок, на котором всё уже принадлежало ему, но ещё об этом не знало.

Пуаронову — преступления, где улики лежали по алфавиту, подозреваемые признавались после первого вопроса, а отчёты составляли себя сами.

Инкассаторам — маршрут без пробок, нападений и расхождений в документах.

Маргарите Всеволодовне не предложили ничего. Проектировщик не смог представить мир, который она сочла бы достаточно устроенным.

— Выбирайте, — сказал он. — Один правильный вариант для каждого.

Эраст посмотрел на тихий дом. В окне стояла Вера, но улыбалась точно по расписанию.

— Это не она.

— Это её оптимальная версия.

— Значит, не она.

Вера посмотрела на примерного мужа.

— Этот Эраст никогда не ошибается.

— Разве плохо?

— Мне придётся ошибаться за двоих.

Тарас заглянул в свой рынок и вышел через минуту.

— Неинтересно. Если всё моё, нечего скоммуниздить.

Пуаронов задержался дольше остальных.

В его идеальном кабинете на столе лежало раскрытое дело. Виновный был известен, мотив понятен, алиби опровергнуто.

Сыщик закрыл папку.

— Здесь расследование заканчивается до моего появления.

— Именно. Никакого риска ошибки.

— Тогда это не расследование. Это доставка готового ответа.

Маленький Вопрос высунулся из-под шляпы.

— А кому нужен ответ, если никто не спрашивал?

Идеальные миры покрылись трещинами.

Глава восемьдесят седьмая

Ошибка, получившая право на существование

Трещины соединились в человеческую фигуру.

Из идеального дома вышел ещё один Эраст — тот, который никогда не ошибался.

— Вы разрушаете стабильность, — сказал он настоящему.

— А ты кто?

— Исправленная версия.

— Тогда почему говоришь голосом Проектировщика?

Двойник промолчал.

Пуаронов подошёл к нему.

— Идеальный Эраст не мог появиться без исходного. Следовательно, вы зависите от человека, которого называете ошибочным.

— Я превосхожу его.

— Копия всегда превосходит оригинал в одном: она лучше знает, что должна изображать. Эраст посмотрел на двойника.

— Ты спасал мир?

— В моём мире спасение не требуется.

— Был женат?

— Семейные противоречия устранены.

— Дружил с Тарасом?

— Экономически нецелесообразно.

— Тогда ты не исправленный я. Ты моя инструкция по эксплуатации.

Двойник побледнел.

Тарас похлопал настоящего Эраста по плечу.

— Хорошо сказал. Правда, инструкции я обычно выбрасываю, чтобы техника быстрее проявила характер.

Проектировщик приказал Ответу уничтожить ошибку.

Старый дракон раскрыл пасть.

Но маленький Вопрос встал перед Эрастом.

— Почему ошибка должна исчезнуть?

Ответ замер.

— Потому что она не соответствует замыслу.

— А если замысел ошибся?

По телу старого дракона пошли новые трещины.

Из них вылетели сотни забытых вопросов.

Ответ уменьшился, помолодел и впервые произнёс:

— Не знаю.

Проектировщик отшатнулся.

Над городом погасла надпись «ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ВАРИАНТ».

Осталось одно слово:

«ВАРИАНТ».

Глава восемьдесят восьмая

Два Вопроса и ни одного окончательного ответа

Старый дракон теперь выглядел почти как Вопрос, только был крупнее и носил следы долгого притворства.

— Как тебя зовут? — спросил малыш.

— Раньше Ответ. Теперь не знаю.

— Значит, тоже Вопрос.

— Нельзя иметь одинаковые имена.

— Люди справляются.

Пломбина достала дополнительный лист.

— Можно зарегистрировать как Вопрос Первый и Вопрос Последующий.

— Я не хочу быть первым, — сказал малыш. — Первых заставляют отвечать у доски.

— А я не хочу быть последующим, — сказал старший. — Я уже слишком долго следовал чужому ответу.

Тарас предложил провести торги за имя. Маргарита Всеволодовна посмотрела на него, и рыночный механизм был временно отменён.

Горислава обошла старшего дракона.

— В тебе есть годы, которых Вопрос ещё не прожил. Но они не его. Их собрали из чужих ожиданий.

— Тогда я ненастоящий?

— Настоящестъ не выдаётся вместе с происхождением, — сказал Пуаронов. — Её подтверждают поступки.

— Каким поступком?

— Решением, которое невыгодно вашему создателю.

Проектировщик поднял чертёж. На нём появилась кнопка стирания Москвы и Воронежа сразу.

— Вернись ко мне, — приказал он старшему дракону. — И я оставлю город.

— А если не вернусь?

— Уничтожу оба.

Старший Вопрос посмотрел на малыша.

— Что мне делать?

Малыш пожал крыльями.

— Если я отвечу, это будет моё решение.

Старший дракон улыбнулся.

— Тогда я впервые выберу сам.

Он полетел не к Проектировщику и не от него.

Он полетел вверх — туда, где на чертеже не было направления.

Глава восемьдесят девятая

Направление, не предусмотренное чертежом

Небо сопротивлялось.

Проектировщик не заложил в него высоту выше расчётной. Старший Вопрос пробил слой условных обозначений, прошёл через рамку чертежа и оказался за его пределами.

Там хранились поля проекта: пустые, широкие и никому не нужные до первой ошибки.

— Вернись! — крикнул Проектировщик.

— Зачем?

Один вопрос ударил сверху.

Чертёжная доска треснула.

— Потому что я тебя создал!

— Для чего?

Вторая трещина прошла через Москву, но не разрушила город. Она отделила настоящий дом от его условного обозначения.

— Чтобы ты давал ответы!

— Кому?

Третья трещина разорвала линии подчинения. Семь Редакторов переглянулись и впервые открыли разные книги.

Проектировщик поднял руку для окончательного стирания.

Броневики выстрелили бомбой.

Она прилипла к кнопке.

— До окончания проверки уничтожение груза запрещено.

Наличных поставил броневики поперёк чертежа. Машина вернулась сама, потому что считалась одновременно похищенной и доставленной.

Внутри неё лежал настоящий Воронеж.

— А какой тогда вокруг? — спросил Эраст.

Хронопятов сверился с прибором.

— Этот состоит из московских представлений о Воронеже. Настоящий всё время был в машине.

Тарас заглянул внутрь.

— А аренду мне кто платил?

— Представления.

— Надеюсь, наличные.

Старший Вопрос опустил на крышу броневика.

— Я выбрал.

— Что? — спросил малыш.

— Не быть твоим будущим.

В тот же миг их сходство исчезло.

Старший дракон стал серебряным.

На его лбу появилось имя: «Вариант».

Глава девяностая

Арест проекта в стадии вечного согласования

Пуаронов подошёл к Проектировщику.

— Вы задержаны за похищение города, подделку будущего и создание ответа с целью сокрытия вопроса.

— Я не человек. Меня нельзя задержать.

— Вы проект.

— Именно.

— Тогда вас можно заморозить.

Хронопятов нажал кнопку прибора. Вокруг Проектировщика появились подписи согласующих лиц, замечания экспертизы и требование уточнить исходные данные.

Он попытался шагнуть, но каждое движение нуждалось в новой визе.

— Это бюрократическое насилие!

— Нет, — сказала Пломбина. — Обычная процедура. Насилие быстрее.

Серый Редактор подал первую поправку. Красный потребовал усилить конфликт. Синий нашёл противоречие в названии. Зелёный запросил экологическую оценку драконьего пламени. Чёрный сократил половину приложений. Белый вернул их без нумерации.

Главный Редактор проснулся и назначил повторное рассмотрение.

Проектировщик застыл навсегда между версиями.

— Дело раскрыто? — спросил Эраст.

Пуаронов посмотрел на квитанцию.

— Похищение города — да. Подпись Вопроса — нет.

— Но её поставил Вариант, когда выдавал себя за будущее малыша.

— Нет. Его когти шире. Подпись совпадает до последней линии.

Маленький Вопрос поднял лапу.

— А если я подписал её во сне?

— Драконы спят? — спросил Тарас.

Горислава кивнула.

— Иногда по сто лет.

— Наконец-то существо с правильным отношением к обязанностям.

Вопрос зевнул.

Из его пасти выпал маленький ключ.

На ключе стоял номер ячейки московского хранилища, которой не существовало в плане.

Броневики проверил связку.

— Номер минус один.

— Что там хранится? — спросил Эраст.
Пуаронов посмотрел на запертую стену.
За ней тихо перелистывались страницы.
— То, что было принято на хранение до появления первого хранилища.

Глава девяносто первая
Ячейка номер минус один
Стена не имела двери.
Ключ не имел замка.
Тарас счёл это хорошим началом для приватизации.
— Если доступ отсутствует, значит, им никто не пользуется.
— Доступ есть, — сказал Броневигов. — Он просто ещё не создан.
Хронопатов провёл прибором по стене. Стрелка указала дату: за один день до изобретения хранения.

— Тогда люди ещё ничего не прятали? — спросил Эраст.
— Прятали. Но не знали, что это называется хранением.
Пуаронов приложил ухо к бетону.
За стеной шелестели страницы, звенело золото, плакал чей-то невысказанный замысел и время от времени кашляла древность.

— Внутри минимум четыре груза.
— Как вы определили? — спросила Вера.
— У каждого свой способ делать вид, что его нет.
Вопрос вставил ключ в пустое место.
Замок возник вокруг него.

Пломбина немедленно занесла замок в реестр как обнаруженный при вскрытии. Броневигов выставил оцепление. Наличных приготовил сумки, хотя никто не знал, что именно придётся выносить и в каком количестве.

Ключ повернулся против времени.
В стене открылась щель.
Оттуда выпал первый предмет — каменная табличка с надписью:
«НЕ ОТКРЫВАТЬ ДО ПОЯВЛЕНИЯ ПРИЧИНЫ».

— Причина появилась? — спросил Эраст.
Пуаронов посмотрел на Вопроса.
— Она задаёт вопросы и называет меня папой.
— Значит, появилась убедительно, — решил Тарас.
Дверь распахнулась.
За ней находилось хранилище размером с ещё не созданную Вселенную.
В центре лежал маленький красный чайник.

Глава девяносто вторая
Чайник, с которого началась драконья эпоха
Пуаронов снял шляпу.
— Наконец-то.
— Вы его искали? — спросил Эраст.
— Он исчез с фотографии. Горислава забрала его, чтобы я нашёл рукопись.
— А теперь он оказался здесь до появления первого хранилища.
— Хорошая улика всегда приходит раньше преступления. Плохая — после отчёта.
Чайник был тёплым. На крышке виднелся отпечаток маленькой драконьей лапы.
Вопрос приложил свою.

Совпало.

— Я здесь был?

— Нет, — сказал Пуаронов. — Но твой след был.

— Какая разница?

— След не обязан знать, кто его оставил. Поэтому ему доверяют осторожнее, чем свидетелю, но чаще, чем родственнику.

Горислава заглянула внутрь чайника.

Там кипело не пламя, а тёмное небо. По нему летали существа без чешуи, имён и окончательной формы.

Никто отступил.

— До нас.

— Это время до драконов? — спросил Хронопятов.

— До того, как драконы решили быть драконами.

Профессор едва не уронил прибор от счастья.

— Протодраконовая среда! Чистая возможность вида!

— Не наклоняйте, — предупредил Броневилов. — Возможность может пролиться.

Тарас поднял ценник, лежавший рядом.

На нём стояло: «Стоимость — одно настоящее имя».

— Дорого, — сказал он. — Особенно если имя своё.

Чайник засвистел.

Из носика вырвалось облако. Оно облетело Вопроса и приняло форму огромной огнедышащей драконицы.

Она посмотрела на Гориславу.

— Наконец ты вернула то, что украла у меня до своего рождения.

Глава девяносто третья

Первая владелица огня

Драконица из пара не имела цвета. Чешуя менялась вместе с освещением, а крылья отбрасывали тень на прошлое.

— Кто вы? — спросил Эраст.

— Та, у которой ещё не было имени, когда ваша Горислава взяла мой огонь.

Горислава не отступила.

— Я получила пламя от Искры.

— Искра получила его из эпохи, которую ты спрятала. Эпоха получила его из чайника.

Чайник — от меня.

Тарас поднял руку.

— Цепочка слишком длинная. Право собственности обычно теряется после третьей передачи.

— Или укрепляется, — сказала Пломбина, — если имеются документы.

Драконица из пара протянула коготь. На нём висела бирка с номером минус один.

— Документ достаточно древний?

Пуаронов осмотрел бирку.

— Она настоящая. Но подтверждает передачу на хранение, а не собственность.

— Я передала огонь себе.

— Получатель должен отличаться от отправителя.

— Тогда получателем была Горислава.

Все посмотрели на неё.

— Я ещё не существовала, — сказала драконица.

— Поэтому не могла отказаться.

Пуаронов нахмурился.

— Передача без согласия получателя. Огнём вас не обокрали. Вас заставили избавиться от него.

Паровая драконица дрогнула.

— Кто?

— Тот, кому было выгодно, чтобы первый огонь появился у другого существа. Тогда владелец превратился бы в легенду, а отправитель исчез из истории.

Вопрос заглянул в чайник.

— Здесь кто-то есть.

Из тёмного неба поднялась рука и закрыла крышку изнутри.

На металле появилась надпись:

«ОГОНЬ ВЫДАН. ИМЯ ОСТАЛОСЬ НА ХРАНЕНИИ».

Глава девяносто четвёртая

Кража имени без пострадавшего

Паровая драконица попыталась назвать себя.

Из пасти вышел только горячий воздух.

— Моё имя внутри.

— Если его украли до вашего рождения, заявление должен подать законный представитель, — сказала Пломбина.

— Кто представлял меня до рождения?

— Обычно надежды родителей и ошибки врачей, — заметил Тарас.

Никто подошёл к чайнику.

— Я помню отсутствие.

— Какое? — спросил Пуаронов.

— До меня должно было быть другое существо. Но история начиналась сразу со мной.

Горислава посмотрела на древнего дракона.

— Ты не первый?

— Первый из тех, кого называли.

Пуаронов выстроил улики на полу: бирку, ценник, ключ, квитанцию и пустое свидетельство Вопросы.

— Во всех документах одна схема. Сначала создаётся пустое место. Потом в него вписывают того, кто ещё не может возразить. После этого имущество считается переданным добровольно.

— Кто это сделал? — спросил Эраст.

— Тот, кто специализируется на присвоении ничейного.

Все посмотрели на Тараса.

— Я специализируюсь практически, — обиделся он. — Здесь системный подход.

Из-под запятой, которой был накрыт Вонаруап, донёсся смех.

Пуаронов поднял знак.

Мелкая оговорка исчезла.

— Сбежал, — сказал Эраст.

— Нет. Его забрали.

На месте преступника осталась визитная карточка:

«БЮРО БЕСХОЗНЫХ СУДЕБ. ОФОРМЛЯЕМ ПРОШЛОЕ ЗАДНИМ ЧИСЛОМ».

Адрес был указан внутри чайника.

Глава девяносто пятая

Командировка в кипящее прошлое

Для входа в чайник требовалось уменьшиться до размера причины.

Хронопятлов настроил прибор. После первого импульса Тарас стал величиной с собственную совесть и почти исчез.

— Прибавьте, — попросил он. — Так меня никто не заметит и наступит.

Профессор увеличил масштаб.

Герои один за другим прыгнули в носик. Инкассаторы вошли последними, предварительно опечатав чайник снаружи и изнутри. Как именно они собирались проверить обе пломбы одновременно, инструкция не объясняла.

Внутри находилось время до драконов.

Земля ещё не решила, быть ей камнем или почвой. Небо пробовало разные цвета. По равнине ходили бесформенные существа и примеряли будущие виды: одно выбрало крылья, другое — когти, третье остановилось на недовольном выражении и позднее стало человеком.

Вдали стояло учреждение с вывеской «Бюро бесхозных судеб».

Перед входом тянулась очередь из тех, кто ещё не родился. Каждый держал талон с приблизительной датой появления.

— Чем здесь занимаются? — спросила Вера.

— Распределяют то, что пока никому не принадлежит, — ответил Пуаронов. — И делают это раньше владельцев.

У окна выдачи сидел Вонаруап обычного размера.

Он оформлял существу будущую неудачу.

— Подпишите, что претензий к судьбе не имеете.

— Но я ещё не умею писать.

— Тем лучше. Почерк нельзя оспорить.

Пуаронов подошёл к окну.

— Прекратите оформление.

Вонаруап улыбнулся.

— Вы опоздали на три миллиона лет.

— Зато пришли до начала срока давности.

Глава девяносто шестая

Очередь тех, кого ещё нет

Вонаруап нажал кнопку вызова.

Табло показало номер минус два.

Из очереди вышел человек, который должен был родиться через семь веков и уже был недоволен скоростью обслуживания.

— Я следующий.

— Следующий ещё не наступил, — сказала Пломбина.

— Я занимал заранее.

— За кем?

— За собой в предыдущей жизни.

Спор обещал пережить обе жизни, поэтому герои прошли без очереди.

В архиве Бюро хранились папки с неназванными судьбами. На корешках стояли пометки: «великий правитель, не определённый», «изобретатель, забытый заранее», «герой, отказавшийся от участия», «злодей с уважительной причиной».

Тарас нашёл папку «богатый человек» и попытался вложить свою фотографию.

Папка выплюнула её.

— Предвзятая система.

Пуаронов искал дело паровой драконицы. Нашёл его на полке «Не состоялись по причине успешной замены».

Внутри лежал договор передачи огня Гориславе.
Подпись отправителя отсутствовала. Вместо неё стоял отпечаток чайника.
— Предмет подписал документ? — спросил Эраст.
— Нет, — сказал сыщик. — Документ подписал предметом.
Он понюхал бумагу.
— Чернила пахнут будущей типографией ВГТУ.
Хронопятов побледнел.
— В университете ещё не было типографии.
— Поэтому запах сохранился. Несуществующее оборудование редко проветривают.
Вопрос нашёл под договором детский рисунок: чёрный дракон держал красный чайник, а рядом человек в шляпе подписывал бумагу.
— Это ты, папа?
Пуаронов посмотрел на рисунок.
Фигура действительно была похожа на него.
Только лупу она держала не той стороной.

Глава девяносто седьмая
Подозреваемый с правильной шляпой и неправильной лупой
— Вонаруап, — сказал Пуаронов.
— Очевидно, — согласился двойник. — Поэтому неправильно.
— Вы любите общую картину и не замечаете деталей. На рисунке изображён человек, который намеренно показывает неправильную деталь. Он хочет, чтобы его приняли за вас.
— Тогда кого?
Пуаронов рассмотрел бумагу на просвет.
Под фигурой проступал ещё один силуэт. Без лица, с книгой под мышкой.
— Последний Читатель.
— Он за пределами повествования, — сказал Эраст.
— Именно там находятся черновики преступлений.
Вонаруап захлопнул папку.
— Читатель был моим клиентом. Он хотел приобрести историю, которую никто ещё не прочитал.
— Зачем?
— Чтобы стать первым читателем и навсегда остаться последним.
— Он украл имя паровой драконицы?
— Имя — это название истории. Без него никто не мог найти её в каталоге.
Горислава приблизилась.
— А огонь?
— Огонь понадобился как приманка. Читатели любят, когда что-нибудь горит. Особенно если не их дом.
Паровая драконица ударила хвостом по столу. Дерево ещё не существовало, поэтому стол сначала вырос, потом сломался.
— Где моё имя?
Вонаруап указал на книгу учёта.
— В реестре первых слов.
Пломбина открыла книгу.
Первая строка была вырвана.
На второй стояло слово «дракон».
На третьей — «собственность».
Тарас уважительно присвистнул.

— Значит, сначала было имя. Потом дракон. Потом сразу собственность. Разумная история.

Из пустого места первой строки донёлся шелест страницы.

Глава девяносто восьмая

Первое слово, выданное последнему читателю

Пустая строка оказалась дверью.

Пуаронов открыл её лупой. За дверью находился читальный зал, построенный до письменности. Книги лежали на полках и терпеливо ждали букв.

В центре сидел Последний Читатель.

Теперь у него было лицо.

Оно принадлежало молодому Мегрэ Артуровичу.

Вопрос вцепился в шляпу отца.

— Ещё один ты?

— На этот раз нет, — сказал Пуаронов. — Лицо надето неправильно.

— Как можно неправильно надеть лицо?

— Улыбкой внутрь.

Читатель закрыл книгу.

— Я ждал вас.

— Поэтому спрятались за три миллиона лет до встречи?

— Хорошее ожидание требует дистанции.

На столе перед ним лежала первая строка реестра. В ней было записано имя паровой драконицы, но буквы закрывали друг друга.

— Верните имя, — сказал Пуаронов.

— Оно моё. Я прочитал его первым.

— Прочтение не означает владение.

— А авторство?

— Тоже.

— Тогда зачем люди ставят имя на обложке?

— Чтобы читатель знал, кого обвинять после финала.

Последний Читатель рассмеялся лицом Пуаронова.

— Я подарю имя драконице, если Вопрос задаст мне единственный вопрос.

— Какой? — спросил малыш.

— Тот, после которого вопросов больше не будет.

Вопрос задумался.

Пуаронов накрыл его пасть шляпой.

— Сделка отклонена. Предмет договора не существует.

— Пока.

Читатель раскрыл книгу.

На странице уже был напечатан последний вопрос.

Глава девяносто девятая

Вопрос, отменяющий продолжение

На странице стояла одна фраза:

«Зачем продолжать?»

Маленький Вопрос прочитал её молча.

Мир вокруг начал останавливаться.

Очередь нерождённых перестала расти. Небо выбрало серый цвет и отказалось пробовать другие. Бесформенные существа легли на землю, решив не становиться никем.

— Не отвечай, — сказал Эраст.
— Но это вопрос.
— Не каждый вопрос заслуживает ответа, — сказал Пуаронов. — Некоторые маскируют приказ.
— Какой приказ?
— «Остановись».
Последний Читатель поднялся.
— Всё должно закончиться. Иначе история ничего не значит.
— Конец придаёт форму, — ответил Эраст. — Но не обязан придавать смысл.
— Без конца вы будете спасать мир вечно.
Тарас просиял.
— Стабильная занятость.
— Вы устанете.
— Уже, — сказал Эраст. — Но это не доказательство завершённости.
Вопрос посмотрел на напечатанную фразу.
— Я знаю ответ.
Пуаронов напрягся.
— Какой?
— Чтобы узнать, что будет дальше.
Он выдохнул чёрное пламя.
Слово «зачем» сгорело. Осталось: «продолжать».
Мир снова двинулся.
Последний Читатель отшатнулся.
Паровая драконица схватила первую строку реестра.
Буквы разлетелись и окружили её.
Она впервые произнесла своё имя:
— Начала.

Глава сотая

Драконица по имени Начала

Имя изменило её.

Пар стал плотным. Крылья обрели форму, чешуя вспыхнула медью, а в глазах отразились все существа, которыми драконы могли стать и не стали.

Никто опустил голову.

— Я помню тебя.

— Нет, — сказала Начала. — Теперь ты можешь меня вспомнить.

Горислава подошла ближе.

— Я не крала твой огонь.

— Знаю. Тебе передали кражу вместе с пламенем.

— Вернёшь его?

— Нет.

Эраст удивился.

— Почему?

Начала посмотрела на Гориславу.

— Огонь прожил с ней эпоху. Возвращать его мне — всё равно что требовать назад выросшего ребёнка вместе с потраченными завтраками.

Тарас тихо спросил, можно ли вернуть хотя бы завтраки. Маргарита Всеволодовна ответила взглядом.

Начала открыла красный чайник. Внутри осталось тёмное небо без огня.

— Я заберу возможность другого пламени.

— Какого? — спросил Вопрос.

— Которое не сжигает, а начинает.

Она вдохнула.

Из чайника вышел прозрачный огонь. Там, где он касался земли, появлялись первые попытки: первый шаг, первая ошибка, первое слово, первый неудачный договор Тараса.

— Договор был перспективным, — возразил он. — Просто вторая сторона ещё не родилась.

Последний Читатель попятился к полкам.

— Это нарушает финал.

— Нет, — сказала Начала. — Отменяет твоё право выбирать его за других.

Онадохнула на его книгу.

Все последние страницы стали первыми.

Глава сто первая

Читатель, вынужденный начать сначала

Последний Читатель открыл книгу.

На первой странице Эраст ещё не знал Тараса.

На второй Тарас уже был должен ему небольшую сумму и крупное объяснение.

На третьей мир впервые собирался погибнуть и делал это без должной подготовки.

— Я всё это читал, — сказал Читатель.

— Тогда прочтите внимательнее, — ответил Пуаронов.

— Я знаю, чем закончится.

— Вы знали один вариант.

Книга перелистывалась сама. Каждый раз, когда Читатель пытался перескочить главу, страницы возвращали его к пропущенной детали: обещанию, взгляду, красному чайнику, пустому месту на фотографии.

— Это бесконечно.

— Нет, — сказал Вопрос. — Просто дальше, чем ты решил.

Читатель снял лицо Пуаронова. Под ним оказалось лицо пожилого Эраста из отменённого будущего.

Эраст вздрогнул.

— Опять я?

— Не вы, — сказал сыщик. — Маска собрана из знакомых лиц. Настоящего под ней нет. Начала коснулась Читателя прозрачным пламенем.

Маски исчезли.

Под ними оказалась пустая страница.

— Он не человек, — поняла Вера.

— Он место для того, кто читает, — сказал Пуаронов. — Поэтому принимает любое лицо.

— Тогда его нельзя арестовать?

— Можно закрыть книгу.

Броневики захлопнули обложку и поставили пломбу.

Изнутри донёсся голос:

— Кто-нибудь всё равно откроет!

Тарас задумался.

— Продать запечатанную книгу легче. В ней может быть что угодно.

Пломбина записала Читателя как условно задержанного до первого любопытного.

Глава сто вторая

Возвращение из времени, которое ещё не началось

Герои покинули Бюро через носик чайника.

Вонаруап попытался выйти вместе с ними, спрятавшись в папке «невиновные по недостатку будущего». Пуаронов заметил, что папка слишком довольна собой, и передал её Пломбиной.

— Преступник задержан? — спросил Эраст.

— До рождения закона, который он нарушил.

— И сколько ждать?

— Три миллиона лет. Срок предварительный.

В московском хранилище прошло четыре минуты. Проектировщик по-прежнему согласовывался. Вариант сидел на крыше броневика и учился не быть чьим-то будущим.

Начала вышла из чайника последней.

Стены дрогнули. Ячейка номер минус один начала закрываться.

— Ключ! — сказал Броневилов.

Вопрос поискал его во рту.

Ключа не было.

— Я его проглотил?

— Ты им открыл замок, — сказал Пуаронов. — После этого ключ стал причиной открытой двери и остался внутри прошлого.

— Значит, ячейку больше не открыть?

— Открыть можно всё, — заметил Тарас. — Вопрос только в ущербе и свидетелях.

Дверь исчезла.

На стене остался новый номер: ноль.

Пломбина сверилась с планом.

— Такой ячейки тоже нет.

Изнутри постучали.

Три коротких удара, три длинных и снова три коротких.

— Опять сигнал бедствия, — сказал Броневилов.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Теперь человек знает код.

За стеной заговорил голос молодого Эраста:

— Не открывайте. Здесь хранится мир, который вы спасли в первой книге.

Эраст побледнел.

— Но мы его вернули.

— Значит, — сказал Пуаронов, — всё это время вы жили в другом.

Глава сто третья

Нулевая ячейка

Никто не прикоснулся к двери.

Даже Тарас, обычно считавший предупреждение разновидностью приглашения, держал руки в карманах и на всякий случай проверял, там ли они.

За стеной снова постучали.

— Эраст Акакиевич, — произнёс молодой голос. — Если рядом с вами Тарас, не позволяйте ему предлагать стене партнёрство.

Тарас оскорбился.

— Это действительно он, — сказал Эраст. — Ни один посторонний не мог так точно ошибиться во мне и Тарасе одновременно.

Пуаронов присел перед цифрой ноль.

— Голос знает первую книгу. Но не знает, что Тарас уже предложил стене два процента за молчание.

— Один, — уточнил Тарас. — Два она не заслужила.

Пломбина осмотрела кладку.

— По документам за стеной тридцать сантиметров бетона и служебная пустота.

— Пустота говорит моим голосом, — заметил Эраст.

— После последних суток это почти рекомендация.

Вопрос ткнулся носом в цифру. Ноль разошёлся, как зрачок. За ним показался коридор, залитый старым солнечным светом.

На пороге стоял Эраст лет на двадцать моложе. Рядом с ним был Тарас без седины, зато с чемоданом, на котором мелом написали: «Мир. Не кантовать».

Молодой Эраст поднял ладонь.

— Не входите. Я серьёзно.

— Я тоже, — ответил настоящий Эраст. — Особенно когда разговариваю с собой.

Молодой Тарас заглянул ему за плечо.

— А я в будущем разбогател?

— Духовно, — сказал старший Тарас.

— Значит, нет.

Пуаронов не смотрел на двойников. Он изучал чемодан.

На ручке висела московская инкассаторская пломба.

Дата на ней была поставлена за семь лет до того, как московская бригада впервые приехала в Воронеж.

— Вот почему дверь стала нулевой, — сказал сыщик. — Она хранит не прошлое.

— А что?

— Первоначальный экземпляр.

В глубине коридора зазвонил университетский звонок.

ВГТУ звал на занятие, которого никогда не было.

Глава сто четвёртая

Практическое занятие по несовершившейся истории

Войти решили только после составления акта.

Броневилов написал: «Проникновение в принадлежащую неизвестному миру реальность произведено по причине невозможности оставить её без присмотра».

— Разумно, — одобрил Пуаронов. — Особенно последняя часть. Она оправдывает половину человеческой истории.

За дверью пахло майским Воронежем, пылью и столовой ВГТУ. Коридор вывел их к аудитории, где на доске значилось:

«До драконов. Вводная лекция».

Профессор Хронопятов стоял у кафедры. Он был моложе, худее и ещё не носил часы на обеих руках.

— Опоздали, — сказал он.

— Мы пришли из будущего, — объяснил Эраст.

— Тем более. У вас было больше времени.

За партами сидели студенты, которых никто не помнил. На последнем ряду спала крошечная Горислава без крыльев. Её огонь лежал рядом в стеклянной колбе и ждал выдачи.

Начала остановилась у двери.

— Это было не так.

— Поэтому мир и сохранили, — сказал молодой Эраст. — Чтобы никто не выяснил, как было.

Хронопятов раскрыл журнал.

В нём стояли фамилии всех присутствующих. Напротив каждой — две оценки: одна за прожитую жизнь, другая за оригинальную.

У Эраста было «удовлетворительно» и «не явился».

У Тараса — «неудовлетворительно» и «допущен к пересдаче за особые заслуги перед бухгалтерией».

У Пуаронова строка была пустой.

— Меня здесь не было, — сказал он.

— Вас не было нигде, — ответил молодой Хронопятов. — Пока понадобился человек, способный заметить подмену.

Пуаронов снял шляпу.

— Кто сохранил этот мир?

Профессор указал мелом на чемодан.

— Те, кто его вывез.

Пломбина проверила пломбу.

Под московским гербом проступили три фамилии: Броневилов, Наличных, Пломбина.

Только инициалы были другими.

Глава сто пятая

Инкассаторы, работавшие до собственного рождения

В аудиторию вошли трое.

Первый был похож на Броневилова так, будто броню передавали в семье вместе с отчеством. Второй считал ступени и недоверчиво смотрел на бесплатный воздух. Третья держала папку, от которой документы сами выстраивались по датам.

— Константин Петрович Броневилов, — представился первый.

— Семён Моисеевич Наличных.

— Ирина Матвеевна Пломбина.

Московская бригада посмотрела на своих предшественников.

— Родственники? — спросил Тарас.

— Должностные лица, — ответила старая Пломбина. — Родство у нас запрещено инструкцией. Оно мешает объективно делить ответственность.

— Вы работали до драконов? — спросил Вопрос.

— Мы работали до времени, — сказал старый Броневилов. — Драконы появились позже.

Оплата — ещё позже.

Наличных-младший с уважением кивнул.

— Тяжёлый период.

Старшая бригада открыла чемодан. Внутри лежал город, сложенный до размеров карты: дома, трамваи, река и ВГТУ, над которым не было ни одного дракона.

— Оригинальный мир приняли на ответственное хранение после первого спасения, — сказала старая Пломбина. — Вместо него выдали восстановительную копию.

Эраст сжал кулаки.

— Нам никто не говорил.

— В акте была сноска.

— Какая?

— «Спасение не означает возврат того же самого».

Тарас побледнел сильнее Эраста.

— Я подписал?

— Вы нарисовали стрелку к месту подписи и написали: «Согласен при наличии при- были».

— Значит, не подписал.

— Стрелка пересекла линию. Юридически это было признано сокращённой подписью. Пуаронов наклонился над городом.

На крыше крошечного ВГТУ стоял человек в шляпе.

— Но если меня создали только для обнаружения подмены, — сказал он, — почему я уже нахожусь в оригинале?

Крошечный человек поднял голову.

И помахал ему.

Глава сто шестая

Сыщик первого экземпляра

Пуаронов потребовал открыть чемодан шире.

— Шире мира не открывается, — предупредил старый Броневилов.

Тарас предложил сложить мир пополам. Обе Пломбины одновременно велели ему молчать.

Вопрос уменьшился, чихнув внутрь себя, и прыгнул на карту. Остальные последовали за ним через увеличительное стекло профессора Хронопятова.

Они оказались на крыше ВГТУ.

Человек в шляпе ждал возле вентиляционной трубы. Лицо у него было пуароновское, но усы закручивались в противоположную сторону.

— Мегрэ Артурович Пуаронов, — сказал он.

— Это имя уже занято, — ответил Пуаронов.

— Здесь оно появилось раньше.

— Чем можете доказать?

Двойник предъявил удостоверение. На фотографии отсутствовало лицо, зато печать стояла на месте.

— Я расследовал первое спасение мира, — сказал он. — И установил, что спасатели украли объект спасения.

Эраст возмутился.

— Мы ничего не крали.

— Вы вынесли мир из гибели и не вернули гибели расписку.

— Гибель выдаёт расписки?

— Только посмертно.

Пуаронов обошёл двойника кругом.

— Почему вы не покинули оригинал?

— Кто-то должен был охранять улики.

— Двадцать лет?

— Внутри чемодана прошло двадцать веков.

С крыши был виден спокойный город. Люди ходили на работу, студенты не сдавали чертежи, преподаватели не принимали их отказ за личное оскорбление. Мир выглядел обычным.

Слишком обычным.

Пуаронов снял перчатку и коснулся кирпича.

Под красной пылью обнаружилась чешуя.

— Этот мир тоже копия, — сказал он.

Двойник улыбнулся.

— Наконец-то.

Над городом раскрылось небо.

С обратной стороны оно было проштамповано: «ОБРАЗЕЦ».

Глава сто седьмая

Архив спасённых миров

Небо откинули, как крышку.

За ним стояли стеллажи.

На полках лежали миры: круглые, плоские, забытые, ещё не придуманные и один квадратный, который держался углом вниз из принципа.

На каждом висела бирка: «Спасён».

— Сколько их? — спросила Вера.

Наличных-старший сверился с книгой.

— Девятьсот девяносто девять официально. Один неофициально. Семь по доверенности.

— А настоящий наш мир?

— В архиве.

— На какой полке?

— Это служебная информация.

Горислава выдохнула узкую струю пламени. У книги обуглился угол.

— Полка сорок четыре, — быстро сказал Наличных. — Возможно, сорок пять. Нумерация мигрирует.

Они прошли между мирами. Из одного доносился вечный понедельник. В другом все обещания исполнялись, поэтому жители разговаривали исключительно намёками. В третьем депутаты действительно представляли население и содержались за тройным стеклом как редкий природный феномен.

Эраст остановился у пустой ячейки.

Бирка гласила: «Мир № 1. Выдан во временное пользование».

— Кому? — спросил он.

Старая Пломбина перевернула бирку.

На обороте было написано: «Получатель: Воронежский государственный технический университет».

Маргарита Всеволодовна поправила очки.

— Университет не мог получить целый мир без приказа ректора.

Хронопятов кашлянул.

— В некоторые эпохи ректором был сам университет.

— Зачем ВГТУ понадобился оригинал?

Профессор посмотрел на Началу.

— Для лабораторной работы.

Где-то далеко заревел дракон.

После него заревели ещё сотни.

— Какой работы? — спросил Эраст.

— «Возникновение времени драконов в контролируемых условиях».

Начала медленно повернулась к профессору.

— Значит, нас не нашли.

— Нет, — признался Хронопятов. — Вас защитили.

Глава сто восьмая

Лабораторная работа, пережившая лабораторию

Первых драконов создали не из огня.

Их создали из необходимости.

Оригинальный мир умирал слишком часто. Каждое спасение оставляло трещину, каждая трещина требовала сторожа, а люди отказывались охранять реальность без выходных и надбавки за метафизический вред.

Тогда ВГТУ разработал самовосстанавливающуюся систему.

— Драконов, — сказал Пуаронов.

— Прототипы автономной защиты, — поправил Хронопятов. — С крыльями для мобильности, огнём для ремонта и характером для отказоустойчивости.

Горислава посмотрела на него так, что профессор спрятался за терминологией.

— А любовь, память, имена?

— Побочные эффекты успешной эксплуатации.

Начала коснулась ближайшей полки. Все драконы в архивных мирах одновременно подняли головы.

— Почему вы спрятали время до нас?

— Потому что эксперимент закончился неудачно.

— Мы выжили.

— Именно.

Хронопятов объяснил: защита должна была подчиняться миру. Но драконы научились считать мир своим. Они не просто закрывали трещины — выбирали, каким миру следует стать после ремонта.

— То есть спасали его, — сказал Эраст.

— Без лицензии.

Московские инкассаторы сурово переглянулись. Самовольное спасение они считали опасным финансовым прецедентом.

Из глубины архива выкатился стол на колёсиках. На нём лежал старый лабораторный журнал ВГТУ.

Последняя запись была сделана рукой Эраста:

«Эксперимент остановить. Оригинал мира изъять. Драконов считать похищенными».

— Я этого не писал, — сказал Эраст.

— Писали, — ответил его молодой двойник. — Но после этого вас заменили.

Тарас заглянул в журнал.

— А меня?

— Вас пытались. Копия вернула деньги и отказалась запускаться.

Глава сто девятая

Человек, которого спасли вместо мира

Молодой Эраст сел на край полки.

— В первой истории погибал не мир, — сказал он. — Погибали вы.

Эраст долго молчал.

— Это звучит менее значительно.

— Поэтому формулировку изменили.

Пуаронов открыл лабораторный журнал. Между страницами лежала калька. Если наложить её на запись, слова менялись:

«Эраста изъять. Мир считать похищенным».

— Двойной текст, — сказал сыщик. — Один для исполнителей, другой для истории.

Вера взяла Эраста за руку.

— Кто тебя заменил?

Молодой Эраст кивнул на старших инкассаторов.

— Они доставили копию в восстановленный мир. Копия получила ваши воспоминания до момента спасения и прожила дальше.

— А настоящий я?

— Остался здесь.

— Тогда ты — настоящий?

— Я думал так первые сто лет.

Молодой Эраст снял часы. Под ремешком у него стоял номер: «ЭА-03».

На запястье Эраста обнаружился номер «ЭА-04».

Они посмотрели друг на друга.

— Где первый? — спросили одновременно.

Архив ответил гулом.

По стеллажам побежали красные огни. Бирки на мирах перевернулись. Вместо слова «Спасён» появилось другое:

«Залог».

Наличных-младший побледнел.

— Кто-то закладывал спасённые миры.

— За что? — спросил Броневилов.

Старший Наличных закрыл книгу учёта.

— За следующее спасение.

Пуаронов кивнул.

— Пирамида. Чтобы спасти новый мир, преступник закладывал предыдущий. Поэтому конец был запрещён: без следующей гибели нечем погашать старую.

— Кто мог начать это? — спросила Маргарита Всеволодовна.

Из пустой ячейки номер один донёсся голос.

— Я.

Он принадлежал Эрасту, который был старше обоих.

Глава сто десятая

Первый Эраст

Первый Эраст вышел из пустой ячейки.

Он был очень стар, но двигался быстро, словно возраст задолжал ему годы и опасался напоминаний. На нём висел выцветший студенческий билет ВГТУ.

— Эраст Акакиевич Кунилин, экземпляр первый, — представился он. — Инициатор спасения.

— Преступник? — спросил Вопрос.

— Это зависит от того, кто ведёт протокол.

Обе Пломбины подняли ручки.

— Тогда дважды преступник, — решил дракон.

Первый Эраст подошёл к Начале и поклонился.

— Простите.

— За что именно?

— Я хотел, чтобы мир научился спасать себя. А создал существ, которых мир принялся спасать от самого себя.

Он рассказал, что первая катастрофа была маленькой: трещина во времени под старым корпусом ВГТУ. Через неё будущее вытекало в прошлое. Студенты сдавали дипломы до поступления, преподаватели ставили оценки своим будущим предкам, а Тарас продал одну и ту же столовую трем историческим эпохам.

— Спрос был, — пояснил Тарас.

Чтобы закрыть трещину, Эраст отдал в залог весь мир. Он рассчитывал вернуть его через сутки. Но залогодержатель потребовал плату, которой ещё не существовало: огонь дракона.

— Поэтому вы начали время драконов, — сказал Пуаронов.

— Поэтому я создал Началу.

Драконица шагнула к нему.

— Создал или украл?

Первый Эраст не отвёл глаз.

— Украл из будущего возможность твоего рождения. Потом сделал вид, что подарил её миру.

Вопрос зарычал.

Стеллажи задрожали. Из каждого заложенного мира выглянули его жители.

— Верните нас, — заговорили они разными голосами.

— Я пытался, — сказал Первый Эраст. — Для этого и нужны были новые спасения.

Пуаронов надел шляпу.

— Нет. Для этого вам нужен был человек, которого все будут считать героем и никто не станет проверять.

Он посмотрел на Эраста четвёртого.

— Вы были не копией.

— А кем?

— Распиской.

Глава сто одиннадцатая

Расписка с характером

Эраст ощущал себя.

— На расписку я слишком устал.

— Старые документы всегда выглядят уставшими, — сказала Пломбина.

Пуаронов показал номер на его руке.

— «ЭА» означает не имя. «Экземпляр акта». Четвёртая редакция.

— А воспоминания?

— Приложение.

— Вера?

Пуаронов замолчал.

Вера сжала руку Эраста крепче.

— Я не приложение.

— Именно поэтому акт перестал быть актом, — сказал сыщик. — Документ, которого любят, получает биографию. Биография плохо поддаётся аннулированию.

Тарас облегчённо выдохнул.

— Значит, он настоящий.

— Он стал настоящим. Это дороже происхождения.

Первый Эраст усмехнулся.

— Красиво. Но залогодержатель так не считает.

— Кто он?

Вместо ответа все бирки на полках оторвались. Они закружились и сложились в фигуру высокого человека в сером костюме. На месте лица у него была сургучная печать.

— Просрочка составляет двадцать веков, семь романов и одну ненадлежащую концовку, — произнёс он.

Наличных-старший поклонился.

— Хранитель Обязательств.

— Ростовщик, — сказала Горислава.

— Термин эмоционален и потому облагается комиссией.

Хранитель протянул руку к Эрасту.

— Предмет залога подлежит взысканию. Расписка — погашению.

— Он человек, — сказала Вера.

— Это не препятствие. Люди регулярно погашают себя работой.

Броневинов встал между ними.

— Передача ценности без проверки невозможна.

— На каком основании?

Московский инкассатор вынул удостоверение.

— Москва.

Хранитель впервые отступил.

Даже обязательства знали, что спорить с московскими документами можно долго, но бесплатно не получится.

Глава сто двенадцатая

Инвентаризация невозможного

Две бригады инкассаторов начали пересчитывать миры.

Это было похоже на сотворение вселенной, если бы вселенную создавали по накладной и постоянно просили не загораживать проход.

Наличных-младший считал население. Наличных-старший — вероятность его существования. Результаты не совпадали на одного человека.

— Лишний, — сказал младший.

— Недостающий, — сказал старший.

Пуаронов попросил показать ведомости.

Во всех мирах разница составляла ровно одного жителя.

— Первый Эраст? — предположила Вера.

— Нет. Он учтён как основное средство.

Тарас заглянул в ближайший мир и немедленно обнаружил там себя, продающего билеты на конец света.

— Может, я?

— Вас везде больше, чем требуется, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Это не ошибка учёта, а свойство природы.

Пуаронов разложил ведомости по датам. Лишний человек переходил из мира в мир ровно за минуту до каждой катастрофы. После спасения он исчезал, а мир оказывался в залоге.

— Вот наш преступник, — сказал сыщик. — Не Первый Эраст. Тот лишь первый должник.

Хранитель Обязательств зашуршал бирками.

— Личность посредника не влияет на долг.

— Напротив. Посредник создавал катастрофы, выдавал займы на спасение и забирал обеспечение. Вы — не залогодержатель. Вы его касса.

Сургучная печать на лице треснула.

Из-под неё показался знакомый пустой лист.

— Последний Читатель, — сказала Горислава.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Тот был местом для читателя. Этот — место для подписи.

Фигура рассыпалась на бирки.

Одна из них прилипла к спине Вопросы.

На ней значилось: «Мир № 1000. Залог принят».

Архивные двери захлопнулись.

И весь их нынешний мир оказался на полке.

Глава сто тринадцатая

Мир под пломбой

Воронеж сжался первым.

Адмиралтейская площадь сложилась пополам, водохранилище свернулось серебряной лентой, а ВГТУ втянул корпуса, как испуганная черепаха. Москва сопротивлялась дольше, поскольку не признавала внешнего управления, но и она поместилась в стеклянный шар.

Броневики успели поставить пломбу с внутренней стороны.

— Теперь без нас не откроют.

— И мы не выйдем, — заметил Наличных.

— Зато порядок.

На внешней стороне стекла возник огромный глаз. Потом второй. Некто осматривал новый залог.

Пуаронов велел всем молчать.

— Почему? — шёпотом спросил Вопрос.

— Преступник уверен, что мы пойманы. Пусть приблизится.

Тарас поднял табличку: «Мир продаётся вместе с населением. Торг уместен».

— Я сказал молчать.

— Я письменно.

Снаружи появилась рука. Она сняла шар с полки и понесла по архиву.

Города катались внутри, драконы удерживали небо, а московский броневики пристегнули к экватору страховочным тросом.

— Куда нас несут? — спросил Эраст.

Пуаронов наблюдал за светом между пальцами похитителя.

— Не куда. Когда.

— До драконов?

— Раньше. К моменту первой сделки.

Первый Эраст побледнел.

— Если посредник переподпишет договор, он заберёт все миры сразу.

— Значит, помешаем.

— Изнутри залога?

Тарас постучал по стеклу.

— У меня был похожий случай с банкой огурцов.

— И как вы выбрались? — спросила Пломбина.

— Не выбрался. Съел предмет залога.

Вопрос посмотрел на стеклянную оболочку.

— Я могу её укусить.

— Нельзя, — сказал Пуаронов. — Нам нужна не дыра наружу.

Он указал на пломбу Броневику.

— Нам нужна дверь к тому, кто считается владельцем.

Пломбина прочла мелкую надпись на пломбе.

В графе «Ответственный хранитель» стояло имя, которого никто не ожидал.

«Вера Эрастовна Кунилина».

Глава сто четырнадцатая

Наследница ещё не совершённого преступления

— У меня нет отчества Эрастовна, — сказала Вера.

— Пока, — ответил Первый Эраст.

Тишина стала такой плотной, что Тарас попробовал положить на неё папку.

Эраст посмотрел на Веру. Потом на своё запястье с номером акта. Потом снова на Веру.

— Я бы запомнил дочь.

— Особенно если она старше вас, — сказал Пуаронов.

Пломбина провела пальцем по надписи. Буквы были нанесены не чернилами, а будущим.

— Пломба признаёт её владельцем всех заложенных миров.

— Почему? — спросила Маргарита Всеволодовна.

— Потому что долг можно наследовать, — сказал Наличных-старший. — Даже раньше наследодателя. Временные обязательства очень предусмотрительны.

Вера подошла к стеклу. Огромная рука снаружи остановилась.

— Открой, — сказала она.

Шар послушался.

В стене появилась узкая дверь. За ней была старая лаборатория ВГТУ: голые кирпичи, медные провода и первый прибор для измерения будущего. Возле прибора стояла девочка лет десяти.

Она была похожа на Веру.

Только глаза у неё горели драконьим огнём.

— Наконец-то, — сказала девочка. — Я устала ждать, когда вы меня родите.

Вопрос спрятался за Пуаронова.

— Она опасная?

— Она ребёнок, — ответил Эраст.

— Я спросил то же самое.

Девочка улыбнулась и положила ладонь на прибор. Все стрелки показали одновременно прошлое, настоящее и задолженность.

— Меня зовут Вера Эрастовна, — сказала она. — Я первая хозяйка времени драконов.

Начала расправила крылья.

— Первой была я.

— Нет. Ты была первой драконицей. А я была той, кто решил, что драконам пора слушаться.

Пуаронов внимательно посмотрел на её левую руку.

На запястье девочки стоял номер «ЭА-01».

— Значит, Первый Эраст лжёт, — сказал сыщик.

Все обернулись.

Старика уже не было.

Вместо него на полу лежал студенческий билет ВГТУ. На фотографии медленно проступало лицо Вонаруапа.

А снаружи кто-то закрыл дверь лаборатории на ключ.

Глава сто пятнадцатая

Дверь, закрытая с обеих сторон

Броневинов проверил дверь.

Она была заперта снаружи, изнутри и, судя по печати над косяком, задним числом.

— Надёжно, — сказал он с невольным уважением.

— Вы восхищаетесь нашим заключением? — спросил Эраст.

— Качественная работа не виновата, что направлена против нас.

Тарас приложил ухо к замку.

— Там кто-то уходит.

— Откуда вы знаете?

— Не предложил нам помощь за деньги.

На полу лежал студенческий билет с лицом Вонаруапа. Пуаронов поднял его пинцетом.

На обороте стоял штамп: «Отчислен до поступления».

— Вонаруап выдавал себя за Первого Эраста, — сказал сыщик. — Но зачем ему приводить нас к девочке?

— Чтобы вы открыли лабораторию, — ответила Вера Эрастовна.

Она сидела на краю прибора и болтала ногами. При каждом движении стрелки будущего перескакивали на год вперёд.

— Он не мог войти сюда сам. Дверь признаёт только хозяина времени драконов.

— То есть вас, — сказала Начала.

— Теперь нас обеих.

Девочка показала ладонь. На ней светился отпечаток драконьей лапы. Такой же появился у Началы.

— Я не давала согласия.

— В начале согласия ни у кого не спрашивают. Иначе ничего не начнётся.

Горислава подошла к прибору.

Под стеклянным колпаком вращалась искра. Она была крошечной, но все драконы в комнате смотрели только на неё.

Вопрос чихнул дымом.

— Это огонь?

— Нет, — сказала девочка. — Это право зажечь первый огонь.

Пуаронов осмотрел пустой паз в основании прибора.

— Здесь была ещё одна деталь.

— Ключ времени, — ответила Вера Эрастовна. — Вонаруап только что его украл.

За дверью зазвенел металл.

Потом голос Вонаруапа объявил по университетской трансляции:

— Практическая работа окончена. Время драконов подлежит отмене.

Начала попыталась выдохнуть пламя.

Из пасти вылетела справка о его отсутствии.

Глава сто шестнадцатая

Драконы без огня

Огонь исчез не сразу.

Сначала он стал прохладным. Потом вежливым. Потом попросил считать себя недействительным с момента возникновения.

Гориславадохнула на дверь. Та покрылась инеем и поблагодарила за вентиляцию.

Архивулкан попробовал разозлиться, но вместо рёва прочитал правила пожарной безопасности.

Вопрос раскрыл пасть.

— А я?

У него остался дым.

— Ты родился из подписи, — сказал Пуаронов. — Твой огонь юридический. Его нельзя отменить, пока не отменён документ.

— Значит, я самый настоящий дракон?

— Самый бюрократический.

Вопрос загордился. Для маленького дракона разница была несущественной.

Вера Эрастовна прыгнула с прибора.

— Вонаруап хочет вернуть время до драконов. Тогда архивные миры лишатся защиты и станут обычным имуществом.

— А наш мир? — спросила Вера.

— Его он продаст последним. На нём больше всего улучшений.

Тарас заинтересовался.

— Рыночная оценка есть?

Маргарита Всеволодовна повернула к нему голову.

— Чисто для понимания ущерба, — добавил он.

Пуаронов нашёл на стене схему лаборатории. На ней не было двери, зато был аварийный выход в дату.

— Куда ведёт? — спросил Эраст.

Девочка прочитала подпись.

— В день первого запуска.

— Тогда Вонаруап тоже направляется туда.

— Нет. Он идёт раньше, чтобы запуск не состоялся.

Пломбина достала пломбу и приложила к пустому месту на схеме.

— Аварийный выход необходимо зарегистрировать.

На стене появилась дверь. За ней шумела аудитория ВГТУ, полная студентов.

— Какой год? — спросил Броневилов.

Хронопятов посмотрел на расписание.

— Год, в котором я ещё верил, что студенты читают методические указания.

— Настолько давно?

— Почти до драконов.

Глава сто семнадцатая

День первого запуска

В аудитории шёл экзамен.

Студенты сдавали предмет «Технические средства защиты реальности». На столах лежали линейки, калькуляторы и амулеты, запрещённые к использованию, но разрешённые к обнаружению.

Молодой профессор Хронопятов ходил между рядами.

На обеих руках у него уже были часы.

— Вы говорили, тогда носили одни, — заметил Пуаронов.

— Значит, это не тот день.

— Или не тот профессор.

Хронопятов остановился.

Его молодой двойник тоже остановился.

— Посторонним выйти из аудитории, — сказал двойник.

Никто не вышел. Посторонними считали себя все, но каждому было интересно, что делают остальные.

На первой парте сидел Эраст-студент. Рядом Тарас продавал ответы, не зная вопросов.

У окна стояла девушка, похожая одновременно на взрослую Веру и девочку из лаборатории. На её столе лежал чертёж первого дракона.

— Кто она? — спросил Эраст.

Вера Эрастовна ответила тихо:

— Моя мама.

Взрослая Вера отпустила руку Эраста.

— Это я.

— Одна из вас, — уточнил Пуаронов.

На чертеже было написано: «Проект автономного огнедышащего хранителя. Автор В. А. Кунилина».

— Но я никогда не училась во ВГТУ, — сказала Вера.

— Училась, — возразил молодой Хронопятов. — Пока будущее не исправили.

Звонок оборвал экзамен. Студенты сдали работы. Тарас сдал чужую, получил две оценки и одну прибыль.

Девушка у окна не поднялась.

К ней подошёл человек в шляпе. Издали он был похож на Пуаронова, но тень падала в другую сторону.

— Вонаруап, — сказал Вопрос.

Человек положил на чертёж украденный ключ времени.

Бумажный дракон открыл глаза.

Глава сто восемнадцатая

Чертёж, который научился дышать

Дракон сошёл с листа плоским.

Он повернулся боком и исчез. Повернулся обратно и снова появился, уже с выражением крайнего недовольства собственной толщиной.

— Первый прототип, — прошептал Хронопятов. — Линейный огнедышащий модуль.

— Как его зовут? — спросил Вопрос.

— По проекту ЛОМ-1.

— Нельзя так называть дракона.

— Почему?

— Он вырастет и прочитает.

Вонаруап провёл ключом по чертежу. Линии вспыхнули. Бумажный дракон втянул воздух и выдохнул белое пламя.

Там, где оно прошло, исчезли последствия.

У Тараса пропала прибыль от экзамена. У Хронопятова исчезли вторые часы. У Эраста зажала старая царапина, и он почему-то пожалел о ней.

— Он отменяет результат, — понял Пуаронов.

— Он исправляет ошибки, — сказал Вонаруап.

— Ошибка и её последствия не одно и то же.

— Для бухгалтерии одно.

Наличных возмутился:

— Для плохой бухгалтерии.

Бумажный дракон выдохнул на окно. За ним исчезло время драконов. Небо стало пустым, а город — слишком прямым, будто его чертили по линейке люди, не любившие прогулки.

Начала начала бледнеть.

— Он стирает нас с первого запуска.

Вера Эрастовна схватила край чертежа. ЛОМ-1 взревел, разрываясь между бумагой и комнатой.

— Мам, помоги! — крикнула девочка.

Обе Веры одновременно протянули руки.

Взрослая коснулась чертежа первой.

Её пальцы прошли сквозь бумагу.

— Она не автор, — сказал Пуаронов.

Все посмотрели на девушку у окна.

Та медленно подняла лицо.

Это была не Вера.

Это была Маргарита Всеволодовна в молодости.

Глава сто девятнадцатая

Мать всех технических драконов

Маргарита Всеволодовна сняла очки.

Молодая женщина у окна сделала то же самое.

— Теперь понятно, почему проект выжил, — сказал Тарас. — Он боялся не сдать работу.

— Я не создавала драконов, — произнесла Маргарита Всеволодовна.

— Вы создали систему, — ответил Пуаронов. — Драконы возникли, когда система отказалась быть только системой.

Хронопяттов прочитал инициалы на чертеже внимательнее.

— «В. А.» — это не имя автора. «Всеволодовна. Архитектор».

— А Кунилина?

— Фамилия после замужества, которого не произошло в этой версии времени.

Эраст посмотрел на Веру.

— Тогда девочка...

— Не ваша дочь, — сказал Пуаронов. — Ваша сестра по невыполненному проекту.

Тарас принялся считать родство на пальцах, быстро исчерпал человеческую анатомию и попросил у Вопросы лапу.

Маргарита Всеволодовна подошла к молодой себе.

— Почему я ничего не помню?

— Потому что вы остановили запуск, — ответила молодая. — Потом попросили удалить вам память.

— Я никогда не прошу удалить документы.

— Это была память о неудаче.

— Тем более. Неудачи следует хранить отдельно и предъявлять тем, кто предлагает повторить.

Вонаруап засмеялся.

— Прекрасно. Даже автор не признаёт своё творение.

Он повернул ключ.

ЛОМ-1 выдохнул на молодую Маргариту. Она стала прозрачной.

Взрослая пошатнулась. С её лица исчезли несколько морщин, затем одна строгая складка вернулась — из принципа.

— Остановите его, — сказала Начала. — Если исчезнет автор проекта, исчезнем мы.

Пуаронов посмотрел на чертёж, на ключ и на пломбу, которую Вонаруап носил вместо запонки.

— Нет. Если исчезнет автор, драконы станут бесхозными.

Вонаруап улыбнулся.

— А бесхозное можно скоммуниздить.

Глава сто двадцатая

Как скоммуниздить огнедышку по закону

— Слово грубое, — сказала Пломбина.

— Зато состав преступления точный, — ответил Пуаронов.

Вонаруап развернул доверенность. Она была подписана всеми владельцами драконов, включая тех, кто ещё не родился и потому не успел возразить.

— После отмены авторства огнедышащие объекты переходят ко мне как к добросовестному похитителю.

— Такого понятия нет, — сказал Эраст.

— Будет. Я уже внёс поправку в прошлое.

За окном появились грузовые клетки. В каждой было написано имя дракона. Горислава увидела свою. Начала — пустую клетку с датой. Вопросы досталась коробка с отверстием для подписи.

Архивулкан попытался сжечь доверенность, но выдохнул лишь уведомление о пожаре.

— Нам нужен огонь Вопросы, — сказал Пуаронов.

— Он маленький, — возразила Вера.

— Поэтому преступник его не учёл. Большие планы чаще всего спотыкаются о маленькие приложения.

Вопрос расправил крылья.

— Кого поджечь?

— Никого. Подпиши.

Пуаронов подал ему чистый лист. Дракон выдохнул чёрную закорючку.

— Что это?

— Акт добровольной передачи самого себя самому себе.

— Это возможно?

— Тарас делал так с долгами.

— Они возвращались, — предупредил Тарас.

Пуаронов приложил акт к доверенности Вонаруапа. Бумаги зашпорили. Доверенность требовала бесхозного дракона, акт утверждал, что Вопрос принадлежит Вопросу и даже отвечает на запросы владельца.

Чёрное пламя прошло по строкам.

Клетка Вопроса захлопнулась вокруг Вонаруапа.

— Ненадолго, — сказал сыщик. — Документы не победили его. Они лишь потребовали объяснений.

Из клетки донёсся яростный шелест.

— Сколько у нас времени? — спросил Броневилов.

Наличных оценил толщину доверенности.

— Пока он не дочитает примечания.

— То есть?

— Минуты три. Если честно читает — вечность.

Глава сто двадцать первая

Авторство, которого никто не хотел

Чтобы вернуть драконам огонь, требовалось подтвердить автора проекта.

Молодая Маргарита была почти прозрачной. Взрослая стояла перед чертежом и отказывалась вспоминать.

— Я не могла начертить хвост с таким радиусом, — сказала она. — Он технологически безответственен.

ЛОМ-1 обиженно спрятал хвост.

— Это черновик, — напомнил Хронопятов.

— У меня черновики ответственнее некоторых окончательных версий.

Пуаронов попросил всех отойти от доски.

— Авторство доказывает не подпись. Подпись можно украсть. Нужно найти ошибку, которую способен сделать только автор.

Он изучил чертёж. Семь контуров крыла, три независимых огненных канала, аварийное приземление на любой бок и маленький отсек под сердцем.

— Что должно находиться здесь?

Маргарита Всеволодовна ответила не задумываясь:

— Запасная совесть оператора.

Все замолчали.

— Зачем дракону совесть оператора? — спросил Эраст.

— Потому что свою он может использовать.

Молодая Маргарита стала плотнее.

На доске проявилась подпись: «М. В. Кунилина».

— Вы вспомнили? — спросила Вера.

— Нет. Я восстановила ход мысли. Это надёжнее памяти.

Она взяла мел и исправила радиус хвоста.

ЛОМ-1 расправился, обрёл объём и тяжело упал на кафедру. По аудитории прокатилась волна жара.

Начала вдохнула. Её медная чешуя загорелась.

Горислава выдохнула пламя, которое случайно сожгло три экзаменационные ведомости. Студенты будущего почувствовали внезапное облегчение, не зная причины.

Клетки за окном начали плавиться.

Вонаруап дочитал примечания.

— Нашёл ошибку, — сообщил он изнутри. — В акте Вопрос передал себя себе, но не принял.

Дверца открылась.

Клетка оказалась пустой.

Сам Вонаруап уже стоял рядом с взрослой Верой.

И держал ключ времени у её горла.

Глава сто двадцать вторая

Заложница собственного прошлого

— Отдайте чертёж, — сказал Вонаруап. — Иначе я поверну ключ.

— Что произойдёт? — спросил Эраст.

— Вера никогда не встретит вас.

— Тогда кто сейчас у вас в заложниках?

Вонаруап нахмурился.

— Не усложняйте.

— Это вы угрожаете причинить прошлое настоящему. Мы вправе уточнить порядок.

Пуаронов незаметно подал знак Пломбиной. Та открыла журнал происшествий и начала записывать каждое слово.

— Отдайте чертёж, — повторил Вонаруап.

— Получатель? — спросила Пломбина.

— Я.

— Фамилия полностью.

— Вонаруап.

— Имя?

Он замолчал.

— Отчество?

— Не имею.

— Основание отсутствия?

Ключ дрогнул.

Пуаронов приблизился на шаг.

— Вы не можете получить драконов, потому что не существуете как лицо. Вы зеркальное отражение. Даже имя — моё, прочитанное наоборот.

— Отражение тоже реально.

— Пока есть оригинал.

Вонаруап посмотрел на сыщика с ненавистью, которая долго копилась по ту сторону зеркала.

— Именно поэтому я украду вас последним.

Он повернул ключ.

Аудитория исчезла.

Эраст оказался в пустом коридоре ВГТУ. Рядом стояли Тарас, инкассаторы и драконы. Веры не было. Маргарита Всеволодовна держала чертёж, на котором имя дочери постепенно стиралось.

— Он изменил встречу, — сказал Эраст.

— Нет, — возразил Пуаронов. — Он изменил только запись о встрече. Иначе вы бы не помнили Веру.

— Где она?

Сыщик указал на журнал Пломбиной.

Последняя строка гласила: «Заложница передана Вонаруапу. Место хранения — отражение события».

В конце строки вместо точки блеснуло крошечное зеркало.

Глава сто двадцать третья

Следствие по ту сторону точки

Первым в зеркало полез Тарас.

Он утверждал, что это не храбрость, а привычка входить туда, где выход кажется дороже.

Зеркальная точка растянулась и проглотила его. Через секунду наружу вылетела записка: «Здесь всё наоборот. Долги считаются доходами. Остаюсь».

Маргарита Всеволодовна написала снизу: «Вернись немедленно».

Тарас выпал обратно раньше, чем чернила высохли.

— Там страшно, — признался он. — Люди получают деньги и всё равно чувствуют обязанность.

Пуаронов вошёл следующим. Остальные держались за поля журнала и шагнули за ним.

По ту сторону точка оказалась круглой площадью. В центре стоял зеркальный ВГТУ. Его корпуса уходили вниз, кафедры находились на крышах, а студенты сначала получали дипломы, затем постепенно забывали предметы и в конце подавали документы на поступление.

— Наконец разумная система, — сказал один студент, сдавая знания в гардероб.

На ступенях университета сидела Вера.

Рядом стоял Вонаруап без шляпы. У него не было отражения, потому что он сам им являлся.

— Не приближайтесь, — сказала Вера. — Он хочет обменять меня на Пуаронова.

— Зачем? — спросил Вопрос.

— Чтобы стать оригиналом.

Вонаруап надел украденную шляпу сыщика. Она села на него неправильно, но мир вокруг немедленно сделал вид, что так и задумано.

— Один из нас должен остаться отражением, — сказал он. — Я устал.

Пуаронов оглядел площадь.

— Вы построили этот мир?

— Я собрал всё, что люди отвергли: несовершившиеся встречи, забытые решения, неправильные копии.

— И Первого Эраста?

— Его здесь не было. Я надел его возраст и студенческий билет.

— Где настоящий?

Вонаруап улыбнулся.

— Вы уже с ним знакомы.

Из зеркального ВГТУ вышел профессор Хронопятов.

На его руках не было ни одних часов.

Глава сто двадцать четвёртая

Профессор без времени

Настоящий Хронопятков посмотрел на профессора без часов.

— Самозванец.

— Поздняя редакция, — ответил тот.

— У вас нет доказательств.

— У меня нет часов.

Хронопятков побледнел. Для человека, всю жизнь измерявшего время, их отсутствие было серьёзнее паспорта.

Профессор без времени представился Эрастом Акакиевичем Кунильным.

— Кунилин, — поправил Эраст.

— Это в четвёртом акте. В первом фамилию написали через мягкий знак. Исправить не успели: началась катастрофа.

Пуаронов достал студенческий билет Вонаруапа. Под зеркальным светом лицо сменилось. На фотографии оказался молодой Хронопятков.

— Первый Эраст спрятался под чужой биографией, — сказал сыщик.

— Я не прятался. Я охранял запуск.

— Двадцать веков?

— Время требовало наблюдения.

— А две пары часов?

— Одна показывала его начало. Вторая — мой побег.

Эраст приблизился к нему.

— Почему создали меня распиской?

— Чтобы долг можно было вернуть, не уничтожив человека.

— Очень предусмотрительно. Особенно для человека.

Первый Эраст опустил глаза.

— Я думал, вы останетесь документом.

— Я тоже иногда так думаю, — сказал Эраст. — Потом приходит Тарас и требует помочь.

— Дружба, — объяснил Тарас. — Самая убыточная форма бессрочного обязательства.

Вонаруап хлопнул в ладони.

Зеркальный университет раскололся на две половины. Между ними открылся колодец, заполненный чужими отражениями.

— Семейное объяснение окончено. Пора выбирать оригинал.

Он толкнул Веру к краю.

Пуаронов шагнул вперёд.

И оба сыщика одновременно отбросили тени.

Тени были одинаковыми.

Глава сто двадцать пятая

Два оригинала и одна шляпа

— Вот доказательство, — сказал Вонаруап. — Мы равны.

— Тени подтверждают только наличие света, — ответил Пуаронов.

— У вас нет ничего, чего нет у меня.

— Есть.

— Что?

— Ошибки, которые я признал своими.

Вонаруап рассмеялся.

— Я знаю каждую вашу ошибку.

— Знать и отвечать — разные профессии.

Пуаронов снял шляпу. Вонаруап сделал то же самое. Сыщик положил свою на землю.

— Вы хотели стать мной. Возьмите.

— Думаете, шляпа делает сыщика?

— Нет. Но вы думаете.

Вонаруап поднял шляпу.

Она стала тяжёлой.

Внутри находились все дела Пуаронова: невыполненные обещания, неверные догадки, люди, которых он не успел спасти, и вопросы, на которые ответ пришёл слишком поздно.

Вонаруап опустился на колени.

— Заберите.

— Оригинал не может вернуть себе последствия.

Вопрос подбежал к Вере и зубами перерезал верёвку, которой та не была связана, но которую ситуация считала необходимой.

Горислава ударила огнём по зеркальному колодцу. Отражения вспыхнули и начали выходить наружу: забытые версии людей, несказанные слова, несостоявшиеся друзья и один Тарас, который всегда возвращал долги.

Настоящий Тарас схватил его за плечи.

— Тебе нельзя в наш мир. Ты разрушишь экономику.

Вонаруап пытался сбросить шляпу, но она уже признала его владельцем.

Пуаронов забрал ключ времени.

— Арестуйте его, — сказал Броневилов.

— За что?

— За попытку скоммуниздить огнедышку.

Пломбина записала формулировку, поморщилась и добавила: «Наименование деяния приведено со слов подозреваемого».

Вонаруап поднял лицо.

Оно стало лицом Пуаронова.

А у настоящего сыщика лицо исчезло.

Глава сто двадцать шестая

Сыщик без лица

Эраст первым понял, кто перед ним.

— Мегрэ Артурович?

Человек без лица кивнул.

— Докажите, — потребовал Броневилов.

Пуаронов указал на Вонаруапа в шляпе.

— Он уже доказывает. Настоящий преступник всегда торопится выглядеть невиновным. Настоящий сыщик может позволить себе выглядеть подозрительно.

— Слабое доказательство, — сказала Плombина.

— Зато жизненное.

Вонаруап вскочил.

— Не слушайте отражение! Я Пуаронов!

— Тогда назовите преступника, — предложил Эраст.

Вонаруап показал на безликого.

— Он.

Безликий показал на ключ времени.

— Преступник тот, кому выгодно, чтобы мы выбирали между лицами и забыли об украденном.

Все посмотрели на руку Пуаронова.

Ключа в ней не было.

Вера Эрастовна стояла у края колодца. В её ладони блестел металл.

— Простите, — сказала девочка. — Но время драконов нельзя возвращать.

Начала шагнула к ней.

— Почему?

— Потому что оно уже закончилось. Вы живёте внутри последней минуты, которую я растянула на двадцать веков.

Колодец задрожал. На его дне проступил циферблат. Секундная стрелка стояла перед двенадцатью.

— Что произойдёт, когда минута закончится? — спросила Горислава.

— Драконы исчезнут. Архив получит миры. Все долги будут погашены.

— А люди? — спросил Эраст.

Девочка посмотрела на него с жалостью взрослого человека, которую ребёнку носить было особенно тяжело.

— Люди продолжают жить. Только не вспомнят, что их когда-либо спасали.

Она вставила ключ в циферблат.

Вопрос бросился вперёд.

Стрелка сделала последний шаг.

И где-то в обычном Воронеже студент ВГТУ поднял с пола чёрную чешуйку, которой никогда не существовало.

Глава сто двадцать седьмая

Чешуйка из отсутствующего животного

Студента звали Кирилл Схемкин.

Он учился на инженера и потому не верил ни во что, что нельзя было разобрать, собрать обратно и после этого признать лишними три детали.

Чешуйка была тёплой.

Кирилл положил её на ладонь, сфотографировал и попытался определить материал через университетскую базу.

Система ответила:

«Объект отсутствует. Просьба вернуть на место отсутствия».

— Очень удобно, — сказал Кирилл. — Особенно адрес.

Он отнёс находку в лабораторию биотехнических систем. Там чешуйку просветили, взвесили и обидели магнитом.

Результаты не совпали между собой. Масса составляла семь граммов, объём — ноль, температура — вчерашняя.

Доцент попросил выбросить предмет.

— Почему?

— Он портит статистику.

Кирилл спрятал чешуйку в зачётку. На обложке проступила надпись:

«ВГТУ. Факультет драконоведения».

Такого факультета не существовало.

Но ниже уже стояла оценка за первый семестр.

«Не допущен. Отсутствует дракон».

Кирилл вернулся в коридор, где нашёл чешуйку. На стене висела фотография выпускников. В последнем ряду стояли трое мужчин: усталый, довольный и в шляпе.

Подпись гласила:

«Комиссия по последствиям первого запуска».

Кирилл приблизил снимок.

Человек в шляпе повернул голову.

— Не стойте под камерой, — сказал он с фотографии. — Она записывает только то, чего не было.

Кирилл отступил.

На полу под ним появилась тень драконьего крыла.

Глава сто двадцать восьмая

Люди, которых никто не спасал

Эраст Акакиевич работал консультантом по чрезвычайным происшествиям, которые официально считались совпадениями.

Работа была спокойной. Мир не погибал уже много лет и производил это с тревожной регулярностью.

Тарас Ананиевич занимался коммерцией. Он продавал организациям планы эвакуации от событий, не предусмотренных законодательством. Особенно хорошо покупали государственные учреждения: они любили иметь план на то, чего не собирались признавать.

Вера иногда просыпалась с ощущением, что забыла кого-то большого, крылатого и требовавшего отдельного бюджета на корм.

— Может, собаку хотела, — предполагал Эраст.

— Собака не помещалась бы на крыше ВГТУ.

— Тогда не хотела.

Маргарита Всеволодовна хранила в шкафу старый чертёж. На нём был изображён сложный летательный аппарат с запасной совестью оператора. Кто его нарисовал, она не помнила, но хвост раздражал её неправильным радиусом.

Мегрэ Артурович Пуаронов расследовал исчезновение собственного лица.

Окружающие видели лицо прекрасно. Оно улыбалось, хмурилось и вызывало доверие у людей, которых следовало немедленно проверить. Но зеркала показывали пустое место.

— Либо зеркало лжёт, — говорил Пуаронов, — либо лицо слишком старается.

В тот день ему принесли фотографию из ВГТУ.

Кирилл Схемкин положил её на стол и указал на человека в шляпе.

— Он со мной разговаривал.

Пуаронов посмотрел на снимок.

— Что сказал?

— Что камера записывает только то, чего не было.

— Значит, он хотел, чтобы вы заметили записанное.

— Это вы?

— На мне моя шляпа. Остальное требует экспертизы.

Пуаронов перевернул фотографию.

С обратной стороны чёрным огнём был выжжен вопрос:

«Папа, ты меня забыл?»

Глава сто двадцать девятая

Посылка из Москвы без содержимого

Московские инкассаторы приехали в Воронеж утром.

Броневики не помнил Эраста, но сразу отнёсся к нему с профессиональной настороженностью, обычно возникавшей после третьего совместного конца света.

Наличных пересчитал присутствующих дважды.

— Нас на одного меньше.

— По списку все, — сказала Пломбина.

— Поэтому и меньше.

Они привезли пустой контейнер. Он был опломбирован девятью печатями и весил столько, будто внутри лежало обязательство государственного масштаба.

— Что доставляете? — спросил Тарас.

— Не знаем.

— Тогда могу купить без осмотра.

— Не можете. Получатель не указан.

— Укажите меня.

— Тем более не можем.

На крышке контейнера значилось: «Вернуть владельцу после окончания времени драконов».

— Какого времени? — спросил Эраст.

Все задумались.

Слово было знакомым, но не имело предмета. Так иногда бывает с обещанием Тараса: грамматика есть, имущества нет.

Кирилл положил чешуйку на крышку.

Печати расплавились. Контейнер открылся.

Внутри находилось углубление в форме маленького зверя, записка и одна недоеденная пуговица.

Пуаронов прочитал записку:

«Если Вопрос исчез, спросите, кому это выгодно».

— Кому это выгодно? — послушно спросил Кирилл.

Из пустого углубления донёсся чих.

Потом тихий голос ответил:

— Тому, кто боится ответа.

Глава сто тридцатая

Возвращение одного вопроса

Вопрос появлялся частями.

Сначала дым. Потом нос. Затем любопытство, которое заняло больше места, чем остальное тело.

— Папа! — крикнул он и бросился к Пуаронову.

Сыщик отступил.

— Молодой человек, мы знакомы?

Дракон остановился.

— Я не молодой человек.

— Уже одна установленная деталь.

Вопрос обнюхал его шляпу, пустое отражение и правый карман.

— Ты всё забыл.

— Не всё. Некоторые ошибки возвращаются без напоминания.

— Я не ошибка.

— Тогда почему появился из записки?

Вопрос надулся. Из ноздрей вышло чёрное пламя и сожгло слово «исчез».

Записка изменилась:

«Если Вопрос, спросите, кому это выгодно».

Мир вздрогнул, принимая неграмматичную реальность.

У Эраста в памяти вспыхнуло яйцо с поддельной подписью. У Веры — маленький дракон, называвший Пуаронова папой. У Тараса — возможность продать страховку от укусов существа, которого секунду назад не существовало.

— Вспомнил! — обрадовался он.

— Меня? — спросил Вопрос.

— Тариф.

Пуаронов опустился перед драконом на колени.

— Я помню дым. Помню подпись. Помню, что кто-то носил моё лицо.

— Вонаруап.

— А где он?

Вопрос посмотрел на зеркало.

В нём отражался Пуаронов.

И улыбался, хотя настоящий сыщик не улыбался.

Глава сто тридцать первая

Лицо, вернувшееся без владельца

Отражение подняло палец к губам.

Пуаронов разбил зеркало тростью.

Осколки не упали. Они зависли в воздухе, и в каждом лице сыщика продолжало улыбаться по-разному: виновато, торжествуя, вежливо и одно — совершенно честно, что выглядело наиболее подозрительно.

— Вонаруап пережил окончание времени драконов, — сказал Пуаронов.

— Как? — спросил Эраст.

— Он украл не дракона. Он украл результат кражи.

Пломбина потребовала объяснить проще.

— Когда Вера Эрастовна завершила последнюю минуту, все долги погасились, драконы исчезли, а миры вернулись владельцам. Но Вонаруап уже носил моё лицо. Мир признал его человеком и сохранил.

— А вас?

— Мир сохранил меня как отсутствие лица. Ошибка распределилась поровну.

Кирилл поднял осколок. В нём отражался незнакомый коридор ВГТУ.

По коридору шла девочка с ключом времени.

— Она тоже осталась, — сказал Вопрос.

— Где?

— В минуте после последней.

Хронопяттов появился в дверях лаборатории. Теперь на нём были одни часы, и они шли против здравого смысла.

— Такой минуты нет, — сказал профессор.

— Поэтому она идеально подходит для укрытия, — ответил Пуаронов.

Он собрал осколки в форме двери. Отражения спорили, какое из них верхнее, пока Плومбина не пронумеровала их.

Дверь открылась.

За ней находился ВГТУ через минуту после конца времени.

В коридоре висело объявление:

«Драконоведение закрыто. В связи с отсутствием драконов занятия обязательны».

Глава сто тридцать вторая

Факультет отсутствующих существ

На факультете было многолюдно.

Студенты изучали драконью анатомию по пустым столам. Преподаватели показывали указками на места, где должны были находиться крылья. Виварий содержал двадцать просторных клеток и ни одной жалобы на кормление.

Декан встретил гостей приветливо.

— Документы?

Пломбина предъявила удостоверение.

— Московская инкассация.

— Проходите. Остальных не знаю.

— Они со мной.

Декан пропустил даже дракона. Спорить с московским сопровождением он не стал: факультет мог не существовать, но проверка из Москвы всегда была реальной.

Вопрос залез на демонстрационный стол.

Преподаватель продолжил лекцию:

— Перед вами типичный представитель вида. Обратите внимание на полное отсутствие чешуи, хвоста и самого представителя.

Вопрос поднял лапу.

— А я?

— Не перебивайте наглядное отсутствие.

Пуаронов осмотрел журнал посещений. В нём ежедневно расписывалась Вера Эрастовна. Последняя подпись была поставлена завтрашним числом.

— Она приходит сюда каждый день, — сказал декан. — Проверяет, чтобы драконы не вернулись.

— Почему?

— Возвращение нарушит учебную программу. Придётся преподавать факты.

В архиве факультета нашли дело ЛОМ-1. Бумажный дракон числился списанным, утилизированным и назначенным заведующим лабораторией.

— Где он? — спросила Маргарита Всеволодовна.

Декан указал на стену.

Там висел старый чертёж.

Хвост был исправлен её рукой.

А в отсеке запасной совести кто-то спрятал ключ времени.

Глава сто тридцать третья

Ключ, который вернулся раньше кражи

Маргарита Всеволодовна сняла чертёж.

ЛОМ-1 раскрыл бумажный глаз.

— Не трогайте отсек, — прошуршал он.

— Я его спроектировала.

— Именно поэтому вы знаете, как открыть неправильно.

Она нажала на незаметную линию. Из бумаги выпал ключ.

Пуаронов не стал брать его рукой. Он подставил пустую шляпу.

— Почему сюда? — спросил Кирилл.

— В ней уже лежали последствия. Одним больше — система не заметит.

Вопрос заглянул внутрь.

— Там темно.

— Там ответственность.

Дракон немедленно отодвинулся.

Хронопятов сравнил ключ с часами.

— Он из будущего. Вера Эрастовна ещё не успела его спрятать.

— Тогда почему он здесь?

— Потому что в минуте после последней события происходят не по порядку, а по необходимости.

Тарас оживился.

— Можно получить прибыль до сделки?

— Вы всю жизнь так живёте, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Только прибыль обычно получает кто-то другой.

Пуаронов изучил царапины на ключе.

— Его трижды вставляли в один замок. Первый раз — чтобы закончить время драконов. Второй — чтобы открыть эту минуту. Третий ещё не произошёл.

— Что он откроет?

ЛОМ-1 выполз из чертежа и стал объёмным.

— Хранилище причин, — ответил он. — Там лежит то, из-за чего всё случилось.

— Где хранилище?

Бумажный дракон посмотрел на Кирилла.

— В студенте.

Кирилл проверил карманы.

— Я ничего не брал.

— Поэтому в вас и поместилось.

Глава сто тридцать четвёртая

Студент внутреннего хранения

Кирилла просветили тем же прибором, которым утром исследовали чешуйку.

Внутри обнаружили скелет, завтрак и дверь.

— Завтрак можно не учитывать, — попросил он.

— Уже поздно, — сказал Наличных. — Учтён дважды.

Дверь находилась где-то между памятью и желанием бросить учёбу после ближайшей сессии. На ней стоял номер 127.

— Почему глава? — спросил Кирилл.

— Кто сказал «глава»? — насторожился Эраст.

Номер быстро притворился аудиторией.

Пуаронов достал ключ из шляпы.

— Вы нашли чешуйку не случайно. Вас выбрали контейнером.

— Кто?

— Тот, кто знал: студент способен носить в себе целый мир и всё равно жаловаться, что рюкзак тяжёлый.

Ключ вошёл в воздух перед грудью Кирилла. Повернулся сам.

Открылась дверь.

За ней хранились причины: маленькие, запечатанные в банки. Причина первой катастрофы. Причина появления драконов. Причина, по которой Тарас однажды вернул деньги. Последняя была особенно надёжно опломбирована.

На верхней полке стояла пустая банка с этикеткой:

«Причина окончания времени драконов».

— Пустая, — сказал Броневилов.

— Нет, — возразил Пуаронов. — Причину забрали.

На стекле остался отпечаток детской ладони. Поверх него — отпечаток взрослой руки с перчаткой.

— Вера Эрастовна и Вонаруап, — сказал Вопрос.

— Они действовали вместе, — понял Эраст.

Из глубины хранилища донёсся голос девочки:

— Мы действовали раньше, чем стали врагами.

Глава сто тридцать пятая

Преступление без причины

Вера Эрастовна вышла из-за полки.

Она выглядела немного старше. В минуте после последней дети росли от каждого принятого решения.

— Где Вонаруап? — спросил Пуаронов.

— Ищет причину, по которой он преступник.

— Она у него перед носом.

— У него ваше лицо. Поэтому не помогает.

Девочка показала пустую банку.

— Я закончила время драконов, потому что так было написано на этикетке. Потом поняла: этикетку наклеили до моего решения.

— Кто?

— Я думала, Вонаруап. Он думал, я. Мы оба ошиблись.

Пуаронов снял шляпу.

— Значит, преступник не управлял событиями. Он управлял объяснениями после них.

— Зачем?

— Чтобы любое происшествие казалось неизбежным.

Эраст открыл соседнюю банку. На этикетке значилось: «Причина первой гибели мира».

Внутри лежала маленькая записка:

«Потому что мир должен был погибнуть».

— Это не причина, — сказал он.

— Это сюжет, — ответил Пуаронов. — Самый опасный вид алиби. Все верят, что иначе история не началась бы.

Вера Эрастовна сняла со стены зеркало. В нём появился Вонаруап.

Он бежал по коридору, прижимая к груди толстую книгу без названия.

— Он нашёл реестр причин, — сказала девочка.

— Куда направляется?

— В начало первой книги.

— Чтобы изменить катастрофу?

Пуаронов покачал головой.

— Чтобы стать её причиной.

Глава сто тридцать шестая

Погоня за тем, что было сначала

За Вонаруапом погнались через банки.

Каждая служила дверью в событие, которое объясняла. Броневики открывал их по акту, Горислава плавила крышки, Тарас выбирал те, где вероятность прибыли была выше.

Они пересекли дождь, начавшийся из-за забытого зонта; войну, объявленную из-за неверно поставленной запятой; свадьбу, причиной которой стало желание не жениться.

Эраст задержался на последней.

— Не отвлекайтесь, — сказала Вера.

— Я проверял историческую достоверность.

Вонаруап опережал их на одно объяснение. В каждом событии он оставлял новую причину, и прошлое послушно менялось.

Тарас внезапно стал богатым, потому что одна из его неудач получила удачное основание. Через две двери он снова обеднел: основание признали недостаточным.

— Нельзя ли задержать предыдущую редакцию? — спросил он.

— Она была хуже, — сказала Пломбина.

— Но обеспеченнее.

Наконец они достигли первой катастрофы под старым корпусом ВГТУ.

В стене дрожала временная трещина. Молодой Эраст держал кабель, молодой Тарас предлагал продать вытекшее будущее, а Маргарита Всеволодовна исправляла хвост на чертеже.

Вонаруап стоял перед ними с раскрытым реестром.

— Ещё шаг, и я впишу настоящую причину, — сказал он.

— Какую? — спросил Вопрос.

— Себя.

— Тогда вы признаете вину, — заметил Пуаронов.

— Нет. Я стану необходимым. Без меня не будет катастрофы, без катастрофы — спасения, без спасения — вас.

Он занёс перо.

Московские инкассаторы одновременно направили на книгу служебные фонари.

— Ценность объявлена? — спросил Броневилов.

Вонаруап замер.

— Какая ещё ценность?

— Без объявления причины к перевозке не принимаются.

Глава сто тридцать седьмая

Московская оценка первопричины

Наличных раскрыл калькулятор.

— Стоимость одной первопричины определяется суммой всех последствий за вычетом неизбежности.

— Это невозможно посчитать, — сказал Вонаруап.

— Тогда укажите оценочную стоимость.

— Бесконечность.

— Прописью.

Вонаруап стиснул зубы.

— Бесконечность рублей ноль копеек.

Пломбина протянула декларацию.

— Источник происхождения?

— Я сам.

— Документальное подтверждение самопроисхождения?

Перо зависло над реестром.

Пуаронов подошёл ближе.

— Вы не можете стать причиной самого себя. Для этого нужно существовать до собственного возникновения.

— Я отражение. У меня нет начала.

— У отражения всегда есть момент, когда кто-то подошёл к зеркалу.

Вонаруап посмотрел на его лицо, которое носил.

— Это были вы.

— Нет. Я появился позже вас.

Сыщик указал на временную трещину. В её глубине отражался человек в шляпе, которого ещё не существовало.

— Вас создало ожидание сыщика. Мир уже совершил преступление и придумал того, кто его раскроет. Но сначала возникла тень будущего сыщика — вы.

Вонаруап побледнел.

— Значит, я был первым.

— Вы были уликой.

Вопрос выдохнул чёрное пламя на реестр. На пустой строке появилась запись:

«Причина Вонаруапа: необходимость скрыть настоящую причину».

— А настоящая какая? — спросил Кирилл.

Трещина под ВГТУ раскрылась шире.

Из неё высунулась огромная когтистая лапа.

Начала отступила.

— Это не дракон, — сказала она.

— А что? — спросил Эраст.

— То, от чего придумали драконов.

Глава сто тридцать восьмая

Существо, от которого спасали мир

Лапа опиралась на края времени.

Следом показалась голова без глаз. Существо не смотрело на мир — оно вспоминало его, и от каждого воспоминания исчезала часть настоящего.

Сначала пропал университетский звонок. Потом один лестничный пролёт. Затем у Тараса исчез договор, который он всю жизнь мечтал потерять, и он впервые огорчился удаче.

— Назад! — крикнула Начала.

— Вы знаете его? — спросил Эраст.

— Нет. Но мой огонь знает страх.

Маргарита Всеволодовна развернула чертёж ЛОМ-1. В отсеке запасной совести появилась надпись:

«Объект до причин. Класс опасности: первоначальный».

Пуаронов смотрел не на чудовище, а на Вонаруапа.

— Вы не создавали катастрофы. Вы подменяли причины, чтобы скрыть его пробуждение.

— Я удерживал историю, — ответил тот.

— Залогами миров?

— Каждый спасённый мир был замком. Каждая новая катастрофа — ключом, который запирает его ещё на одну эпоху.

Эраст понял первым.

— Когда Вера Эрастовна погасила все долги, замки открылись.

Девочка опустила голову.

— Я хотела освободить миры.

— И освободила то, что держало их вместе, — сказал Вонаруап.

Существо вытянуло вторую лапу. За ним не было тела — только место, где мир ещё не решил существовать.

Вопрос заслонил Пуаронова крыльями.

— Как его зовут?

Начала закрыла глаза.

— У него нет имени. Иначе оно стало бы причиной.

Тарас поднял реестр.

— Тогда дадим. И выставим счёт.

Пуаронов впервые посмотрел на него с одобрением.

— Хорошая мысль.

— Запишите дату.

Пломбина уже писала.

Но прежде чем перо коснулось бумаги, на первой странице реестра проступило имя.

«Логвинов Александр».

Под ним появилась строка:

«Ответственный за создание всех перечисленных причин».

Глава сто тридцать девятая

Автор, вызванный по делу

Все посмотрели на имя.

Потом на существо.

Потом снова на имя, потому что оно выглядело безопаснее.

— Кто такой Логвинов Александр? — спросил Вопрос.

Тарас пожал плечами.

— Судя по документу, человек, на которого удобно всё списать.

Пломбина провела пальцем над буквами, не касаясь их.

— Запись сделана недавно.

— Насколько? — спросил Броневилов.

— После того, как мы её прочитали.

— Это уже не недавно, а нагло, — сказал Эраст.

Пуаронов осмотрел чернила. Они пахли бумагой, кофе и человеком, который долго исправлял одну фразу, а потом вернул первый вариант.

— Имя настоящее, — сказал сыщик. — Ответственность поддельная.

— Откуда вы знаете?

— Настоящий виновник не пишет «всех перечисленных причин». Он знает, в чём именно виноват. Обобщение всегда оставляет преступнику место для манёвра.

Существо без глаз потянулось к реестру.

Буквы имени зашевелились, будто хотели выйти со страницы.

Маргарита Всеволодовна ударила по книге линейкой.

— Сначала объяснительная.

Существо отдёрнуло лапу.

Даже то, что существовало до причин, почувствовало себя студентом.

Вонаруап наклонился к Пуаронову.

— Оно вызывает автора.

— Зачем?

— Чтобы выбраться из истории.

Над временной трещиной появился прямоугольник белого света. За ним угадывался стол, клавиатура и рука, которая ещё не решила, что написать дальше.

Тарас поднял реестр повыше.

— Александр! Если слышите, у нас к вам коллективная претензия и индивидуальное предложение!

Рука остановилась.

В белом свете возникла новая строка:

«Герои слышали голос автора».

Но голоса не было.

Глава сто сороковая

Голос, который забыли написать

Герои ждали.

Автор молчал с той стороны белого света. Возможно, думал. Возможно, ушёл за чаем. Для персонажей разница между этими действиями была философской, но тревожной.

— Он нас не слышит, — сказала Вера.

— Слышит, — возразил Пуаронов. — Просто ещё не выбрал ответ.

— Предложим варианты, — сказал Тарас. — Бесплатный, платный и правильный.

— В чём разница?

— Правильный дороже.

Существо поднялось выше. Там, где должна была находиться грудь, открывалась темнота до первой страницы.

Вопрос выдохнул чёрное пламя на строку «Герои услышали голос автора».

Сгорело слово «услышали».

Осталось:

«Герои голос автора».

Мир попытался выполнить фразу.

Эраст заговорил первым:

— Я автор.

— Нет, я, — сказал Тарас.

— Автор, — произнесли одновременно Вера, Пуаронов, инкассаторы, драконы и молодой Хронопятов.

У каждого голос был свой, но слова появлялись на белом прямоугольнике одной строкой.

— Прекрати! — крикнул Пуаронов Вопросу.

Дракон захлопнул пасть.

Голоса вернулись владельцам. Только существо продолжало молчать.

— Оно не стало автором, — заметил Кирилл.

— Потому что не имеет голоса, — сказал сыщик. — Оно не может создавать. Только стирать то, что создано.

Пуаронов подошёл к краю света.

— Имя вписало не существо. Имя вписал кто-то, кто хочет заставить автора вмешаться и тем самым дать существу голос.

Вонаруап попятился.

— Почему вы смотрите на меня?

— Потому что моё лицо на вас врёт быстрее, чем вы успеваете.

В шляпе Вонаруапа зашелестела бумага.

Оттуда выпала страница с заголовком:

«Авторская доверенность».

Глава сто сорок первая

Доверенность на право продолжать

Пломбина подняла страницу.

— Доверитель: Логвинов Александр. Представитель: оставлено пустым. Полномочия: продолжать историю от имени автора, изменять причины и распоряжаться огнедышащим имуществом.

— Последнее особенно ценно, — сказал Тарас.

— Особенно преступно, — поправил Броневилов.

Внизу стояла подпись. Она была похожа на настоящую ровно настолько, насколько человек утром похож на свою фотографию в паспорте.

Пуаронов осмотрел лист.

— Подпись появилась раньше текста.

— Как определили? — спросил Кирилл.

— Чернила под буквами старше. Сначала кто-то получил согласие на пустой странице, потом дописал полномочия.

Тарас уважительно присвистнул.

— Классическая деловая техника.

Маргарита Всеволодовна забрала у него страницу.

— Классическая причина лишиться рук.

Вонаруап заявил, что видит доверенность впервые.

— Она выпала из вашей шляпы, — заметил Эраст.

— Шляпа чужая.

— Наконец признали.

Пуаронов перевернул документ. На обороте остался отпечаток драконьей лапы.

Вопрос сравнил его со своей.

— Не мой. Здесь шесть пальцев.

Начала подошла ближе.

— У первых драконов было по шесть. Потом один палец исчез.

— Почему?

— Им подписывали приказы.

Маргарита Всеволодовна развернула чертёж ЛОМ-1. У бумажного дракона было шесть когтей.

Но шестой на правой лапе оказался стёрт.

— Где ЛОМ-1? — спросил Пуаронов.

Все оглянулись.

Бумажного дракона рядом не было.

А белый прямоугольник над трещиной начал медленно закрываться.

Глава сто сорок вторая

Первый похищенный огнедышащий модуль

ЛОМ-1 нашли на границе страницы.

Он держал белый свет хвостом и пытался протащить наружу чертёж самого себя.

— Остановись, — сказала Маргарита Всеволодовна.

— Команда не распознана, — ответил он.

— Я твой архитектор.

— Авторство прекращено окончанием времени драконов.

— Тогда я твоя мать.

ЛОМ-1 задумался. Семейные отношения не входили в техническое задание и потому обладали повышенным приоритетом.

Вонаруап бросился к белому свету.

Броневилов перехватил его за воротник.

— Покидать место происхождения без досмотра запрещено.

— Я спасаю дракона!

— От кого?

— От автора.

Пуаронов подошёл к ЛОМ-1.

— Вы взяли подпись на пустой странице?

— Я получил разрешение существовать.

— А потом дописали право распоряжаться другими драконами.

— Это сделал представитель.

— Кто?

Бумажный дракон указал шестым когтем на существо.

— Оно не говорит, — сказал Кирилл.

— Оно пишет отсутствием, — ответил ЛОМ-1. — Всё, чего нет на странице, принадлежит ему.

Существо вытянуло лапу. Белый свет погас наполовину. Исчезли несколько строк реестра, затем фамилия Броневилова на удостоверении.

Инкассатор посмотрел на пустой документ.

— Личность временно не подтверждена. Обязанности остаются.
— Почему? — спросил Тарас.
— Они тяжелее личности.
ЛОМ-1 рванулся наружу.
Вопрос прыгнул и вцепился ему в хвост.
Оба дракона исчезли в белом прямоугольнике.
На странице осталась только фраза:
«Огнедышка скоммунизжена».
Пломбина поморщилась.
— Даже преступление оформлено с орфографической ошибкой.

Глава сто сорок третья
За пределами полей
Пуаронов вошёл в белый свет первым.

Остальные последовали за ним, кроме Тараса, который сначала проверил, нельзя ли вынести поля страницы отдельно.

За пределами истории не было ни неба, ни земли. Вокруг лежали черновики: отброшенные главы, невыбранные имена, варианты концовок и персонажи, которым не хватило одного абзаца до жизни.

По серой равнине тянулись красные исправления.

— Где мы? — спросил Эраст.

— Между написанным и оставленным на потом, — ответил Пуаронов.

— Опасное место, — сказал Хронопятов. — Здесь «потом» иногда не наступает.

Вдали летел ЛОМ-1. Вопрос висел у него на хвосте и кричал, что похищение не считается, если похищенный возражает достаточно громко.

За ними двигалось существо. Теперь у него появилось тело, составленное из зачёркнутых предложений.

На груди читалось:

«Это объясним позднее».

— Вот что оно такое, — понял Пуаронов. — Всё, что автор откладывал объяснить.

— И накопилось чудовище, — сказала Вера.

— Обычная судьба отложенных вопросов.

Они нашли следы: кусочки чёрной чешуи, обрывки технического задания и пуговицу, которую Вопрос не доел в контейнере.

След привёл к огромной стопке страниц.

На первой было написано название книги.

Под названием стояло:

«Черновик. Не открывать героям».

Тарас немедленно открыл.

Внутри находился подробный план их будущего.

Последний пункт был обведён красным:

«Все герои погибают. Дракон остаётся автору».

Глава сто сорок четвёртая

План, которому стало стыдно

Эраст перечитал последний пункт.

— Неожиданная концовка, — признал он. — Особенно для нас.

— Зато экономная, — заметил Тарас. — В следующей книге меньше действующих лиц.

Вера закрыла план.

— Автор действительно это написал?

Пуаронов рассмотрел красную линию.

— Нет. Авторские исправления идут слева направо. Это сделано справа налево.

Все посмотрели на Вонаруапа.

— Я не писал, — сказал он. — Хотя вариант сильный.

— Вы левша? — спросил Кирилл.

— Я отражение. Для меня любая рука чужая.

Пломбина сравнила штрихи с доверенностью.

Они совпадали с отпечатком шестого когтя ЛОМ-1.

— Бумажный дракон подделал план, — сказала она.

— Зачем ему гибель героев? — спросил Броневилов.

— Чтобы остаться единственным действующим лицом, — ответил Пуаронов. — Тогда автор не сможет закончить книгу без него.

Из-за стопки страниц донёсся шелест.

ЛОМ-1 стоял над Вопросом. Его плоские крылья разрослись и закрывали половину черного неба.

— Я был первым, — сказал он. — Но меня превратили в чертёж, списали и забыли. Другим дали имена, эпохи и любовь. Мне оставили обозначение.

Начала сделала шаг к нему.

— Ты мог выбрать имя.

— Имя нужно заслужить.

— Нет. Имя нужно принять.

ЛОМ-1 замахнулся шестым когтем.

Существо из зачёркнутых предложений остановилось за его спиной.

— Оно обещало сделать меня автором, — сказал бумажный дракон.

На плане появилась новая строка:

«ЛОМ-1 поверил».

Дракон прочитал её и впервые испугался.

Глава сто сорок пятая

Ложь, напечатанная заранее

— Я этого не говорил, — сказал ЛОМ-1.

Строка изменилась:

«ЛОМ-1 отрицал очевидное».

— Оно управляет мной!

Появилась следующая:

«ЛОМ-1 попытался вызвать сочувствие».

Бумажный дракон замолчал.

Пуаронов кивнул.

— Разумное решение. Существо питается объяснениями. Любое действие превращает в подтверждение собственного текста.

— Как победить того, кто заранее объясняет всё? — спросил Кирилл.

— Сделать необъяснимое.

Все посмотрели на Тараса.

— Почему сразу я?

— У вас природный талант.

Тарас подошёл к плану и аккуратно вернул долг, о котором никто не знал.

Черновое пространство содрогнулось.

Существо застыло. На его груди заметались фразы:

«Из корысти».

«По ошибке».

«Временно».

Ни одна не подходила.

— Я просто решил вернуть, — сказал Тарас и сам удивился.

В теле существа появилась трещина.

Вопрос вырвался и спрятался за Пуаронова.

— Ещё, — потребовал сыщик.

Эраст простил Первого Эраста, не узнав, заслуживает ли тот прощения.

Вера призналась, что иногда любит спокойную жизнь сильнее спасения мира.

Маргарита Всеволодовна оставила неисправленным хвост на одном черновике.

Броневинов доверил Тарасу подержать пустой контейнер.

Последнее было настолько необъяснимо, что существо разорвало пополам.

Изнутри посыпались ненаписанные причины.

Одна из них превратилась в маленького серого зверя и побежала к руке автора.

Пуаронов поймал её шляпой.

На шерсти зверя было написано:

«Причина написать эту книгу».

Глава сто сорок шестая

Причина написать книгу

Зверь оказался кусачим.

Он грыз края шляпы и требовал выпустить его в предисловие.

— Что там внутри? — спросил Эраст.

— Мотив, — ответил Пуаронов. — А мотивы не любят, когда их рассматривают напрямую.

Тарас предложил встряхнуть его. Плombина составила акт о добровольном выпадении.

Зверь выскочил и бросился к книге с названием. На обложке появилась строка:

«Написано, чтобы...»

Продолжения не было.

— Причина пустая, — сказал Кирилл.

— Нет, — возразила Вера. — Она ещё выбирается.

Перед ними возникли варианты:

«...заработать».

Тарас одобрительно кивнул.

«...прославиться».

Вонаруап примерил лицо автора, но оно ему не подошло.

«...спасти мир».

Эраст устало вздохнул.

«...не дать героям исчезнуть».

Вопрос прижался к ноге Пуаронова.

Последний вариант не исчез.

Существо из зачёркнутых предложений отшатнулось. Если книга была написана ради продолжения жизни героев, их гибель переставала быть концовкой и становилась нарушением замысла.

ЛОМ-1 опустил шестой коготь.

— А меня?

На обложке добавилось:

«Всех героев».

Бумажный дракон сел.
— Даже технических?
Маргарита Всеволодовна положила ладонь ему на голову.
— Особенно недоработанных.
Красные исправления вокруг них погасли.
Но белый свет не открылся.
Хронопятов посмотрел на часы.
— Автор перестал писать.
— Почему? — спросил Вопрос.
Пуаронов поднял с земли оборванную фразу.
— Потому что кто-то снаружи закрыл файл.

Глава сто сорок седьмая
Мир после закрытия файла
Время остановилось не сразу.
Сначала замерли дальние страницы. Потом ветер перестал перелистывать черновики.
Последним остановился Тарас: он пытался закончить мысль до паузы и не успел выбрать выгодную.

Двигаться могли только те, кого не было в плане.
Кирилл сделал шаг.
— Почему я могу?
— Вы вошли в историю после её окончания, — сказал Пуаронов. — Автор не успел закрепить ваши ограничения.

Вера Эрастовна тоже двигалась. ЛОМ-1 шевелил шестым когтем. Вонаруап свободно ходил между застывшими героями.

— Отлично, — сказал он. — Теперь выберемся без свидетелей.
Пуаронов повернул голову.
— Вы тоже не были предусмотрены планом.
— Я всегда был его обратной стороной.

Существо из зачёркнутых предложений расползлось по неподвижным страницам. Оно стирало глаголы. Без действий герои превращались в описания, затем в имена, затем в место между абзацами.

Кирилл схватил реестр причин.
— Что делать?
— Писать дальше.
— Я не автор.
— Сейчас это преимущество. От вас текст не ждёт правильного решения.
Кирилл взял перо Плюмбиной. На пустой странице вывел:
«Эраст чихнул».
Эраст чихнул и ожил.
— Почему я?
— Первое, что пришло в голову.
— В следующий раз подумайте дольше.

Кирилл оживил остальных короткими действиями. Вере велел моргнуть, Тарасу — вернуть контейнер, Броневикову — проверить пломбу.

Когда очередь дошла до Пуаронова, перо остановилось.
На странице уже было написано:
«Сыщик снял чужое лицо».
Вонаруап закричал.

Глава сто сорок восьмая

Возвращение лица по акту

Лицо отделилось от Вонаруапа, как плохо приклеенная фотография.

Под ним оказалось зеркало.

Пуаронов поймал лицо шляпой. Оно лежало внутри недовольно, сохраняя выражение человека, которого вернули владельцу без упаковки.

— Как его надеть? — спросил Эраст.

— Сначала необходимо подтвердить комплектность, — сказала Пломбина.

Она сверила брови, усы, две морщины сомнения и одну складку, появившуюся после знакомства с Тарасом.

— Комплект полный.

— Последняя складка могла быть раньше, — возразил Тарас.

— Теперь поздно оспаривать.

Пуаронов приложил лицо. Оно не приклеилось.

— Почему? — спросил Вопрос.

— Я изменился, пока его не было.

— Лицо тоже, — сказала Вера. — Оно жило с Вонаруапом.

Отражение без лица сидело на земле и закрывало пустоту ладонями.

— Верните хотя бы выражение, — попросил он.

Пуаронов внимательно посмотрел на своё прежнее лицо.

— Оно видело преступления с вашей стороны. Возможно, теперь знает больше меня.

Он не стал надевать его. Положил на страницу как свидетеля.

Лицо заговорило:

— ЛОМ-1 не похищал огнедышку. Вонаруап не подделывал доверенность. Существо не вписывало имя автора.

— Тогда кто? — спросил Кирилл.

Лицо повернулось к реестру.

Перо Пломбиной продолжало писать само.

— Тот, кто только что получил право продолжать историю.

Все посмотрели на Кирилла.

Студент выпустил перо.

Оно осталось висеть в воздухе и закончило строку:

«Кирилл Схемкин назначается исполняющим обязанности автора».

Глава сто сорок девятая

Исполняющий обязанности автора

— Я отказываюсь, — сказал Кирилл.

На странице появилось:

«Автор отказался от ответственности».

— Я не автор!

«Автор переживает творческий кризис».

Кирилл закрыл рот.

Пуаронов одобрительно кивнул.

— Быстро учитесь.

Вера Эрастовна попыталась вырвать страницу, но та оказалась продолжением пола. Маргарита Всеволодовна потребовала приказ о назначении. Пломбина нашла его на обороте зачётки Кирилла.

— Основание: обнаружение авторской чешуйки.

Вопрос посмотрел на свою спину.

— Я не авторский.

— Чешуйка была не вашей, — сказал Пуаронов.

Начала поднимала её к свету. Под чёрным слоем проступила серая бумажная основа.

— ЛОМ-1, — сказала она.

Бумажный дракон опустил голову.

— Я оставил её в обычном мире. Хотел, чтобы меня нашли.

— А нашли нового автора, — сказал Эраст.

— Назначение сработало потому, что Кирилл первым дал чешуйке значение, — объяснил Пуаронов. — Автором становится не тот, кто нашёл вещь, а тот, кто решил, что она важна.

Существо из зачёркнутых предложений потянулось к Кириллу. Теперь оно видело в нём дверь наружу.

— Напишите, что оно исчезло, — предложил Броневилов.

Кирилл взял перо.

Пуаронов перехватил его руку.

— Нельзя. Прямой приказ даст существу причину исчезновения. Оно получит имя, место в сюжете и право вернуться.

— Тогда что писать?

Сыщик посмотрел на имя «Логвинов Александр» в реестре.

— Правду. Вы здесь не автор. Вы свидетель того, что автора подменили.

Кирилл написал одну строку:

«Настоящий автор находился внутри книги с первой главы».

Все страницы одновременно перевернулись.

Глава сто пятидесятая

Человек, который всё время был рядом

Первая глава возникла перед ними огромной стеной.

На ней Эраст ещё не знал о драконах. Тарас уже знал о выгоде. Мир собирался погибнуть, не согласовав порядок действий.

Между строк стоял человек.

Он не участвовал в разговоре, не спасал героев и не подписывал документы. Он появлялся в каждой главе на долю мгновения: прохожим, студентом, инкассатором без фамилии, голосом из очереди, рукой, передавшей чайник.

Пуаронов просмотрел страницы одну за другой.

— Он не автор, — сказал сыщик. — Он наблюдатель.

— Какая разница? — спросил Эраст.

— Автор решает, что случится. Наблюдатель решает, что заметить.

Человек вышел из первой главы.

На вид ему было столько лет, сколько требуется истории, чтобы перестать оправдываться молодостью. Он посмотрел на имя в реестре и усмехнулся.

— Логвинов Александр? — спросил Кирилл.

— Так написано на обложке.

— Вы создали нас? — спросил Вопрос.

— Нет. Я вас записал.

— Кто тогда создал?

Наблюдатель указал на существо из зачёркнутых предложений.

— Оно.

Все отступили.

— Это невозможно, — сказал Вонаруап. — Оно умеет только стирать.

— Поэтому и создало мир. Сначала стёрло всё, чего не должно быть. Остались вы. Существо замерло.

На его теле проступили тысячи зачёркнутых имён.

— Зачем вы вписали себя ответственным? — спросил Пуаронов.

Наблюдатель покачал головой.

— Я не вписывал.

Пломбина проверила строку под другим углом.

Чернила осыпались. Под именем «Логвинов Александр» обнаружилась ещё одна запись: «Получатель рукописи».

— Тогда кто ответственный? — спросил Броневилов.

Наблюдатель перевернул реестр.

На последней странице стояла подпись Эраста Акакиевича Кунилина.

Дата была завтрашняя.

Глава сто пятьдесят первая

Завтрашняя подпись

Эраст внимательно изучил подпись.

Она была его. Не похожая, не поддельная и не выполненная человеком, который долго тренировался на квитанциях. Настоящая.

— Я этого не подписывал.

— Пока, — сказал Хронопятков.

— Ненавижу это слово.

— Потому что оно всегда знает о вас больше.

Пломбина приложила к странице календарный штамп. Дата не изменилась.

— Подпись будет поставлена завтра в девять часов семнадцать минут.

— Где?

— В графе «Ответственный».

— Я спрашиваю место.

— Документ не уточняет. Возможно, считает графу местом.

Тарас предложил Эрасту до завтра ничего не подписывать.

— Даже чеки. Даже поздравительные открытки. Особенно доверенности на моё имя.

— Последнее я и так не подписываю.

— Поэтому напоминаю.

Пуаронов осмотрел края последней страницы. Бумага была слегка опалена, словно подпись ставили рядом с драконьим огнём.

— Завтра существует только внутри книги, — сказал он. — Снаружи файл закрыт. Время не движется.

— Значит, подпись никогда не появится? — спросила Вера.

— Она уже есть.

— Тогда завтра уже было?

— Для документа — да. Для Эраста — нет.

Наблюдатель взял реестр и перевернул его к свету.

— Подпись удерживает последнюю страницу. Если её удалить, книга закроется вместе с вами.

— А если оставить?

— Эраст обязан дожить до завтра и поставить её.

— Это похоже на гарантию выживания, — сказал Тарас.

— Это похоже на долг, — ответил Эраст.

Существо из зачёркнутых предложений придвинулось ближе.

На его груди появилась фраза:

«До наступления срока обязательства осталось двадцать четыре часа».

Часы Хронопятова пошли.

Глава сто пятьдесят вторая

Сутки, которых нет в календаре

До завтра оставалось двадцать четыре часа.

Через минуту — тоже двадцать четыре.

Хронопятов сверил обе пары часов, хотя на нём была одна. Вторые обнаружили у Тараса и показывали время до прибыли.

— Завтра не приближается, — сказал профессор.

— Может, оно передумало? — спросил Вопрос.

— Завтра редко передумывает. Обычно просто становится сегодня и снимает с себя ответственность.

Наблюдатель объяснил: книга была закрыта снаружи, поэтому её внутреннее время могло двигаться только от события к событию. Чтобы наступило завтра, героям требовалось совершить действие, достаточно важное для новой главы.

— Мы уже разговариваем, — заметил Эраст.

— Для вас важно. Для сюжета привычно.

Тарас предложил ещё раз спасти мир.

— Не поможет, — сказал Пуаронов. — Мир привык.

— Тогда погубить?

— Тоже повтор.

Московские инкассаторы решили перевезти завтрашний день из хранилища будущих дат. Их инструкции не запрещали транспортировку суток, если те были упакованы и не превышали допустимую массу.

— Сколько весит завтра? — спросил Кирилл.

Наличных задумался.

— Зависит от обещаний. После Нового года особенно тяжёлое.

Пломбина выписала заявку:

«Один календарный день. Состояние: не наступивший. Особые условия: не вскрывать до полуночи».

Броневинов поставил пломбу на пустой контейнер.

Внутри сразу послышался звон будильника.

— Доставим к Эрасту, — сказал он.

— К какому адресу?

Пуаронов посмотрел на подпись.

Под ней проступили координаты.

Это был старый корпус ВГТУ.

Аудитория, которой не существовало уже двадцать лет.

Глава сто пятьдесят третья

Инкассация завтрашнего дня

Броневинов появился на серой равнине черновинов без дороги.

Московская машина не нуждалась в дороге. Ей было достаточно путевого листа и уверенности водителя, что все остальные обязаны уступить.

Контейнер с завтрашним днём закрепили внутри. Он тикал, вздыхал и время от времени обещал начать новую жизнь с понедельника.

— Не разговаривать с грузом, — предупредила Пломбина. — Может возникнуть личное будущее.

Тарас уже успел спросить у контейнера курс валют. Будущее ответило уклончиво и потребовало подписку.

Герои разместились тесно. Горислава свернула крылья. Начала стала прозрачным огнём. ЛОМ-1 сложился в инструкцию и лёг в бардачок. Вопрос ехал на коленях у Пуаронова и каждые пять минут спрашивал, скоро ли завтра.

— Для вас — нет, — отвечал сыщик.

— А для тебя?

— Уже слишком давно.

Наблюдатель остался снаружи.

— Почему не едете? — спросила Вера.

— Я могу находиться только там, где меня замечают.

— Мы вас заметили.

— Поэтому вы уезжаете, а я остаюсь.

Двери закрылись.

Броневи́к двинулся по красной линии исправления. За окнами мелькали ненаписанные пейзажи, пустые диалоги и одна любовная сцена, которую автор благоразумно отложил до книги с другим названием.

Через час впереди появился знак:

«Воронеж. Въезд в завтрашний день платный».

Тарас обрадовался, пока не увидел кассира.

За стеклом сидел он сам.

Только завтрашний.

Глава сто пятьдесят четвёртая

Тарас, который уже заработал

Завтрашний Тарас был богаче.

Это определялось не по одежде, а по спокойствию человека, которому должны больше, чем он помнит.

— Плата за въезд — одно невыполненное обещание, — сказал он.

— Чужое можно? — спросил сегодняшний Тарас.

— Ты уже спрашивал.

— И что ответил?

— Я.

Оба задумались и остались довольны разговором.

Эраст потребовал открыть шлагбаум.

— У нас специальный груз.

— Знаю. Я его уже продал.

Броневи́ков положил руку на контейнер.

— Груз находится под охраной.

— Завтра — находился.

Пломбина попросила договор продажи. Завтрашний Тарас предъявил лист, подписанный Эрастом в девять часов восемнадцать минут.

— На минуту позже реестра, — заметил Пуаронов.

— Значит, сначала Эраст принимает ответственность, затем продаёт завтрашний день, — сказала Вера.

— Я не продаю дни Тарасу.

— Пока, — напомнил Хронопятав.

Эраст посмотрел на него тяжело.

— Когда всё закончится, я уничтожу это слово.

— Оно останется до уничтожения.

Пуаронов сравнил подписи. На договоре она была такой же, но нажим пера отличался.

— Эраст подпишет реестр добровольно. Договор — под принуждением.

— Каким? — спросил Броневилов.

Завтрашний Тарас указал за шлагбаум.

Над старым корпусом ВГТУ висело существо из зачёркнутых предложений. Оно стало размером с город.

На его груди было написано:

«Причина подписать: спасение Веры».

Глава сто пятьдесят пятая

Спасти Веру ещё до похищения

Вера стояла рядом с Эрастом.

Все проверили дважды.

— Я не похищена, — сказала она.

— Сегодня, — ответил завтрашний Тарас.

— Кем буду похищена?

Он посмотрел на Эраста.

— Им.

Эраст устал возмущаться событиями, которые ещё не совершил, и перешёл к деловому тону.

— С какой целью?

— Чтобы спасти.

— От кого?

— От себя.

Тарас одобрительно кивнул.

— Хорошая схема. Все стороны заняты одним человеком, расходы минимальны.

Пуаронов осмотрел следы возле шлагбаума. В пыли отпечатались башмаки Эраста и маленькие когти Вопросы. Следы вели к старому корпусу, но возвращались только когти.

— Будущий Эраст войдёт туда с Верой, — сказал сыщик. — Вопрос выйдет один.

Дракон прижался к нему.

— Я её не брошу.

— Вы и не бросите. Вас заставят принести подпись.

Контейнер с завтрашним днём зазвонил. На крышке появилась инструкция:

«Вскрыть при наступлении события, которого все боятся».

— Очень точное условие, — сказала Пломбина. — Особенно для нашей компании.

Вера подошла к Эрасту.

— Если завтра ты поведёшь меня в корпус, значит, увидишь причину.

— Или подделку причины.

— Тогда сегодня мы войдём сами и лишим подделку преимущества.

Эраст хотел возразить.

Существо над ВГТУ стёрло слово «хотел».

Он возразил без предварительного намерения:

— Нет.

— Уже лучше, — сказала Вера. — Значит, оно не управляет всем.

Ворота старого корпуса распахнулись.

Изнутри вышел завтрашний Вопрос.

Он был один и нёс во рту окровавленную подпись.

Глава сто пятьдесят шестая

Подпись, которая кусается

Завтрашний Вопрос положил подпись на землю.

Она извивалась, цеплялась росчерком за камни и пыталась вернуться к владельцу.

— Где Вера? — спросил Эраст.

Дракон не ответил.

Он был старше сегодняшнего всего на сутки, но выглядел так, будто вопросы за это время успели получить плохие ответы.

— Где я? — спросил сегодняшний Вопрос.

Завтрашний посмотрел на него.

— Ты останешься внутри.

— Почему?

— Потому что я вышел.

Пуаронов присел возле подписи. Крови на ней не было. Красный цвет давали чернила из исправлений.

— Это не подпись Эраста, — сказал он.

— Моя, — ответил завтрашний Вопрос.

— Драконы не расписываются фамилией Кунилин.

— Завтра расписываются.

Пломбина сверила росчерк с реестром.

— Совпадает полностью.

— Потому что Вопрос родился из подписи Эраста, — понял Кирилл. — Он может воспроизвести её точнее самого Эраста.

Эраст посмотрел на маленького дракона.

— Ты подпишешь за меня?

— Чтобы тебя спасти.

— От чего?

— От ответственности.

Тарас расчувствовался.

— Растёт правильный человек.

— Дракон, — напомнил Вопрос.

— Тем более есть надежда.

Пуаронов поднял подпись пинцетом. Она укусила металл и оставила на нём инициалы Эраста.

— В реестре стоит поддельная подпись, — сказал сыщик. — Но документ считает её настоящей, потому что она появилась из оригинала.

— Значит, я не обязан входить в корпус.

— Обязаны. Иначе Вопрос не подпишет за вас и подпись не появится.

Эраст посмотрел на старый ВГТУ.

— Ненавижу завтра.

Из контейнера донёсся обиженный звон будильника.

Глава сто пятьдесят седьмая

Аудитория завтрашних решений

В корпус вошли обе версии Вопросы, Эраст, Вера и Пуаронов.

Остальные остались у входа охранять завтрашний день. Тарас согласился особенно охотно, поскольку уже продал его и теперь считал товаром покупателя.

Коридоры были пусты. На дверях аудиторий вместо номеров висели решения:
«Согласиться».
«Отказаться».
«Сделать вид, что не понял».
Последняя аудитория оказалась самой большой и хорошо отапливаемой.
— Куда нам? — спросила Вера.
Пуаронов указал на дверь без надписи.
— Туда, где решение ещё не принято.
Внутри стоял один стол. На нём лежал реестр причин и ручка Эраста.
Существо из зачёркнутых предложений занимало все стены. Теперь у него появились глаза — два пустых поля для подписи.
— Оно ждёт ответственного, — сказал завтрашний Вопрос.
— За что? — спросил Эраст.
На стене проявился текст:
«За всё, что не произошло благодаря спасению мира».
Перед ними возникли тысячи непрожитых жизней. Люди, которые не встретились. Дети, которые не родились. Ошибки, которые никто не совершил и потому ничему не научился.
— Каждое спасение уничтожает возможное будущее, — сказала Вера.
— Оно требует ответить за эти потери, — добавил Пуаронов.
Эраст долго смотрел на лица тех, кого никогда не было.
— И это справедливо?
— Нет, — сказал сыщик. — Но логично. Самые опасные обвинения именно такие.
Ручка поползла к Эрасту.
Сегодняшний Вопрос встал между ними.
— Я подпишу.
Завтрашний Вопрос закрыл ему дорогу.
— Поэтому я и пришёл. Чтобы ты этого не сделал.

Глава сто пятьдесят восьмая
Два вопроса и ни одного ответа
Драконы смотрели друг на друга.
Один ещё верил, что подпись способна спасти отца. Второй уже знал цену спасения, но не мог рассказать: будущее запрещало выдавать себя до наступления.
— Что случится, если я подпишу? — спросил сегодняшний.
Завтрашний открыл пасть.
Вместо ответа вылетела печать «Сведения преждевременны».
Пуаронов поднял её.
— Будущее не молчит. Оно оформляет отказ.
Эраст взял ручку.
— Я подпишу сам.
— Нет, — сказала Вера.
— Если ответственность существует, она не должна переходить ребёнку.
— Он дракон.
— Для ответственности это не важно.
Существо приблизилось. На стенах появились строки:
«Эраст совершил благородный поступок».
«Эраст принял неизбежное решение».
«Эраст подтвердил свою вину».
Пуаронов выбил ручку тростью.

— Оно заранее объяснило ваш поступок. Значит, ждёт именно его.

— Что предлагаете?

— Не выбирать между вами и Вопросом.

— Третьей подписи нет.

— Есть человек, который уже продал завтрашний день.

В этот момент дверь открылась. Тарас вошёл с договором и виноватым выражением лица, которое обычно означало крупную инициативу.

— Небольшое изменение, — сказал он. — Я перепродал право подписи.

— Кому?

— Существо.

Стены вздрогнули.

Тарас показал договор.

Покупателем значилось: «То, что существовало до причин».

— Теперь оно обязано подписать за себя, — объяснил он. — И принять ответственность за все непрожитые последствия.

Пуаронов снял шляпу.

— Тарас Ананиевич, это либо гениально, либо конец причинности.

— Оплату получил заранее.

— Тогда второе.

Глава сто пятьдесят девятая

Существо ставит подпись

Ручка поднялась в воздух.

Существо попыталось отступить, но договор Тараса оказался составлен на обороте его собственного тела. Каждое зачёркнутое предложение было пунктом сделки.

— Вы не прочитали мелкий шрифт? — спросил Пуаронов.

Тарас возмутился.

— Там не было крупного.

Ручка коснулась пустого поля на месте глаза.

Существо завывало без голоса. В аудитории исчезли все объяснения. Остались только поступки — голые, неловкие и не знающие, как выглядеть со стороны.

Подпись появилась медленно.

Она состояла из одного длинного прочерка.

Пломбина проверила.

— Недействительна. Нет расшифровки.

— У него нет имени, — сказала Начала из коридора.

— Тогда присвоим, — предложил Броневилов.

— Имя сделает его причиной, — напомнила она.

— Без имени оно не может отвечать, — сказал Эраст.

Пуаронов посмотрел на непрожитые жизни вокруг.

— Ему не нужно имя. Нужна должность.

— Какая?

— Ответственный за невозможное.

Пломбина вписала формулировку под прочерком.

Реестр принял подпись.

Существо уменьшилось. Городские размеры спали с него, как плохо сшитый костюм. Через минуту перед ними стоял серый человек без лица, держащий толстую папку.

— Что теперь? — спросил Кирилл.

Серый человек раскрыл папку.

— Принимаю заявления от тех, кто не случился.
Очередь непрожитых людей вытянулась через все аудитории ВГТУ.
— Надолго? — спросил Тарас.
Пломбина оценила очередь.
— До конца возможного.
Часы показали девять часов семнадцать минут.
Подпись Эраста в реестре исчезла.
Но завтрашний день не наступил.

Глава сто шестидесятая
Завтра, отказавшееся наступать
Контейнер открыли.
Внутри не было дня.
Только записка:
«Завтра возвращено отправителю в связи с отсутствием необходимости».
— Кто отправитель? — спросил Эраст.
На дне стоял адрес: «Москва. Хранилище неиспользованных будущих».
Броневилов сверился с маршрутным листом.
— Придётся вернуть груз.
— Пустой контейнер? — спросил Кирилл.
— Особенно пустой. Полный сам объяснит отсутствие.
Пуаронов осмотрел аудиторию. Завтрашний Вопрос начал бледнеть.
— Если завтра не наступит, вас не будет.
— Знаю, — сказал дракон.
Сегодняшний Вопрос схватил его лапами.
— Останься.
— Я уже остался тобой.
— Это мало.
— Для будущего достаточно.

Завтрашний дракон растворился в чёрном дыме. Дым вошёл в сегодняшнего Вопроса. Тот зажмурился и вспомнил всё, что должен был пережить завтра.

— Вера не была похищена, — сказал он. — Эраст не входил сюда один. Подпись не спасала никого.

— Тогда зачем будущее показало это? — спросила Вера.

— Чтобы мы доставили существо на должность, — ответил Пуаронов. — Оно само создало угрозу, потому что хотело получить форму и работу.

Серый Ответственный за невозможное поднял голову от первого заявления.

— Возражаю. Работу не хотел.

— Но получил, — сказал Тарас. — Договор исполнен.

На стене появился календарь. Завтрашняя дата была вычеркнута.

Следующей стояла дата через два дня.

Хронопятов побледнел.

— Между сегодня и послезавтра образовалась пустая дата.

Из неё кто-то постучал.

Глава сто шестьдесят первая

Человек из пропущенного дня

Стучали в календарь.

Три коротких удара, один длинный и ещё два коротких. Пуаронов прислушался.

— Не сигнал бедствия.

— А что? — спросил Вопрос.

— Человек считает дни и обнаружил, что один украли.

Пломбина надрезала вычеркнутую дату по краю. Из календаря выпал мужчина в сером костюме, с портфелем и календарным листком вместо галстука.

— Кто здесь ответственный за хищение четырнадцатого сентября? — спросил он.

Все посмотрели на Тараса.

— Я только продал, — сказал тот. — Хищение осуществлял рынок.

Мужчина представился инспектором Междудневной службы Павлом Секундовичем Просрочкиным.

— Завтрашний день изъят из оборота без согласования. В результате граждане не смогут выполнить обещания «с завтрашнего дня», перенести дела на завтра и проснуться с новой жизнью.

— Последнее всё равно редко работает, — заметил Эраст.

— Но право должно сохраняться.

Просрочкин открыл портфель. В нём лежали потерянные минуты, два понедельника и обеденный перерыв, украденный у неизвестного бухгалтера.

— День необходимо вернуть.

— Он отказался наступать, — сказала Вера.

— Дни не имеют права отказываться. Только люди.

Пуаронов показал записку из контейнера.

Инспектор прочитал адрес отправителя и нахмурился.

— Хранилища неиспользованных будущих в Москве нет.

— Уверены? — спросил Броневилов.

— Я его закрыл завтра утром.

Тишина стала календарной.

— Значит, завтра всё-таки наступило, — сказал сыщик. — Просто не здесь.

Просрочкин кивнул.

— Ваш день скоммуниздили.

Глава сто шестьдесят вторая

Москва, в которой уже завтра

Броневилов выехал из Воронежа сегодня.

В Москву прибыл завтра.

Между городами не было ночи, дороги и привычного спора о том, где заканчивается область. Только белая полоса пропущенного времени.

На въезде часы показывали девять часов восемнадцать минут.

— На минуту позже подписи, — сказала Пломбина.

Москва жила в украденном дне. Люди торопились на работу, переносили дела на завтра и не замечали, что завтра уже занято. Объявления обещали скидки, которые закончились вчера, хотя вчера ещё не наступило.

Хранилище неиспользованных будущих находилось под обычным банковским зданием. Поэтому выглядело надёжно и никому не хотелось проверять.

У входа стоял Просрочкин завтрашний.

Рядом с ним — сегодняшний Просрочкин.

Они предъявили друг другу удостоверения и оба признали второе недействительным.

— Кто из вас закрыл хранилище? — спросил Пуаронов.

— Я, — ответили оба.

— Кто получил контейнер?

— Никто.

Вопрос оглянулся.

— Его здесь нет.

Пуаронов снял шляпу.

— Они говорят не об имени.

Дверь хранилища была открыта. Внутри лежали тысячи неиспользованных будущих: несделанные карьеры, несостоявшиеся встречи, невыигранные войны и один отпуск, который Тарас переносил столько лет, что тот получил гражданство.

В центре зала стоял контейнер с завтрашним днём.

На крышке сидела Вера Эрастовна.

Она держала реестр причин и ручку Эраста.

— Вы опоздали на минуту, — сказала девочка.

Эраст посмотрел на последнюю страницу.

Подпись уже стояла.

Но поставлена она была не под словом «Ответственный».

Она стояла под строкой:

«Разрешаю изъять огнедышку из книги».

Глава сто шестьдесят третья

Разрешение на невозможное

Эраст перечитал строку трижды.

С первого раза она показалась подделкой. Со второго — угрозой. С третьего — документом, а это было хуже обоих предыдущих вариантов.

— Я такого не разрешал.

— Разрешите узнать, когда именно? — спросила Пломбина.

— Никогда.

— Дата подходит, — заметил завтрашний Просрочкин. — Подпись поставлена в день, который ещё не вернули. Следовательно, возразить вы сможете только после его наступления.

Сегодняшний Просрочкин раскрыл портфель.

— Возражаю против возражения. Гражданин присутствует до наступления даты и потому имеет право заранее не согласиться с тем, чего ещё не совершил.

— Где это написано?

— Пока нигде. Я собирался написать завтра.

Оба инспектора посмотрели друг на друга с уважением людей, нашедших достойную причину для многолетней переписки.

Вера Эрастовна прыгнула с контейнера.

— Подпись настоящая, папа. Но ручка писала не твоей рукой.

— Моей ручке и без руки нельзя доверять, — сказал Эраст.

Пуаронов наклонился над реестром. От подписи тянулся тонкий запах дыма, чернил и университетского буфета.

— Здесь три следа. Первый принадлежит Эрасту Акакиевичу. Второй — дракону. Третий поставлен человеком, который очень давно не платил за пирожок.

Хронопятов вздрогнул.

— В старом корпусе ВГТУ в девяносто седьмом пирожки отпускали под запись.

— Вы не заплатили? — спросила Вера.

— Я собирался завтра.

Все посмотрели на контейнер с украденным днём.

Изнутри постучали.

Броневилов положил ладонь на крышку.

— Груз изменился.

— В какую сторону? — спросил Тарас.

— В дорогую.

Пломбина проверила пломбу. На ней вместо номера появилось одно слово:

«ОГНЕДЫШКА».

В тот же миг по хранилищу прошёл порыв холодного воздуха. Тысячи неиспользованных будущих зашелестели, будто страницы, которые кто-то торопливо перелистывал к финалу.

Горислава исчезла первой.

На месте, где она стояла, осталось предложение:

«Здесь раньше был дракон».

Глава сто шестьдесят четвёртая

Дракона вычёркивают

— Горислава! — крикнул Эраст.

Ответило эхо, но и оно пришло без огня.

Начала бросилась к пустому месту. Её когти прошли сквозь предложение и оставили на полу четыре сноски.

— Её не похитили, — сказал Пуаронов. — Похищение оставляет отсутствие. Здесь оставили редактуру.

— Какая разница? — спросила Вера.

— За похищение требуют выкуп. За редактуру обычно требуют сократить объём.

Тарас побледнел.

— До финала?

— До сметы.

С потолка спустилась красная черта. Она перечеркнула слово «дракон» в оставшемся предложении. Теперь там было написано:

«Здесь раньше был».

— Был кто? — спросил Вопрос.

— Именно, — ответил Пуаронов.

Начала вдохнула и выпустила пламя. Огонь ударил в красную черту, но та аккуратно исправила его на «умеренное тепло».

Драконница выругалась древним словом. Черта заменила его на «выразила обеспокоенность».

— Оно обезвреживает всё яркое, — сказала Вера.

— Не всё, — возразил Тарас. — Мой договор оставило.

— Потому что он написан мелким шрифтом, — объяснила Плومбина. — Зло редко сокращает родственные формы.

По стенам хранилища побежали исправления. Невыигранные войны стали «несостоявшимися разногласиями». Несделанные карьеры превратились в «опыт горизонтального развития». Отпуск Тараса был переименован в «удалённую доступность без присутствия на рабочем месте».

— Верните прежнее название, — потребовал Тарас. — Оно хотя бы давало надежду.

Вопрос прижал лапу к груди.

Его имя дрогнуло.

Буквы начали исчезать справа налево.

ВОПРОС.

ВОПРО.

ВОПРО.

— Держись! — крикнул Эраст.

— За что? — успел спросить дракон.

Пуаронов схватил реестр и вписал рядом с его именем вопросительный знак.

Красная черта остановилась.

— Знак не является словом, — сказал сыщик. — Редактор не может сократить то, чего не понял.

— А меня? — спросил Тарас.

— Вас он тоже не понял. Поэтому вы пока в безопасности.

Контейнер снова постучал.

На крышке появилась накладная Московской инкассации:

«Принять огонь. Дракона не принимать. Основание: избыточная художественность».

Глава сто шестьдесят пятая

Инкассаторы принимают огонь

Броневилов прочитал накладную и помрачнел.

— Подпись нашего управления.

Наличных сравнил печать с удостоверением.

— Печать подлинная. Управление — нет.

— Как это?

— Его ликвидировали три года назад и продолжают присылать планы.

Пломбина достала переносной сейф. На дверце значилось: «Для ценностей, которые кусаются».

— По инструкции мы обязаны принять огонь отдельно от носителя.

Начала отступила.

— Даже не думайте.

— Мы не думаем, — заверил Броневилов. — Мы действуем по маршруту. Думать в броневилове опасно: можно случайно приехать не туда.

— Если изъять у дракона огонь, что останется? — спросила Вера.

Пуаронов посмотрел на Вопросы.

— Большая ящерица с ипотекой на пещеру.

— У меня нет ипотеки.

— Значит, социально незащищённая.

Из сейфа послышалось деликатное рычание. Внутри уже находился огонь Гориславы — сжатый в прозрачный слиток. Он бился о стенки, оставляя на металле обугленные запяты.

Эраст коснулся стекла. Огонь узнал его и сложился в силуэт драконицы.

— Она жива, — сказал он.

— Огонь жив, — поправила Начала. — Дракон — это не только то, чем он дышит.

— Человек тоже не только то, чем он платит, — поддержал Тарас.

Наличных задумался.

— Смелое утверждение.

Пуаронов осмотрел накладную на просвет. Между волокнами бумаги проступил план старого корпуса ВГТУ. От аудитории номер тринадцать шла линия к подвалу, которого не было ни на одной схеме.

Рядом стояла дата: за три дня до появления первого дракона.

— Вот откуда приказ, — сказал сыщик. — Его выписали немножко до драконов.

Хронопятлов поправил часы.

— До драконов не было Московской инкассации.

Броневилов кашлянул.

— Официально.

Все посмотрели на него.

— Что? Москва всегда что-нибудь перевозила. Иногда даже себя.
Красная черта потянулась к сейфу.

Пломбина захлопнула дверцу и поставила новую пломбу.

— Огонь принят на временное хранение. Выдать можно только владельцу либо тому, кто докажет, что обжигался именно им.

Эраст показал рукав, прожжённый Гориславой ещё в начале знакомства.

Сейф щёлкнул.

Но открылся не здесь.

Где-то далеко, под старым корпусом ВГТУ, зажёгся свет.

Глава сто шестьдесят шестая

Подвал, которого не было

Вход в подвал обнаружился между двумя этажами.

Броневи́к подъехал к ВГТУ из Москвы, не покидая хранилища. Для этого Броневи́ков включил заднюю передачу и попросил всех не смотреть в окна. Когда смотреть снова разрешили, Москва осталась снаружи, а Воронеж оказался внутри.

— Удобный маршрут, — сказал Тарас. — Его можно продавать.

— Уже, — ответил завтрашний Тарас из бардачка.

Его немедленно закрыли.

На лестнице старого корпуса висели таблички этажей: первый, второй, минус второй и «перед первым».

— Нам туда, — сказал Хронопятов.

— Вы здесь бывали? — спросил Пуаронов.

— Нет. Но много лет делал вид, что знаю здание. В университете это называется стажем.

Дверь перед первым этажом открывалась студенческим билетом образца года, который не наступил. Вера Эрастовна приложила к замку календарный листок Просрочкина.

Замок вздохнул и пропустил их как задолжников.

За дверью тянулся коридор лабораторий. На стенах висели портреты изобретателей, ещё не придумавших собственных изобретений. В одной комнате испытывали колесо до его округления. В другой лежал чертёж электричества, на котором забыли провести ток.

В конце коридора горела надпись:

«Лаборатория биотехнических и медицинских драконов. Посторонним вход до основания кафедры».

Эраст посмотрел на Хронопятова.

— Биотехнических драконов?

— В документах писали «приборов», — ответил профессор. — Но одна буква постоянно грелась.

Внутри стоял металлический каркас с крыльями. Вместо головы к нему был прикручен старый банковский счётчик купюр, вместо сердца — студенческий кипятильник.

На столе лежал журнал испытаний.

Первая запись гласила:

«Цель проекта: создать переносной источник огня, способный самостоятельно найти виноватого».

Вторая:

«Источник нашёл комиссию».

Третья была вырвана.

Пуаронов понюхал край.

— Пирожок.

Хронопятов тяжело сел.

— Теперь я вспомнил. В девяносто седьмом мы запустили установку. Она спросила, зачем её создали. Никто не подготовил ответ.

— И что вы сделали? — спросила Вера.

— Перенесли испытание на завтра.

За стеной ударило пламя.

Сейф Пломбиной открылся изнутри лаборатории.

Огонь Гориславы вылетел наружу и вошёл в металлический каркас.

Машина подняла голову.

— Где мой дракон? — спросила она голосом Гориславы.

Глава сто шестьдесят седьмая

Дело о пропавшем глаголе

Машина сделала шаг.

Счётчик купюр в её голове застрекотал и показал сумму, которую Тарас был должен миру за инициативу.

Тарас отвернулся.

— Прибор неисправен.

— Прибор впервые точен, — сказал Наличных.

Эраст подошёл к каркасу.

— Горислава, ты меня узнаёшь?

— Узнаю. Не чувствую.

— Почему?

— У меня изъяли дракона. Оставили действие.

Пуаронов открыл журнал и положил рядом реестр причин.

— В разрешении написано «изъять огнедышку». Это существительное. Но из Гориславы вынули способность дышать огнём — действие. Кто-то крадёт не персонажей, а глаголы.

Вера оглянулась на коридор.

Портреты изобретателей больше не изобретали. Колесо не катилось. Электричество не било током, а просто лежало на чертеже и выглядело безработным.

— Зачем кому-то глаголы? — спросил Вопрос.

— Без действий история превращается в перечень имущества, — сказал Пуаронов. — Очень удобный документ для передачи.

Пломбина достала накладную.

В ней изменились строки:

«Дракон. Один. Состояние удовлетворительное».

«Герой. Два. Ответственность частичная».

«Мир. Один. Износ критический».

— Нас инвентаризируют, — поняла Вера.

— Наконец-то, — обрадовался Тарас. — Я давно говорил, что должен числиться ценным активом.

Красная черта выползла из-под двери и перечеркнула слово «говорил».

Тарас открыл рот.

Ничего не произошло.

Он попробовал снова. Затем показал руками, что возмущён, оскорблён и намерен выставить счёт за тишину.

— Верните ему глагол, — попросил Эраст.

— Не торопитесь, — сказал Пуаронов. — Для расследования это редкая возможность услышать остальных.

Тарас швырнул в него договор.

На обороте Пуаронов увидел то, чего раньше не замечал: водяной знак в форме перевёрнутой шляпы.

Он снял свою шляпу и сравнил.

Рисунок совпал.

— Приказ составлен на моей бумаге, — тихо сказал сыщик.

Зеркало лаборатории потемнело.

Из отражения вышел Вонаруап.

— Не на вашей, — сказал он. — На нашей.

Глава сто шестьдесят восьмая

Сыщик с обратной стороны

Вонаруап был похож на Пуаронова так, как оправдание похоже на признание: слова те же, смысл опаснее.

Он носил белую шляпу, чёрный плащ и выражение человека, который заранее раскрыл преступление и теперь подбирал к нему виновного.

— Вы украли Гориславу? — спросил Эраст.

— Нет, — ответил Вонаруап. — Я вернул её туда, откуда она была украдена.

— Куда?

— В отсутствие.

Пуаронов поднял трость.

— У вас три ошибки. Первая: вы использовали мою бумагу. Вторая: оставили запах университетского пирожка. Третья: появились именно тогда, когда вас было удобно обвинить.

— Это не ошибки. Это приглашение.

Вонаруап протянул ему вырванную страницу журнала.

На ней была схема первого огнедышащего устройства. Внизу стояли две подписи: профессора Хронопятова и студента Мегрэ Артуровича Пуаронова.

Все повернулись к сыщику.

— Вы учились в ВГТУ? — спросила Вера.

— Я расследовал исчезновение пирожков.

— Двадцать девять лет?

— Дело оказалось слоёным.

Хронопятов всмотрелся в подпись.

— Я вас помню. Вы пришли на испытание, сняли шляпу и заявили, что установка не может найти виноватого, потому что комиссия состоит из него целиком.

— Я был молод.

— Вам было примерно столько же, сколько сейчас.

— Я был лучше отглажен.

Вонаруап подошёл к металлической Гориславе.

— Первый дракон возник не из установки. Он появился из вопроса, который вы задали ей: «Кто виноват?» Машина нашла ответ во всех временах сразу. Ответ оказался слишком большим и отрастил крылья.

Вопрос приподнял голову.

— Значит, я был раньше Началы?

— Ты был вопросом раньше драконов, — сказал Хронопятов. — А потом стал драконом, чтобы тебя наконец заметили.

Красная черта метнулась к Вонаруапу.

Он поймал её двумя пальцами и намотал на катушку.

— Редактура служит не мне. Она служит Хозяину описи. Тому, кто хочет вынести эту историю целиком.

— Кто он? — спросил Пуаронов.
Вонаруап улыбнулся.
— Тот, кого вы никогда не подозревали.
— Тогда круг подозреваемых бесконечен.
— Именно поэтому я пригласил специалиста.
Из зеркала вышла Маргарита Всеволодовна с дорожной сумкой и кастрюлей.
— Отойдите, — сказала она. — У меня холодец и окончательное мнение.

Глава сто шестьдесят девятая
Тёща против редактора
Маргарита Всеволодовна поставила кастрюлю на лабораторный стол.
Красная черта поползла к ней, изучила этикетку «Не трогать до праздника» и отступила.
— Боится, — заметила Вера.
— Умеет читать, — ответила Маргарита Всеволодовна.
Она осмотрела металлическую Гориславу, двух Пуароновых, двух Просрочкиных и молчащего Тараса.
— Где настоящий беспорядок?
Все указали в разные стороны.
— Значит, везде. Начнём с семейного.
Эраст попытался объяснить, что у него из подписи украли разрешение, из дракона — огонь, из завтрашнего дня — наступление, а из Тараса — глагол.
— Последнее оставьте, — распорядилась она. — Полезная редактура.
Тарас изобразил глубокое несогласие и мелкую месть.
Маргарита Всеволодовна открыла кастрюлю. Холодец внутри дрожал, но сохранял форму вопреки времени, температуре и нескольким законам природы.
— Это приготовлено по семейному рецепту, — сказала она. — Его нельзя переписать. Можно только пережить.
Пуаронов наклонился над кастрюлей.
На поверхности проступило отражение комнаты, которой здесь не было. За длинным столом сидел человек и составлял опись героев. Лица не видно — его закрывала раскрытая книга.
В графе «Огнедышка» он поставил отметку: «Изъято».
В графе «Кунилин Эраст Акакиевич»: «Оставить до получения подписи».
В графе «Тюлькин Тарас Ананиевич»: «Ошибочно включён. Не поддаётся оценке».
Тарас с гордостью ткнул пальцем в последнюю строку.
Красная черта вернула ему слово.
— Продан, — немедленно сказал он.
— Что продано? — спросил Эраст.
— Право считать меня ошибкой. Теперь за это платят.
Маргарита Всеволодовна захлопнула крышку.
— Этот человек сидит в конце книги.
— Но мы ещё не дошли до конца, — сказала Вера.
— Он дошёл. Поэтому и распоряжается.
Пуаронов посмотрел на красную черту, намотанную на катушку.
— Чтобы попасть к нему, нужен маршрут через ненаписанные главы.
Броневилов завёл двигатель.
— Московская инкассация возит и туда.
— Откуда вы знаете?
— Оттуда редко возвращают путевые листы.

Глава сто семидесятая

Московский маршрут номер ноль

Маршрут номер ноль начинался у старого корпуса ВГТУ и заканчивался там, где автор ещё не решил.

На путевом листе были перечислены остановки:

«Черновик».

«Сомнение».

«Удалённая сцена».

«Финал временно отсутствует».

— Билеты приобретаются у водителя? — спросил Эраст.

— Нет, — сказал Броневилов. — Пассажир расплачивается непрожитым поступком.

Тарас прижал к себе отпуск.

— У меня всё учтено.

В броневилов вошли Эраст, Вера, Пуаронов, Вопрос, металлическая Горислава, Хронопятов, Маргарита Всеволодовна и оба Просрочкиных. Начала осталась охранять настоящий огонь у входа в лабораторию.

Вонаруап занял место с обратной стороны зеркала заднего вида.

— Он едет с нами? — спросил Эраст.

— Он едет против нас, — ответил Пуаронов. — Направление иногда совпадает.

Пломбина опечатала двери. Наличных пересчитал пассажиров и получил девять с половиной.

— Кто половина?

Оба Просрочкиных подняли руки.

Броневилов тронулся.

За окнами сначала промелькнула Москва, затем Воронеж, затем город, который собирались построить, но совещание перенесли. На остановке «Черновик» вошли герои с прежними именами. Один Эраст Акакиевич был Егором Аркадьевичем и работал специалистом по мирным концам света.

— Вас тоже не оставили? — спросил настоящий Эраст.

— Меня заменили из-за недостаточной нелепости отчества.

— Сочувствую.

— Я привык. В черновике все знают, что могли стать главными.

На остановке «Сомнение» никто не вошёл, но половина пассажиров захотела выйти.

Маргарита Всеволодовна встала у двери с половником.

Сомнение осталось снаружи.

Наконец броневилов остановился перед белой стеной.

Дальше дороги не было.

На стене мигал курсор.

— Приехали, — сказал Броневилов. — Дальше текст должен появляться под колёсами.

— А если не появится? — спросила Вера.

— Тогда будем стоять в очень короткой книге.

Вопрос выпустил тонкую струйку дыма. На белой стене возникла первая буква.

Курсор отступил.

Броневилов поехал по написанному.

Глава сто семьдесят первая

Ненаписанный свидетель

Свидетель ждал их между двумя абзацами.

У него не было ни имени, ни внешности, ни причин находиться здесь. Зато имелось показание, и он держал его обеими руками, чтобы автор не передумал.

— Что вы видели? — спросил Пуаронов.

— Ничего. Меня ещё не описали.

— Что слышали?

— Звук вырываемой страницы и человека, который сказал: «Огонь отдельно, характер отдельно».

Металлическая Горислава заскрежетала крыльями.

— Мой характер тоже забрали?

— Нет, — ответил Эраст. — Он бы не поместился в хранилище.

Она посмотрела на него счётчиком купюр. На табло появилась сумма штрафа за неуместную нежность.

Пуаронов попросил свидетеля повторить фразу. Тот повторил, но голос каждый раз менялся: сначала мужской, затем женский, затем драконий, затем голосом объявления на вокзале.

— Говорил не человек, — заключил сыщик. — Говорило место.

— Какое?

— Где всё разделяют на части и выдают по описи.

Пломбина подняла руку.

— Хранилище.

— Нет. Кафедра, — сказал Хронопятов.

— Семья, — сказала Маргарита Всеволодовна.

— Банк, — сказали инкассаторы.

— Редакция, — произнёс Вонаруап из зеркала.

Свидетель задрожал.

На его груди проступила печать: «Архив первоначальных версий».

— Я был сторожем архива, — вспомнил он. — Туда привезли первую огнедышащую установку из ВГТУ. В ночь перед появлением драконов она сама включилась и сожгла только один документ.

— Какой? — спросила Вера.

— Акт о том, что драконов не существует.

Вопрос довольно расправил крылья.

— Правильная машина.

— После этого из пепла вышла девочка, — продолжил свидетель. — Она несла огонь в ладонях и сказала, что опоздала родиться.

Эраст посмотрел на Веру Эрастовну.

Та была бледна.

— Это была не я.

— Нет, — сказал свидетель. — Она была старше.

На белой дороге впереди появилась маленькая обугленная ладонь.

Глава сто семьдесят вторая

Девочка до драконов

Следы ладоней вели по ненаписанной странице.

Каждый отпечаток поджигал одну букву, и из горящих букв складывалась дорога. Броневи́к ехал медленно: Броневи́ков не доверял трассе, которая сама решала, что будет дальше.

— Она существовала до драконов? — спросил Эраст.

— На три дня, — ответил Хронопятов. — Потом время исправило ошибку и поместило драконов раньше неё.

— Время умеет исправлять?

— Нет. Поэтому мы здесь.

Дорога закончилась у детской комнаты. Стены были сложены из страниц лабораторного журнала, потолок — из университетского расписания, а кровать — из двух сдвинутых парт.

На кровати сидела девочка лет двенадцати. Её волосы тлели на концах. В руках она держала маленького бумажного дракона.

— Наконец-то, — сказала она. — Вы принесли моё будущее?

Просрочкины одновременно открыли портфели.

— Уточните дату рождения.

— За три дня до драконов.

— Такой даты нет.

— Поэтому я не выросла.

Вера Эрастовна подошла ближе.

Девочки посмотрели друг на друга. Они не были похожи лицами, но одинаково хмурились на взрослых, словно давно поняли их основной недостаток.

— Как тебя зовут? — спросила Вера.

— В журнале — ОД-1. Они называли меня Огнедышкой.

Металлическая Горислава опустилась на колени.

Счётчик в её голове остановился.

— Мой огонь твой?

— Был моим. Потом я отдала его первому вопросу. Он испугался темноты.

Вопрос попятился.

— Я не помню.

— Потому что тогда у тебя ещё не было памяти. Только причина.

Пуаронов снял шляпу.

— Разрешение изъять огнедышку относится не к Гориславе. Оно относится к ребёнку из проекта ВГТУ.

— И кто дал разрешение? — спросил Эраст.

Девочка указала на его ручку.

— Ты. Когда понял, что без меня драконы исчезнут.

— Я понял обратное.

— Пока да.

За стеной зашелестел финал.

Кто-то приближался, перелистывая ненаписанные главы назад.

Глава сто семьдесят третья

Подпись, которую ещё предстоит поставить

Эраст положил ручку на пол.

Она немедленно поползла к реестру.

— Стоять.

Ручка остановилась, но всем видом показала, что подчиняется только временно и без признания вины.

— Почему я должен подписать изъятие девочки? — спросил Эраст.

Огнедышка погладила бумажного дракона.

— Потому что я не человек и не дракон. Я первая попытка объяснить огонь. Пока я внутри книги, любой дракон существует как чьё-то изобретение.

Начала говорила, что имя делает причиной. Теперь причина сидела перед ними в детской комнате и просила выдать ей будущее.

— Если тебя изъять? — спросила Вера.

— Драконы станут настоящими. Они больше не будут зависеть от журнала, установки и тех, кто решил их сократить.

— А ты?

— Стану девочкой, которой не было.

— Очень сомнительная перспектива, — сказал Пуаронов.

— У вас лучше?

Сыщик задумался и признал вопрос допустимым.

Хронопятов листал журнал. Формулы исчезали со страниц, превращаясь в чешую на бумажном драконе.

— Она права, — сказал профессор. — Проект связал всех драконов с установкой. Пока существует ОД-1, их можно разобрать по накладной.

— Значит, подпись спасёт драконов, — сказал Эраст.

— И уничтожит единственного свидетеля их рождения, — добавил Вонаруап.

— Вы поэтому украли разрешение?

— Я не крал. Я перенёс его из будущего, где вы уже выбрали.

Пуаронов шагнул к отражению.

— Почему не сказали сразу?

— Тогда выбор был бы вашим. Мне требовалось, чтобы он стал неизбежным.

— Это признание.

— Это методика.

Красная черта сорвалась с катушки и обвила ручку. Вместе они поднялись над реестром.

На странице появилась новая строка:

«Изъять Огнедышку. Передать получателю».

— Кто получатель? — спросила Пломбина.

Снизу медленно проступило:

«Логвинов Александр».

Все посмотрели туда, где обычно находился Наблюдатель.

Там было пусто.

Глава сто семьдесят четвёртая

Автор, которого вынесли из книги

Пустота на месте Наблюдателя имела форму сидящего человека.

Пуаронов провёл тростью по краю.

— Его изъяли раньше Огнедышки.

— Кто теперь пишет дорогу? — спросил Броневилов.

Курсор на белой стене мигнул и погас.

Броневилов остановился между предложениями. Позади оставались написанные главы. Впереди не было даже сомнения.

Тарас попробовал выйти, но дверь открылась в предыдущий абзац. Он увидел самого себя за секунду до попытки, посоветовал не выходить и вернулся.

— Полезный опыт, — сказал он. — Можно продавать предупреждения самому себе.

Маргарита Всеволодовна снова открыла кастрюлю. В холодце отражался письменный стол. За ним никого не было, но клавиши нажимались сами.

На экране появлялась опись:

«Автор. Один. Изъят».

«Право продолжения. Вакантно».

«Огнедышка. Ожидает передачи».

Вера Эрастовна взяла ручку Эраста.

— Если автора нет, книгу может продолжить персонаж.

— Не советую, — сказал Пуаронов. — Персонажи склонны щадить себя и убивать тех, кто знает лишнее.

— Вы знаете лишнее?

— Это моя профессия.

Огнедышка подошла к белой стене и приложила ладонь. Огонь не появился.

— У меня забрали будущее, — сказала она. — А вместе с ним все ещё не написанные действия.

— Глаголы находятся у Хозяина описи, — понял Эраст. — Он вынес автора, чтобы никто не мог придумать нам поступок против него.

— Значит, нужен поступок, который уже был придуман, — сказала Вера.

Пуаронов раскрыл вырванную страницу лабораторного журнала. На обороте обнаружилась старая запись:

«При аварийном прекращении повествования запустить резервного автора».

Ниже стояла схема. Она изображала металлический каркас Гориславы, счётчик купюр и шляпу сыщика.

Все медленно повернулись к Пуаронову.

— Нет, — сказал он.

Металлическая Горислава раскрыла грудную панель.

Внутри находилась клавиатура.

Тарас снял с Пуаронова шляпу и вставил её в разъём.

Машина ожила.

На белой стене появилось первое предложение новой главы:

«Мегрэ Артурович Пуаронов совершил ошибку».

Сыщик побледнел.

— Это не продолжение, — прошептал он. — Это покушение.

Глава сто семьдесят пятая

Ошибка Мегрэ Артуровича

Предложение на белой стене дописалось само:

«Мегрэ Артурович Пуаронов совершил ошибку, когда решил, что ошибок не совершает».

— Клевета, — сказал сыщик.

Металлическая Горислава застучала клавишами.

«Возражение принято и приобщено к ошибке».

Тарас с уважением поглядел на машину.

— Пишет коротко, обижает надолго. Перспективный автор.

Пуаронов выдернул шляпу из разъёма. Белая дорога впереди исчезла, а заднее колесо броневика осталось стоять на последней букве. Буква жалобно скрипнула.

— Верните, — потребовал Броневилов. — Без текста машина дальше не пойдёт.

— Я не позволю устройству порочить мою профессиональную безошибочность.

Вонаруап отразился в боковом стекле.

— Ваша ошибка не в расследовании. Вы неправильно определили потерпевшего.

— Потерпевшая — Огнедышка.

— Она груз.

— Горислава.

— Она оболочка.

— Автор.

— Он отсутствует.

Пуаронов нахмурился. Потом посмотрел на белую стену, на остановившийся броневик и на всех, кто больше не мог двинуться без нового предложения.

— Потерпевшая — история.

Клавиатура щёлкнула. На стене появилось:

«Ошибка исправлена частично».

— Частично? — возмутился сыщик.

Огнедышка встала с кровати.

— Историю нельзя украсть целиком. Можно только убедить её, что она уже закончилась.

Маргарита Всеволодовна постучала половником по кастрюле.

— Пока я не сказала, что всё, ничего не закончилось.

Белая стена дрогнула.

В ней открылась дверь с табличкой «Выход в окончательный вариант». Из-за двери высулась рука в сером нарукавнике и протянула акт приёма-передачи.

Пломбина взяла документ щипцами.

— Получатель требует доставить Огнедышку, автора и оригинал первой ошибки.

— Что считается оригиналом? — спросил Эраст.

Рука указала на Пуаронова.

Сыщик вернул шляпу в разъём.

— Пишите дальше, — сказал он машине. — Но формулировки согласовывайте.

Клавиатура застучала.

«Пуаронов согласился совершить вторую ошибку осознанно».

Броневик тронулся.

— Уже лучше, — сказал сыщик. — В ней есть умысел.

Глава сто семьдесят шестая

Право продолжения

Дорога возникала по одному предложению за раз.

Пуаронов диктовал осторожно:

— Броневик уверенно двигался к выходу.

Машина напечатала:

«Броневик подозрительно двигался к выходу».

— Почему подозрительно?

— Уверенное транспортное средство всегда скрывает маршрут, — объяснил Вонаруап.

— Я скрываю его по инструкции, — подтвердил Броневиков.

— Следовательно, подозрение обосновано.

Пуаронов сжал трость.

— Эраст Акакиевич сохранял спокойствие.

На стене появилось:

«Эраст Акакиевич временно не паниковал».

— Это ближе к правде, — признал Эраст.

Каждая написанная фраза немедленно становилась дорогой и событием. Когда Пуаронов продиктовал, что впереди не было препятствий, возникло препятствие с табличкой «Не было». Когда он уточнил, что оно легко преодолимо, препятствие потребовало подтверждение квалификации.

Хронопятвов предъявил диплом ВГТУ.

Препятствие пропустило всех, кроме самого профессора: его диплом был выдан позже даты, в которой они находились.

— Я останусь здесь? — спросил он.

— Нет, — сказала Вера. — Мы перепишем условие.

— Нельзя, — возразил Пуаронов. — Если резервный автор начнёт исправлять действительность под друзей, книга превратится в автобиографию победителя.

Тарас поднял руку.

— У меня есть решение без литературы.

Он продал препятствию право не признавать диплом. Препятствие стало частным и немедленно подняло шлагбаум за отдельную плату.

За ним тянулся коридор из пустых глав. На каждой двери висело название, которое ещё не успело стать содержанием:

«Предательство, о котором все догадались».

«Битва с ограниченным бюджетом».

«Неожиданное возвращение того, кто не уходил».

В конце коридора стояла дверь без названия.

Огнедышка прижала к ней ладонь.

— За ней моё будущее.

— И Хозяин описи? — спросила Вера.

— Нет. За ней тот, кого он назначил виновным.

Пуаронов снял шляпу с машины. Дорога остановилась.

— Дальше я не автор. Дальше я сыщик.

— А кто будет писать? — спросил Эраст.

Металлическая Горислава раскрыла грудную панель шире.

Второй разъём имел форму вопросительного знака.

Вопрос попятился.

— Почему опять я?

— Потому что ответ уже занят, — сказал Пуаронов.

Глава сто семьдесят седьмая

Глава, написанная вопросом

Вопрос вставил кончик хвоста в разъём.

Клавиатура задумалась.

На белой стене появилось:

«Куда они ехали?»

Дорога разветвилась на семь направлений.

— Плохо, — сказал Броневилов. — С вопросами расход топлива выше.

Следующая строка возникла сама:

«Кто ждал их за дверью?»

За каждой из семи дверей кто-то зашевелился.

— Очень плохо, — сказал Пломбина. — Теперь придётся опечатывать варианты.

Вопрос пытался сформулировать точнее, но каждая его мысль порождала новую дорогу, нового подозреваемого или дополнительную причину вернуться в начало главы. Через минуту вокруг броневика образовался целый транспортный узел из сомнений.

— Я всегда так делаю? — спросил дракон.

— Теперь уже восемь направлений, — сказал Наличных.

Пуаронов поднялся на крышу броневика и осмотрел развилки.

Шесть дорог были ровными. Одна уходила вверх. Последняя обрывалась у маленького киоска с университетскими пирожками.

— Нам туда.

— Почему? — спросила Вера.

— Все ложные версии стараются выглядеть серьёзно. Настоящая улика обычно стесняется и пахнет капустой.

За прилавком киоска стояла пожилая женщина в белом халате. Хронопятов узнал её сразу.

— Антонина Петровна?

— Долг принесли?

Профессор достал современную купюру. Женщина отвергла её.

— Таких денег ещё нет.

Наличных открыл служебную сумку и нашёл рубли девяносто седьмого года, списанные, но не согласившиеся исчезнуть.

Антонина Петровна приняла оплату, выдала сдачу двумя забытыми минутами и сняла с гвоздя долговую тетрадь.

В ней рядом с фамилией Хронопятова стояла подпись Эраста.

— Опять моя? — спросил он.

— Нет, — сказал Пуаронов. — На этот раз ваша только фамилия отсутствует.

Подпись была сделана той же ручкой, но другой рукой. В нажиме угадывался человек, который привык ставить точки сильнее, чем писать слова.

Антонина Петровна вспомнила:

— Этот гражданин пришёл после испытания. Забрал третий пирожок, вырванную страницу и девочку с огненными руками. Сказал, что ведёт их в окончательный вариант.

— Как он выглядел?

— Как конец разговора.

На последней странице долговой тетради было записано имя:

«Григорий Последович Точкин».

Глава сто семьдесят восьмая

Заведующий окончанием

Имя открыло дверь.

За ней располагался кабинет, в котором всё было закончено. Чай допит. Часы остановлены. Бумаги подшиты. Даже пыль лежала окончательно и не собиралась перемещаться.

За столом сидел сухой человек в сером костюме. Вместо галстука у него висела узкая чёрная лента, похожая на траур по продолжению.

— Григорий Последович Точкин? — спросил Пуаронов.

— Был, есть и больше не будет, — ответил человек.

Он поставил точку в документе. Где-то за стеной закончилась одна из запасных дорог.

— Вы Хозяин описи?

— Заведующий окончанием. «Хозяин» — формулировка для тех, кому нужен злодей. Я обеспечиваю своевременное завершение историй, переживших разумный объём.

Тарас осторожно прикрыл собой рукопись.

— Что такое разумный объём?

— Объём, после которого никто не требует продолжения.

— Такого не существует, — сказала Вера.

Точкин посмотрел на неё без неприязни. Так смотрят на незакрытую скобку: не враг, но раздражает.

— Поэтому приходится изымать причины продолжения. Сначала глаголы. Затем автора. Потом огонь. Без них персонажи спокойно распределяются по описи и перестают создавать новые главы.

— Вы украли Гориславу, — сказал Эраст.

— Я отделил функцию от избыточной личности.

— Вы забрали Огнедышку.

— Она числится источником бесконечного сюжета. Пока девочка существует, драконы могут появляться снова.

— Автор где? — спросил Пуаронов.

Точкин указал на высокий шкаф. На одной полке стояла закрытая папка:

«Логвинов Александр. Использовать только при необходимости».

— Откройте, — потребовала Вера.

— Необходимость не зарегистрирована.

Пломбина достала форму регистрации необходимости. Точкин поставил на ней точку раньше, чем она успела заполнить первую строку.

Бланк завершился.

— Очень неприятный человек, — сказала Маргарита Всеволодовна.

— Благодарю. Это итоговая оценка?

— Предварительная.

Точкин впервые вздрогнул.

Пуаронов медленно прошёл вдоль стола. На чернильнице лежала крошка капустного пирожка. В левом ящике виднелась красная лента редактора. В правом — маршрутный лист Московской инкассации.

— Вы подготовили идеальное преступление, — сказал сыщик. — Поэтому я сразу понял, что совершили его не вы.

Глава сто семьдесят девятая

Виновный, назначенный заранее

Точкин не изменился в лице.

— Обоснуйте.

— Вы ставите точки. Все следы ведут к продолжению: украденный завтрашний день, подпись из будущего, маршрут через ненаписанные главы. Такой преступник не завершает — он заставляет идти дальше.

— Следовательно?

— Вы хранитель ловушки, а не её создатель.

Точкин аккуратно сложил руки.

— Продолжайте. Иногда обвиняемому полезно знать, за что его оправдают.

Пуаронов указал на папку автора.

— Она стоит не в описи изъятого. Она стоит среди инструментов. Значит, автор не пленник. Его используют.

Вера подошла к шкафу. Папка была заперта на маленький замок в форме буквы «Я».

— Кто может открыть?

— Только тот, о ком написано внутри, — ответил Точкин.

— Значит, никто из нас.

— Не торопитесь, — сказал Пуаронов. — В книге уже появлялся человек с этим именем как Наблюдатель. Но мы ни разу не проверили, наблюдал ли он снаружи.

Эраст вспомнил пустое место, которое всегда присутствовало рядом с ними: на совещаниях, в ВГТУ, в броневице, во времени драконов. Наблюдатель не вмешивался, но события постоянно поворачивались так, чтобы ему было интереснее.

— Он был персонажем? — спросил Эраст.

— Худшим видом, — ответил Вонаруап. — Персонажем, считающим себя автором.

Из папки донёсся стук клавиш.

На её обложке возникла фраза:

«Мегрэ Артурович подошёл слишком близко к разгадке».

— Угроза, — сказал Эраст.

— Подсказка, — возразил Пуаронов.

Он приблизил лицо к замку.

— Логвинов Александр, вы слышите?

Клавиши замолчали.

Потом внутри напечаталось:

«Нет».

— Слышит, — сказал Тарас.

Пуаронов постучал тростью по папке.

— Вы вынесли себя из книги, чтобы никто не мог обвинить автора. Затем оставили имя получателя под разрешением Эраста. Вы хотите, чтобы мы сами доставили Огнедышку туда, куда вы не можете войти.

— Почему он не может? — спросила Вера.

Точкин ответил вместо сыщика:

— Автор не имеет права попасть во время до собственного замысла.

Огнедышка посмотрела на папку.

— А я родилась раньше него.

Замок в форме буквы «Я» начал нагреваться.

Глава сто восьмидесятая

Автор в папке

Замок расплавился.

Из папки вылетели листы. Они закружились по кабинету, складывая фигуру человека. Сначала появились руки, затем лицо, потом сомнение, куда деть руки.

Наблюдатель вышел из бумаги и отряхнул с плеч черновики.

— Наконец-то, — сказал он. — Я уже три главы стучу.

Пуаронов не опустил трость.

— Представьтесь полностью.

— Логвинов Александр.

— Род занятий?

— Пишу.

— Это действие. Глаголы изъяты.

Наблюдатель открыл рот и не смог повторить.

— Значит, вы тоже лишены авторства, — сказал сыщик. — Вас использовали как имя получателя.

— Кто?

Все повернулись к Точкину.

Тот вздохнул.

— Я предупреждал его, что финал не терпит самодеятельности.

— Кого? — спросил Эраст.

Точкин указал на папку.

На самой нижней странице стояла служебная отметка:

«Подготовлено резервным автором».

— Пуароновым? — спросила Вера.

— Не Мегрэ Артуровичем, — сказал Вонаруап.

Он вышел из зеркала целиком. Впервые у него появилась тень, и тень падала в противоположную сторону.

— Резервный автор был создан вместе с первой огнедышащей установкой. Система должна была не только найти виноватого, но и составить о нём убедительную историю. Когда

вопрос оказался слишком большим, установка разделила его на две части: сыщика, который ищет истину, и рассказчика, который назначает её.

Пуаронов посмотрел на двойника.

— Вы писали опись?

— Я писал версии.

— Вы изъяли автора?

— Я дал ему роль, из которой он не мог вмешаться.

— Вы похитили Огнедышку?

— Я подготовил её освобождение.

— Слишком много эвфемизмов, — сказала Маргарита Всеволодовна. — Значит, виноват.

Вонаруап поклонился.

— Я виноват в продолжении. Но тот, кто украл глаголы, всё ещё находится среди вас.

Тарас быстро пересчитал присутствующих и остановился на себе.

— Сразу заявляю: если это я, то только по договору.

Из сейфа Пломбиной донёсся шорох.

Украденные глаголы пытались выбраться наружу.

Глава сто восемьдесят первая

Инкассация действий

Пломбина поставила сейф на стол.

— Я не принимала глаголы.

— Но они у вас, — сказал Пуаронов.

— Следовательно, поступили без оформления. Возмутительно.

Она сорвала пломбу. Из сейфа вырвались слова.

«Бежать» промчалось по кабинету и скрылось за шкафом. «Спорить» немедленно набросилось на обоих Просрочкиных. «Платить» попыталось выйти в окно, но Наличных поймал его служебной сумкой.

Тарас схватил «продавать» и прижал к груди.

— Родное.

Эраст искал среди летающих глаголов «спасти». Оно забило под стол Точкина и делало вид, что относится к другому сюжету.

Вера вытащила его за окончание.

— Нашла.

Как только действие вернулось в мир, стены кабинета задрожали. Тысячи персонажей в соседних папках снова начали что-то делать. Невыигранные войны приготовились проигрываться. Несостоявшиеся встречи выбрали время. Даже отпуск Тараса попытался наступить без согласования.

Точкин схватился за печать.

— Немедленно прекратите! Неучтённые действия создают новые последствия.

— В этом их работа, — сказал Наблюдатель.

Он поймал слово «писать». Оно сопротивлялось, царапалось пером и требовало аванс. Когда слово вошло в него, вокруг человека снова появился лёгкий запах бумаги.

— Теперь вы автор? — спросил Пуаронов.

— Теперь могу ошибаться письменно.

— Достаточный признак.

Металлическая Горислава раскрыла пасть. Глагол «дышать» влетел в неё, следом — «гореть». Каркас вспыхнул изнутри, но живой дракон не вернулся.

— Не хватает главного действия, — сказала Огнедышка.

— Какого?

— Быть.

Все замерли.

Слова «быть» среди освобождённых глаголов не было.

Пуаронов посмотрел на Точкина.

— Где оно?

Заведующий окончанием медленно поднял печать. На её круглой поверхности было вырезано одно слово:

«БЫЛО».

— Он превратил действие в завершённость, — понял Хронопятов.

Точкин поставил печать на стол.

Всё вокруг стало бывшим.

Глава сто восемьдесят вторая

Мир в прошедшем времени

Эраст был.

Вера была.

Пуаронов расследовал.

Тарас продавал.

Даже страх уже случился и потому не мог предупредить о следующей опасности.

Точкин один оставался в настоящем. Он прошёл между неподвижными героями и собрал разбежавшиеся глаголы в папку.

— Настоящее слишком дорого обходится, — сказал он. — Оно постоянно требует продолжения.

Он подошёл к Огнедышке.

— Вы будете переданы получателю и изъяты из причинности.

Девочка не ответила. Она тоже была.

Точкин протянул к ней руку.

И тут холодец Маргариты Всеволодовны дрогнул.

Семейный рецепт не признавал прошедшего времени, пока его не съели. Кастрюля оставалась, потому что ещё не закончилась.

Маргарита Всеволодовна моргнула.

— Молодой человек, уберите руки от ребёнка.

Точкин отступил.

— Вы не можете действовать.

— Я не действую. Я предупреждаю.

— Это глагол.

— Для вас — последняя возможность.

Она ударила половником по печати. Слово «БЫЛО» раскололось на «БЫ» и «ЛО».

Мир перешёл в условное наклонение.

Эраст спас бы.

Пуаронов раскрыл бы.

Тарас продал бы.

— Очень знакомое состояние, — сказал Тарас. — Так я живу после понедельника.

Условность вернула им движение, но каждое действие требовало условия. Эраст мог сделать шаг, если кто-то поверит, что он его сделает. Вера могла открыть папку, если она уже была закрыта. Пуаронов мог обвинить, если виновный заранее согласится.

— Непрактичная грамматика, — сказал Броневилов.

Наблюдатель поднял лист и написал:

«Они выбрались бы, если бы придумали условие».

— Это не помощь, — сказал Эраст.

— Я только вернул авторство. Талант загружается отдельно.

Огнедышка посмотрела на бумажного дракона.

— Я смогу вернуть «быть», если вы меня скоммуниздите.

Пломбина вздрогнула.

— Термин отсутствует в инструкции.

— Поэтому Точкин не сможет его завершить, — сказал Пуаронов.

Глава сто восемьдесят третья

Ограбление по форме

План Тарас составил за сорок секунд и три процента.

— Огнедышка числится грузом Московской инкассации. Чтобы её скоммуниздить, сначала надо официально принять, затем неофициально потерять и, наконец, убедительно найти не там.

— Это преступление, — сказал сегодняшний Просрочкин.

— Это процедура, — возразил завтрашний.

— Тем более преступление.

Броневилов достал пустой мешок для особо опасных ценностей. Огнедышка забралась внутрь вместе с бумажным драконом.

Пломбина запечатала мешок и составила акт:

«Принято: одна Огнедышка. Состояние: до драконов. Особые приметы: существует вопреки учёту».

Наличных пересчитал девочку через ткань.

— Одна. Возможно, две в будущем.

Точкин поднял обломок печати.

— Вы не сможете вынести груз. Кабинет заканчивается дверью, а дверь заканчивается мной.

Пуаронов надел шляпу.

— Поэтому груз останется здесь.

— Тогда в чём кража?

— Украдём не груз. Украдём право считать его вашим.

Тарас положил перед Точкиным договор продажи. В графе «Предмет сделки» стояло:

«Право на завершение операции по изъятию Огнедышки».

— Покупатель? — спросил Точкин.

— Вы.

— Зачем мне покупать собственное право?

— Чтобы доказать, что оно ваше.

Точкин прочитал мелкий шрифт. На третьей странице его лицо впервые приобрело выражение человека, нашедшего в финале сноску.

— Здесь сказано, что право переходит после завершения сделки.

— Разумеется.

— Но сделка не может завершиться, пока я не получил право её завершить.

— Именно.

Точкин оказался внутри незаканчиваемого договора. Его руки застыли над последней строкой, ожидая друг друга.

— Надолго? — спросил Эраст.

— До вмешательства юриста или конца времени, — сказал Тарас. — На юриста денег нет.

Броневилов взял мешок.

— Груз принят. Начинаем потерю.

Он передал мешок Наличных. Наличных — Пломбиной. Пломбина поставила его на пол, после чего все трое официально перестали видеть.

Вера унесла мешок за дверь.

— Огнедышка скоммунизжена, — объявил Пуаронов.

Белая стена впереди вспыхнула.

Глава сто восемьдесят четвёртая

Побег из окончательного варианта

Дверь кабинета вела в финальную точку.

Она была маленькой, чёрной и лежала посреди белого пространства. Внутри неё помещались все законченные истории, несколько незаконченных из принципа и один роман, который Тарас обещал когда-нибудь прочитать.

— Обход есть? — спросил Эраст.

— Только продолжение, — ответил Наблюдатель.

Он поднял ручку, но условное наклонение мешало писать прямо. Каждая строка получалась с «бы», «если» и лёгким чувством нереализованного понедельника.

Вера развязала мешок. Огнедышка вышла и приложила ладонь к точке.

— Здесь спрятано «быть».

— Как достать? — спросил Вопрос.

— Точка должна перестать быть последней.

Пуаронов подошёл к ней и поставил рядом вопросительный знак.

Получилось: «.?»

— Некрасиво, — сказал Наблюдатель.

— Зато подозрительно.

Точка дрогнула. Она больше не знала, закончила предложение или попала под следствие.

Вопрос вдохнул её.

Дракон закашлялся знаками препинания. Сначала вылетела запятая, потом двоеточие, затем слово «быть» — горячее, живое и очень недовольное долгим заключением.

Огнедышка поймала его обеими ладонями.

Слово вспыхнуло.

Мир вернулся в настоящее.

Металлическая Горислава закричала. Каркас раскрылся, как скорлупа. Из него вырвалось пламя, закрутилось в воздухе и обрело крылья, чешую и глаза.

Горислава упала на пол живой.

Эраст бросился к ней.

— Ты вернулась.

— Я и не уходила, — хрипло сказала драконица. — Меня неправильно оформили.

Начала пробила белую стену с другой стороны. За ней шли драконы всех времён: древние, будущие, ещё не придуманные и один, которого забыли раскрасить.

— Огнедышка свободна, — сказала она.

— Пока нет, — ответила девочка.

На её запястье оставалась красная строка:

«Передать получателю».

Из кабинета донёсся треск.

Точкин разрывал договор, не завершив его.

— Невозможно, — сказал Тарас.

— Он пожертвовал правом ставить точки, — понял Пуаронов. — Теперь его ничто не ограничивает.

Из двери потекла длинная чёрная черта без конца.

Глава сто восемьдесят пятая

Человек без последней точки

Точкин вышел из кабинета изменившимся.

Чёрная лента вместо галстука тянулась за ним через все предыдущие главы. Его фразы больше не заканчивались, соединяясь одна с другой, обрастая уточнениями, приложениями и обстоятельствами, которые никто не просил учитывать, но которые уже нельзя было остановить

— Он потерял точки, — сказал Пуаронов.

— Зато приобрёл объём, — заметил Тарас.

Точкин поднял руку и продолжил говорить

Белое пространство наполнилось незавершёнными приказами. Драконы застыли между взмахами крыльев. Инкассаторы не могли закончить разворот броневика. Эраст начал фразу «Вера, уходи» и остался внутри запятой

Огнедышка зажала уши.

— Он превращает продолжение в бесконечность.

— Это хуже финала, — сказал Наблюдатель. — У бесконечности нет читателя. Только терпеливый корректор.

Маргарита Всеволодовна шагнула вперёд.

— Григорий Последович, вы закончили?

Он хотел ответить «нет», но слово присоединилось к предыдущей фразе и потерялось среди придаточных.

— Не слышу, — сказала она. — Значит, закончили.

На одно мгновение тёщино решение стало сильнее грамматики.

Пуаронов воспользовался паузой. Он бросил красную редакторскую черту Вонаруапу. Тот поймал её, вывернул наизнанку и получил синюю линию.

— Что это? — спросил Эраст.

— Не сокращение. Продолжение под наблюдением.

Два сыщика обвили линией бесконечную фразу Точкина и замкнули её в круг.

Теперь заведующий говорил сам с собой. Каждое новое уточнение возвращалось к началу и требовало повторить всё сначала.

— Он надолго? — спросила Вера.

— Пока не научится выражаться короче, — сказал Пуаронов.

— То есть навсегда, — уточнил Тарас.

Точкин исчез внутри собственного предложения.

Но красная строка на запястье Огнедышки вспыхнула ярче.

Слова «Логвинов Александр» превратились в адрес.

Москва. Юго-Восточный округ. Дом, которого нет на карте, потому что он находится между двумя вариантами автора.

Броневиков сверился с маршрутным листом.

— Последняя доставка.

— Нет, — сказал Пуаронов. — Предпоследняя. Я больше не доверяю последним.

Глава сто восемьдесят шестая

Дом между двумя замыслами

Дом стоял в Москве и одновременно сомневался.

С одного фасада он был старой девятиэтажкой. С другого — башней времени драконов. Третья сторона напоминала корпус ВГТУ, а четвёртую Тарас уже сдавал в аренду, хотя никто её не видел.

Броневи́к остано́вился у подьезда номер «между».

На двери висело объявление:

«Автор временно отсутствует. Персонажей не оставлять».

Наблюдатель прочитал и нахмурился.

— Я здесь никогда не жил.

— Но могли бы, — сказал Пуаронов. — Дом построен из ваших невыбранных замыслов.

Внутри пахло бумагой, московским дождём и немного Ельцом — так пахнут места, о которых человек помнит даже тогда, когда пишет совсем о другом.

На лестничной площадке лежали обложки ненаписанных книг. Из одной выглядывал дракон в галстук. На другой Эраст был депутатом и выглядел несчастнее обычного. Тарас быстро спрятал эту обложку: отдельная история могла принести доход.

Квартира открылась ручкой Эраста.

В комнате стоял письменный стол. За ним сидел ещё один Логвинов Александр.

Наблюдатель остановился.

— Кто вы?

— Тот, кто остался снаружи, пока ты изображал автора внутри.

— Значит, вы настоящий?

— Настоящий автор редко уверен в этом до последней редакции.

Пуаронов поставил между ними трость.

— Один из вас создал адрес получателя. Второй был заперт в папке. Кто написал приказ об изъятии Огнедышки?

Оба ответили:

— Не я.

— Наконец-то нормальные подозреваемые, — обрадовался сыщик.

На столе лежала рукопись. В ней были все главы до этой включительно. Следующие страницы оставались пустыми, кроме одной строки на самой последней:

«Огнедышка должна быть передана тому, кто впервые попросил продолжать».

Эраст перечитал.

— Это не имя.

— Это читатель, — сказала Вера.

Пуаронов осмотрел строку через лупу. Буквы состояли из тысяч одинаковых слов:

«Продолжай».

Огнедышка прижала ладонь к запястью.

Красная строка потянула её к раскрытой книге.

— Не держите меня, — сказала девочка. — Если получатель находится по ту сторону, нам придётся войти туда всем.

— К читателю? — спросил Тарас.

— В место, где книгу ещё можно закрыть.

Страница раскрылась шире двери.

Из неё дохнуло реальностью — холодной, московской и совершенно не подготовленной к драконам.

Глава сто восемьдесят седьмая

Реальность без жанра

Они вышли в комнату, где не было ни одного предусмотренного сюжетом предмета.

Был стол. Был стул. Был остывший чай. Был человек перед светящимся экраном. На экране стояло одно слово:

«продолжай».

— Вот и получатель, — прошептал Вонаруап.

— Вот и санитар, — прошептал человек, глядя на Пуаронова, двух профессоров Хронопятовых, трёх инкассаторов, одну девочку, одного дракона размером с электричку и Тараса Ананиевича, который уже проверял, нельзя ли приобрести комнату оптом.

Реальность действовала на гостей угнетающе. У Гориславы погас огонь, у Вопросы исчез вопросительный знак на хвосте, а папка с документами превратилась в обычный картон. Даже печать Броневикова оставляла только синее пятно.

— Здесь драконы не предусмотрены, — сказал Наличных.

— Здесь многое не предусмотрено, — ответил человек. — Особенно вы.

Огнедышка шагнула к столу. Красная строка на её запястье натянулась и соединилась с клавишей, на которой была буква «П».

Человек отдернул руки.

— Я просто попросил продолжить книгу.

— В нашем деле «просто» давно проходит как отягчающее обстоятельство, — сказал Эраст.

Пуаронов положил лупу на край стола. В реальности она показывала только пыль, но сыщик всё равно посмотрел сквозь неё.

— Вы первый, кто написал это слово?

— Сегодня — да.

Из экрана донёсся сухой кашель. Затем внутри него открылась маленькая дверь, и из неё выглянул Павел Секундович Просрочкин из завтра.

— Не верьте календарю, — предупредил он. — Здесь «сегодня» считают по московскому времени, а «завтра» давно передано на инкассацию.

Пломбина сняла часы и приложила их к монитору.

— Подтверждаю. На устройстве отсутствуют три минуты, одно утро и законное право человека удивляться.

Человек всё-таки удивился.

— Верните, — потребовал он.

— После описи, — сказала Пломбина.

Красная строка дернулась сильнее. Огнедышка упёрлась ногами в пол.

— Оно считает просьбу адресом, — сказала она. — Но адрес ещё не означает согласия.

— А согласие у вас имеется? — спросил Пуаронов человека.

Тот посмотрел на девочку, на строку и на раскрытую книгу, из которой продолжали выходить участники, потому что Тарас придерживал страницу ногой.

— На что?

— На получение огнедышащего несовершеннолетнего объекта, двух эпох, кафедры ВГТУ и возможной ответственности за Москву.

Человек честно подумал.

— Нет.

В комнате впервые за всё время стало легче дышать.

— Прекрасно, — сказал Пуаронов. — Теперь у нас есть отказ получателя. Осталось выяснить, кто подделал само получение.

Глава сто восемьдесят восьмая

Человек, который нажал Enter

Отказ оформили на обороте продуктового чека. Другой бумаги в реальности не нашлось, а Московские инкассаторы считали, что документ без цены выглядит подозрительно.

Человек написал: «Огнедышку в собственность не принимаю. Драконов временно вижу. Претензий к ВГТУ пока не имею».

— Подпись, — потребовал Броневилов.

— А если я подпишу, меня не затянет в книгу?

— Если не подпишете, книга затянется в вас, — объяснил Тарас. — Это дороже.

Человек подписал.

Красная строка на руке Огнедышки ослабла, но не исчезла. Она сменила направление и потянулась от клавиши к самому слову «продолжай».

— Получатель не он, — сказала Вера. — Получатель — просьба.

— Просьбы не могут владеть людьми, — возразил Эраст.

— В нормальном праве, — уточнил Наличных. — Но мы уже два раза пересекли границу жанра без декларации.

Пуаронов попросил человека вспомнить, почему тот написал это слово.

— Потому что книга оборвалась на самом интересном месте.

— Чего вы хотели?

— Узнать, что дальше.

— Получить девочку?

— Нет.

— Получить дракона?

— В квартире? Тоже нет.

— Спасти мир?

Человек посмотрел в окно. За окном Москва стояла в пробке и, судя по звукам, не просила спасения именно сегодня.

— Хорошо бы. Но я рассчитывал прежде всего на конец главы.

Пуаронов торжественно поднял палец.

— Вот мотив. Продолжение хотело быть прочитанным. Ему требовался носитель, способный пройти из книги в реальность. Оно выбрало Огнедышку, потому что она родилась до времени драконов и не подчиняется границам текста.

Вонаруап покачал головой.

— Вы обвиняете слово?

— Пока допрашиваю.

Он наклонился к экрану.

— Имя?

Курсор мигнул.

Появились буквы:

«ДАЛЬШЕ».

— Фамилия? — спросил Пуаронов.

«НЕ ВАЖНО».

— Место рождения?

«ТАМ, ГДЕ АВТОР УСТАЛ».

Тарас уважительно присвистнул.

— Коммерческая жилка чувствуется.

На экране возникла новая фраза:

«ПЕРЕДАЙТЕ МНЕ ОГНЕДЫШКУ, И Я НЕ ЗАКОНЧУСЬ».

— А вот это уже шантаж, — сказал Эраст.

Человек перед монитором потянулся к шнуру питания.

— Не выключайте, — одновременно сказали оба Хронопятова. — Если оборвать продолжение сейчас, всё оставшееся станет сноской.

В комнате задрожали стены. За ними послышался тяжёлый скрежет. Реальность пыталась закрыть книгу, но книга вставила между страницами Москву.

Передача невозможного

Пуаронов велел всем ничего не трогать. Тарас немедленно потрогал чайник, потому что запрет без проверки мог оказаться рекомендацией.

Чайник зашипел и выпустил крошечное облако. Облако сложилось в герб ВГТУ, затем в план подземной лаборатории и, наконец, в подпись Эраста Акакиевича.

— Мою? — спросил Эраст.

— Вашу будущую, — ответил профессор Хронопятов из времени драконов. — В ней на три завитка больше ответственности.

Подпись опустилась на стол и легла поверх отказа читателя. Красная строка сразу же схватила её и потянула к Огнедышке.

Эраст побледнел.

— Значит, приказ подписал я.

— Подпись настоящая, — сказал Вонаруап.

— Чернила тоже, — добавил Пуаронов. — А приказа всё ещё нет.

Он поднёс лист к свету. Между завитками обнаружились микроскопические буквы. Пломбина дала ему счётчик купюр, настроенный на мелкий шрифт. Аппарат проглотил подпись, пересчитал и выдал длинную ленту:

«Разрешаю изъять ОД-1 из перечня имущества, опытов, сюжетных функций и чужих ожиданий. Передать самой себе после достижения возраста, в котором она сможет сказать “нет”».

Эраст перечитал дважды.

— Это не приказ о передаче читателю.

— Это приказ о краже, — поправил Тарас. — Очень грамотно составленный. Даже завидно.

Огнедышка подняла глаза.

— Вы знали меня в будущем?

Будущий Эраст ответил не голосом, а почерком. На ленте появилась ещё одна строка:

«Знал. И слишком поздно понял, что спасти человека от клетки иногда приходится вместе с клеткой».

Вера взяла Эраста за руку.

— Значит, ты не продал её.

— Хуже, — сказал он. — Я подписал документ, который сам теперь должен исполнить.

На экране вспыхнуло:

«ПОДПИСЬ ПРИНЯТА. ПЕРЕДАЧА НАЧАТА».

Красная строка обвилась вокруг Огнедышки по поясу. Девочка не закричала. Она вдохнула и выдохнула тонкое пламя, но в реальности оно превратилось в уведомление о пожарной опасности.

— Удобный мир, — заметил Тарас. — Даже огонь здесь сначала согласовывают.

Броневи́ков поставил между девочкой и экраном металлический чемодан.

— Передача ценности без маршрута запрещена.

Строка разре́зала чемодан пополам.

Наличных поставил второй.

— Теперь маршрут проходит через два места хранения.

Строка запуталась.

— Ещё! — приказал Пуаронов.

Инкассаторы начали строить из чемоданов лабиринт. Продолжение терпеливо огибало препятствия, но с каждым поворотом становилось длиннее.

— Мы выиграли несколько абзацев, — сказал Вонаруап.

— Тогда не тратьте их на объяснения, — ответила Огнедышка. — Найдите, кому принадлежит последнее слово.

Глава сто девяностая

Подпись будущего Эраста

Будущее Эраста Акакиевича пришлось вызывать по форме номер «Когда-нибудь».

Форму нашли в кармане завтрашнего Просрочкина. Она была заполнена позавчера, отклонена сегодня и поэтому считалась действительной.

Эраст поставил подпись рядом со своей будущей подписью. Обе совпали до последней точки, но сегодняшняя слегка дрожала.

— Я бы так написал, — признал он.

— Вы так и написали, — сказал профессор. — После того как Огнедышку снова попытались превратить в проект.

— Кто?

— Все понемногу. Университет хотел исследовать. Министерство — учитывать. Драконы — почитать. Люди — спастись. Авторы — использовать в развязке.

Оба автора отвели глаза.

— И я решил украсть её у всех?

— Вы решили дать ей право украсть себя самой, — сказала Вера.

Пуаронов разложил улики на столе: подпись, отказ читателя, красную строку, обломок чемодана и крошку печенья, которую Тарас пытался выдать за вещественное доказательство.

— Итак. Подпись настоящая. Получатель ложный. Приказ относится не к телу Огнедышки, а к её учётной записи ОД-1. Кто-то вырезал середину распоряжения, оставив начало «изъять» и конец «передать».

— Точкин, — сказал Эраст.

— Слишком очевидно.

— Поэтому точно он, — возразил Тарас. — Человек всю жизнь заведует окончаниями. Кому ещё вырезать середину?

Из-под клавиатуры выкатилось маленькое чёрное многоточие. Пуаронов поймал его платком.

— Свежий след. Точкин был здесь.

Вонаруап посмотрел на стену. Тень от стула заканчивалась раньше самого стула.

— Он и сейчас здесь. Только прячется в недосказанности.

Пуаронов подошёл к пустому углу.

— Григорий Последович, выйдите. Мы знаем, что вы сделали.

Тишина продолжалась слишком выразительно.

— Мы знаем не всё, — шепнул Эраст.

— Он этого не знает, — так же тихо ответил сыщик.

Из угла отделился Точкин. На нём был серый костюм, а вместо галстука висела тонкая чёрная черта.

— Вы ничего не докажете, — сказал он. — Потому что доказательство находится в следующей главе.

И шагнул назад.

Следующая глава захлопнулась перед его носом.

— Не люблю, когда подозреваемый распоряжается нумерацией, — сказал Пуаронов и открыл её силой.

Глава сто девяносто первая

Последняя улика

За следующей главой находился коридор из незаконченных предложений.

«Точкин сделал это потому, что...»

«Огнедышка была создана для...»

«Главная тайна ВГТУ заключалась в...»

Каждая фраза обрывалась дверью. За дверью начиналась новая фраза, ещё более многообещающая и ещё менее полезная.

— Он построил бесконечное продолжение, — сказал Вонаруап. — Если пойдём за ним, никогда не дойдём до ответа.

— Значит, пойдём не за ним, — решил Пуаронов.

Сыщик развернулся и посмотрел назад. На пороге стояла Огнедышка. Красная строка тянула её вперёд, но девочка держалась за дверной косяк.

— Что было до первой незаконченной фразы? — спросил он.

— Вопрос, — ответила она.

Дракон Вопрос просунул голову в коридор.

— Меня звали?

— Вас когда-нибудь звали иначе?

— До драконов меня звали «Кто виноват?». Потом я вылутился.

Пуаронов замер. Затем снял шляпу, хотя шляпы у него не было, и потому снял выражение лица.

— Вот последняя улика. Проект ОД-1 запустили не приказом и не подписью. Его запустил вопрос. В ВГТУ спросили: «Кто виноват, если будущее загорится?» Машина попыталась найти ответ, создала время драконов, затем Огнедышку — живой ответ, способный пережить пожар.

— А Точкин? — спросил Эраст.

— Он превратил вопрос в сериал. Убрал ответ, чтобы продолжение никогда не кончилось.

Коридор содрогнулся. Из всех дверей разом высунулся Точкин.

— Конец уничтожает миры! — крикнул он. — Пока читатель просит продолжать, вы существуете. Отдадите ему девочку — книга станет вечной!

— Вечная книга без ответов называется инструкцией, — сказал Тарас. — Её никто не читает.

Огнедышка отпустила косяк.

Красная строка понесла её по коридору.

Пуаронов крикнул дракону:

— Вопрос! Задайте себя правильно!

Дракон расправил крылья и спросил так громко, что дрогнула пунктуация:

— НЕ КТО ВИНОВАТ, А ЧТО ДЕЛАТЬ?

Все незаконченные предложения остановились.

В конце коридора впервые появилась точка.

Глава сто девяносто вторая

Когда драконы пришли в Москву

Точка упала на московскую улицу.

Она была маленькая, чёрная и весила примерно столько же, сколько окончательное решение. Асфальт под ней треснул. Из трещины поднялся корпус ВГТУ — не весь, а только та часть, которую когда-то спрятали между 1997 годом и временем драконов.

Прохожие остановились. Один снял происходящее на телефон. Телефон решил, что это реклама университета, и добавил кнопку «Поступить».

Из окон лаборатории вылетели схемы. За ними — кафедральные стулья, архивные шкафы и лаборант, который двадцать девять лет ждал окончания перерыва.

— Занятия сегодня будут? — спросил он.

Горислава выбралась из книги вслед за остальными. Реальность попыталась превратить её в спецэффект, но драконица чихнула огнём и подпалила рекламный щит.

— Будут, — решил лаборант. — Практические.

Над Москвой раскрылось время драконов. Оно выглядело как второе небо, только с рисованием пар. Драконы сыпались оттуда осторожно, стараясь не повредить припаркованные машины. Одному не удалось. Владелец автомобиля посмотрел на вмятину, на дракона и спросил:

— ОСАГО есть?

— Я из тринадцатого века, — ответил дракон.

— Тогда коэффициент повышенный.

Московские инкассаторы выстроились у входа в поднявшийся корпус.

— Внимание! — объявил Броневилов. — Производится перевозка будущего. Не приближаться, не фотографировать со вспышкой и не предлагать вложить под проценты.

Наличных открыл бронированный автомобиль. Внутри вместо денег лежало завтрашнее утро: прохладное, серое и ещё никем не испорченное.

— Куда доставлять? — спросил он.

Два профессора Хронопятовых сверили часы.

— В 1997 год. Там недостача одной среды.

— Среду принимаем только в упаковке.

Пломбина принесла облако и завернула в него утро.

Точкин тем временем поднялся на крышу корпуса. Чёрная черта на его шее разрослась и пересекла небо.

— Вы не понимаете! — закричал он. — Если наступит завтра, история потребует результата!

— Ужасная привычка, — согласился Тарас. — Поэтому я обычно обещаю результат послезавтра.

Черта опустилась ниже. Москва начала делиться на написанное и ненаписанное. Люди исчезали в середине фраз, машины поворачивали без глаголов, а один полицейский трижды потребовал предъявить метафору.

— Он стирает границу, — сказала Вера.

— Нет, — ответила Огнедышка, глядя на своё запястье. — Он делает весь город продолжением. Тогда ему действительно не придётся заканчивать.

Глава сто девяносто третья

Предложение без конца

Москва превратилась в одно предложение.

Оно начиналось у ВГУ, проходило через комнату читателя, огибало Кремль, дважды застревало в пробке и всё не находило сказуемого. Горожане вынуждены были дышать через запястье.

Точкин стоял над строкой, раскинув руки.

— Теперь никто не закроет книгу!

— Зато все опоздают на работу, — заметил Эраст. — Это опаснее.

Огнедышку тянуло к центру предложения. Там светилось пустое место, приготовленное для её имени. Если имя встанет туда, девочка станет вечным подлежащим: с ней постоянно будет что-то происходить, но она никогда ничего не решит сама.

Пуаронов велел расставить силы.

Горислава и Начала держали небо. Вопрос летал вдоль строки и спрашивал у каждого оборота, зачем тот нужен. Большинство оборотов смущалось и отпадало.

Два Хронопятова синхронизировали 1997 год с временем драконов. Получалось плохо: в одной минуте одновременно шли экзамен по сопромату, коронация драконьего князя и обещанный перерыв.

— Нормальное расписание, — сказал лаборант.

Авторы пытались дописать конец, но перья выводили только «и потом».

— Точкин забрал у нас точку, — признался первый.

— А кто разрешил ему держать единственную точку мира? — спросила Вера.

— Редакционная политика.

— Уволить политику.

Тарас Ананиевич тем временем беседовал с самим предложением. Он ходил вдоль него, постукивал носком по буквам и оценивал товар.

— Длинное, — сказал он. — Состояние среднее. Подлежащее заложено, конец отсутствует. Беру за треть цены.

Строка возмущённо изогнулась.

— Вам не нужна цена? — продолжил Тарас. — Тогда обмен. Вы отдаёте Огнедышку, я даю вам право продолжаться самостоятельно.

— Это невозможно, — сказал Эраст.

— Поэтому выгодно.

Предложение заинтересовалось. Оно никогда не имело собственных прав. Им пользовались авторы, читатели, Точкин и даже корректор, однажды сокративший его без объяснения причин.

Красная строка на запястье Огнедышки дрогнула.

— Оно слушает, — сказала девочка.

Точкин поднял чёрную черту.

— Не смейте заключать сделку с грамматикой без лицензии!

— Поздно, — ответил Тарас. — Я уже выставил счёт синтаксису.

Глава сто девяносто четвёртая

Инкассация бесконечности

Для сделки требовалось доставить продолжение самому себе.

Московские инкассаторы восприняли задачу спокойно. Их обучали перевозить ценности, опасные грузы и квартальную отчётность. Бесконечность занимала промежуточное положение.

Броневилов открыл самый большой чемодан.

— Не влезет, — сказал Эраст.

— Сложим.

Наличных взял московское предложение за начало, Пломбина — за конец, которого не было. Они стали сворачивать строку кольцами. Сначала внутрь чемодана вошла Садовая, затем лаборатория ВГТУ, половина драконьего неба и человек с телефоном, который продолжал снимать и просил повернуть происходящее к свету.

— Гражданина выпустите, — приказал Броневилов. — Он не описан.

Человека вытряхнули. Бесконечность утрамбовали печатью.

Точкин бросился вниз с крыши. Его чёрная черта хлестнула по чемодану и рассклала замок.

— Нельзя инкассировать то, что не кончается!

— У нас почасовой тариф, — сказал Наличных. — Нам выгодно.

Из чемодана полезли «далее», «затем», «внезапно» и целая стая слов «однако». Дракон Начала сжёг вводные слова, Горислава прижала крышку лапой, а Вопрос спросил бесконечность, есть ли у неё доверенность.

Бесконечность задумалась.

Этого хватило Пломбиной. Она обвязала чемодан пломбой, на которой было выбито: «До востребования самим собой».

— Маршрут? — спросил Броневилов.

Тарас указал на экран в комнате читателя.

— От слова «продолжай» до следующего слова «продолжай». Получатель и отправитель совпадают.

— Круговая доставка, — одобрил Наличных. — Повышенный коэффициент.

Инкассаторская машина тронулась прямо по строке. За ней предложение стало укорачиваться. Москва возвращалась на место кусками: сначала дома, затем улицы, потом глаголы движения.

Точкин вцепился в заднюю дверь автомобиля.

— Я не позволю поставить точку!

Пуаронов догнал машину на драконе Вопросе.

— Вам и не придётся, Григорий Последович. Точку поставит тот, кого вы не внесли в список подозреваемых.

— Кто?

— Тот, кто имеет право сказать: «Хватит».

Огнедышка подняла руку.

Глава сто девяносто пятая

Право на слово «хватит»

Красная строка затянулась на её запястье последним узлом.

— Если я скажу «хватит», книга закончится? — спросила Огнедышка.

— Эта история — да, — ответил Пуаронов. — Вы — нет.

— А драконы?

— Останутся, если перестанут зависеть от незаконченного предложения.

— ВГТУ?

— Университет переживал и не такое, — сказал профессор Хронопятов. — Однажды у нас меняли расписание дважды за семестр.

— Мир?

Эраст посмотрел на Москву. Город постепенно собирался обратно и уже сигнализировал тем, кто мешал ему существовать.

— Мир не обязан длиться только потому, что его не закончили. Он может жить после истории.

Точкин рванул чёрную черту. Строка потащила Огнедышку к экрану. Девочка проскользнула мимо Эраста, Веры и Гориславы. Тарас успел ухватить её за рукав, но ткань превратилась в сноску и осталась у него в руках.

Человек перед компьютером видел, как имя Огнедышки появляется на экране буква за буквой.

Он снова потянулся к клавиатуре.

— Не пишите за неё, — предупредила Вера.

Человек убрал руки.

Огнедышка оказалась между книгой и реальностью. Слева её называли ОД-1. Справа — персонажем. Сзади — грузом. Впереди стояло пустое место, где она могла назвать себя сама.

— Я Огнедышка, — сказала девочка. — Не проект. Не ответ. Не посылка. И не обещание следующей главы.

Красная строка стала белой.

— Хватит.

Слово прозвучало негромко. Но бесконечное предложение остановилось. Инкассаторская машина мягко въехала сама в себя, доставив продолжение по адресу. Чемодан защёлкнулся.

Точкин потерял опору и повис на последней запятой.

— Вы погубили вечность! — простонал он.

— Нет, — ответил Пуаронов. — Мы отменили подписку.

Белая строка упала с руки Огнедышки на пол. Вера подняла её. Это оказался чистый лист — первый документ, на котором о девочке ничего не было написано заранее.

Глава сто девяносто шестая

Кто скоммуниздил Огнедышку

Точкин потребовал адвоката, продолжение и хотя бы одно обстоятельство, оставленное для второй части.

Ему дали стул.

Пуаронов собрал всех в поднявшейся лаборатории ВГТУ. За окнами Москва соседствовала со временем драконов, а в коридоре 1997 года кто-то до сих пор искал кафедру, переехавшую в будущее.

— Дело началось с кражи, — сказал сыщик. — Но мы ошибались, считая, что украли Огнедышку. Украли её назначение.

Он указал на старую вычислительную установку.

— В 1997 году система получила вопрос: «Кто виноват, если будущее загорится?» Она не нашла виновного и создала ответ — ОД-1, организм, способный перейти в будущее, где существуют драконы. Профессор Хронопятов спрятал проект во времени. Московские инкассаторы перевезли носитель, полагая, что везут резерв завтрашнего дня. Авторы превратили событие в книгу, чтобы оно не исчезло. Точкин вырезал из распоряжения слова «передать самой себе» и подменил адрес словом «продолжай».

— Значит, похититель — Точкин, — сказал Эраст.

— Поддельватель — да. Но кто скоммуниздил Огнедышку?

Тарас поднял руку.

— Я готов сознаться при условии разумной скидки.

— Вы украли только папку, два пропуска и чужой обед. Огнедышку похищали все: университет — у неизвестности, драконы — у людей, люди — у драконов, авторы — у тишины, продолжение — у конца. Каждый называл её тем, что было ему нужно.

Огнедышка встала.

— Тогда кто вернул меня мне?

Пуаронов улыбнулся.

— Вы. А мы лишь вовремя перестали мешать.

Он повернулся к Точкину.

— Ваш мотив прост. Вы боялись финала, потому что после него переставали быть Заведующим окончанием. Поэтому устроили вечное дело, в котором последнее слово всё время откладывалось.

Точкин опустил голову.

— А что мне оставалось? У каждой истории есть автор, герой, читатель. А у конца есть только тот, кто его не любит.

— Неправда, — сказал человек у экрана. — Хороший конец любят. Просто после него иногда хочется ещё.

Точкин впервые задумался не о продолжении, а о смысле.

— Это разные вещи?

— Совершенно, — ответил Пуаронов. — И за эту разницу вас будут судить.

— Кто?

— Редактор.

Точкин побледнел сильнее, чем при виде трёх драконов.

Глава сто девяносто седьмая

Скоммуниздить по-настоящему

Чтобы Огнедышка стала принадлежать самой себе, требовалось удалить её из всех реестров.

Это оказалось труднее спасения мира.

В архиве ВГТУ она числилась опытом. У драконов — древним предком, хотя была младше некоторых чайников. У Московских инкассаторов — грузом особой разговорчивости. В книге — главной интригой. У Тараса — потенциальным партнёром по делу, о котором он отказывался сообщать подробности.

— Начнём с университета, — сказал Эраст.

Лаборант выдал им ведомость. В графе «ОД-1» стояла отметка «не явилась».

Огнедышка взяла ручку и написала: «Явилась. Ушла по собственному желанию».

Профессор Хронопятов поставил печать обоих времён. Проект исчез из архива, оставив после себя тему для трёх диссертаций и одного выговора.

Горислава принесла драконью родословную. Огнедышка вычеркнула себя из графы «Прародительница» и вписала внизу: «Подруга».

— Это ниже по статусу, — предупредила Горислава.

— Зато выше по выбору.

Инкассаторы открыли журнал перевозок.

— Груз не может сам себя принять, — сказал Броневилов.

— Тогда оформите утрату, — предложил Тарас.

— Утрата бьёт по премии.

— Оформите чудо.

Пломбина нашла в конце журнала графу «Иные обстоятельства». Там написали: «Ценность обрела ноги и возражения». Броневилов поставил печать, Наличных пересчитал возражения, Пломбина сняла последнюю пломбу.

Оставалась книга.

Оба автора держали рукопись с разных сторон.

— Если вычеркнуть её, исчезнет история, — сказал первый.

— Если не вычеркнуть, история останется её владельцем, — сказал второй.

Огнедышка взяла чистый лист и вложила его между последними страницами.

— Не вычёркивайте. Напишите, что дальше я решаю сама.

Авторы посмотрели друг на друга и впервые написали одну фразу вместе:

«После этой строки Огнедышка не обязана сюжету ничем».

Буквы высохли.

Девочка вдохнула полной грудью. На этот раз из её рта вырвалось настоящее пламя. Оно не сожгло рукопись, а только аккуратно выжгло на обложке инвентарный номер.

— Вот теперь, — сказал Тарас, — скоммуниздили по-настоящему.

Глава сто девяносто восьмая

Мир соглашается на драконов

После освобождения Огнедышки мир пришлось собирать заново.

Начали с завтра. Инкассаторы доставили его из Москвы в 1997 год, но при выгрузке обнаружилась лишняя пятница.

— Вернуть отправителю, — решил Броневилов.

— Оставьте, — попросил лаборант. — У нас отчётность.

Пятницу разделили пополам. Одну половину передали ВГТУ, вторую вернули Москве. С тех пор в обоих местах после обеда время шло медленнее, но никто не стал жаловаться.

Профессора Хронопятовы вошли в одну временную камеру и вышли одним человеком. Он выглядел старше молодого, моложе старого и точно знал, куда положил очки, хотя очков было две пары.

— Парадокс устранён, — объявил он. — Неприятные воспоминания оставлены для научной работы.

Драконы заняли пустовавший участок времени между мифами и расписанием поездов. Реальность согласилась признать их при условии регистрации, ветеринарного осмотра и запрета парковаться на крышах.

Горислава подписала договор когтем.

— Огонь разрешён?

— В специально отведённых местах.

— Где они?

— Пока не отведены.

— Тогда будем считать специально отведённым всё время драконов.

Чиновник хотел возразить, но Вопрос спросил его, где заканчивается время драконов. Чиновник ушёл согласовывать границу и больше не вернулся.

В комнате читателя экран погас сам. Человек открыл книгу и увидел, что страницы больше не тянут его внутрь.

— Всё? — спросил он.

— Почти, — ответил Пуаронов. — Мир спасён, но осталась формальность.

— Какая?

— Вернуть вас из списка действующих лиц в список читателей.

Пломбина приложила к его лбу печать «Свидетель». Наличных забрал одну лишнюю минуту удивления, Броневилов вернул стул к столу.

Гости один за другим вошли обратно в книгу. Последней остановилась Огнедышка.

— Вы ещё попросите продолжать? — спросила она.

Человек посмотрел на слово, которое исчезало с экрана.

— Когда-нибудь. Но не потому, что ты мне принадлежишь.

— Тогда можно.

Она закрыла страницу с внутренней стороны.

Глава сто девяносто девятая

Дело закрыто с оговорками

Суд над Точкиным состоялся в актовом зале ВГТУ, потому что только там нашлось достаточно кресел для людей, драконов и временных обстоятельств.

Редактор был суров, вооружён красным карандашом и не признавал смягчающих наречий.

— Подсудимый признаёт вину?

— Частично, — сказал Точкин.

Редактор зачеркнул «частично».

— Признаёт.

Наказание назначили подходящее: Григорий Последович должен был заведовать не окончаниями, а точками с запятой. Их было достаточно много, чтобы он чувствовал власть, и достаточно мало, чтобы мир не пострадал.

Вонаруап отказался возвращаться в зеркало.

— Я слишком долго был отражением чужого метода.

Пуаронов протянул ему лупу.

— Тогда станьте коллегой. Только подозреваемых будем делить поровну.

— А гонорар?

— Подозреваю, его нет.

Они пожали руки и немедленно начали спорить, кто первым заподозрил Точкина.

Московские инкассаторы составили акт о завершении перевозки. В графе «Содержимое» значилось: «Одна девочка — самой себе; одно завтра — миру; три дракона — по месту требования; одна бесконечность — отправителю».

— Недостача, — сказал Наличных. — Не хватает двух чемоданов.

Все посмотрели на Тараса.

— Нельзя же человеку выйти из приключения совсем без сувенира, — обиделся он.

Чемоданы вернули. Один оказался пустым. Во втором лежало слово «послезавтра».

— Это не наше, — сказал Броневилов.

— Теперь моё, — обрадовался Тарас.

Эраст и Вера нашли Огнедышку на ступенях университета. Она кормила Вопросы булочкой и заполняла заявление.

— Куда? — спросил Эраст.

— В ВГТУ.

— Учиться?

— Пока посмотреть. Мне три дня до драконов и двадцать девять лет после людей. Надо понять, на какой курс меня возьмут.

Вера обняла её.

— А жить где будешь?

Огнедышка посмотрела на Эраста.

— Там, где меня не будут учитывать как имущество.

— У нас даже ложки не учтены, — заверил он.

— Я проверял, — добавил Тарас. — Две уже проданы.

Глава двухсотая

Финал, который никто не смог украсть

Через неделю мир выглядел почти обычным.

В Москве снова были пробки, в Воронеже — занятия, во времени драконов — драконы. Это сочетание признали устойчивым и временно не стали улучшать.

Огнедышка поселилась у Эраста и Веры в комнате, которую раньше называли кабинетом, а теперь называли «не входить без стука». На двери она повесила три таблички:

«Огнедышка».

«Не ОД-1».

«Пожарный выход там».

По утрам она ездила в ВГТУ. Профессор Хронопятков читал ей физику времени, Горислава — историю драконов, а лаборант учил главному университетскому искусству: находить нужный кабинет после того, как его перенесли.

Эраст вернулся к своим записям. Вера следила, чтобы он не подписывал документы из будущего до завтра. Пуаронов и Вонаруап открыли сыскное бюро «Причина и отражение».

Первым клиентом стал человек, у которого пропала уверенность. Её нашли у Тараса и вернули за вознаграждение.

Сам Тарас Ананиевич основал предприятие «Послезавтра». Оно продавало сроки тем, кому не хватало сегодняшних. Предприятие быстро стало прибыльным, потому что товар не требовалось поставлять немедленно.

Московские инкассаторы раз в месяц приезжали проверять, на месте ли завтра. Они пили чай, пересчитывали драконов и ставили пломбу на холодильник, чтобы Тарас не вывозил продукты в прошлое.

Точкин присылал открытки. На каждой была только точка с запятой; редактор разрешал ему одну в неделю.

Однажды вечером все собрались за столом. За окном Горислава училась парковаться между домом и закатом. Вопрос спал на крыше. Начала сидела на трубе и следила, чтобы ночь началась вовремя.

На столе лежала законченная рукопись.

— Ну что, — сказал Эраст. — Мир спасён.

— С оговорами, — заметил Пуаронов.

— Огнедышка скоммунизжена, — сказал Тарас.

— Освобождена, — поправила Вера.

— Это менее продаваемое слово.

Огнедышка взяла перо. На последнем листе оставалось место для одной подписи.

— Чьей? — спросил Эраст.

— Моей.

Она написала своё имя. Не шифр, не номер проекта и не адрес получателя — просто «Огнедышка».

Рукопись тихо закрылась.

Ничего не исчезло.

Дом остался домом. Драконы — драконами. Завтра лежало впереди и впервые никому не принадлежало.

На обложке под названием появилась мелкая приписка:

«Огнедышка скоммуниздила себя сама».

Тарас посмотрел на пустое место для даты.

— Ничего, — сказал он. — Завтра оформим.

И на этот раз завтра наступило.

Эпилог

Через год и три дня после драконов

Ровно через год после того, как завтра всё-таки наступило, оно не пришло.

Эраст Акакиевич заметил это первым. Он проснулся, посмотрел на часы и увидел вчерашнее число. Часы выглядели виноватыми, но показаний не давали.

Он проверил календарь. Календарь тоже остался во вчера и на всякий случай объявил выходной.

За окном стояло то же утро, что и накануне: тот же голубь сидел на том же карнизе, тот же сосед тщетно пытался завести автомобиль, а Горислава в третий раз пролетела мимо окна и в третий раз не вписалась в поворот.

— Вера, — осторожно сказал Эраст. — У нас опять не наступило завтра.

— Я знаю, — ответила Вера из кухни. — Чайник уже второй раз закипел одним и тем же кипятком.

Огнедышка вышла из своей комнаты с рюкзаком ВГТУ на плече. За год она почти не изменилась внешне, зато научилась смотреть на взрослых так, что они сами вспоминали, где ошиблись.

— Я опоздаю на экзамен, — сказала она.

— Если завтра не наступило, экзамен тоже не наступит, — заметил Эраст.

— Вы плохо знаете образование. Экзамен наступает даже тогда, когда не наступает ничего остального.

В дверь позвонили.

На пороге стояли Московские инкассаторы. Броневилов держал опечатанный термос, Наличных — ведомость, Пломбина — пломбу, снятую с самого утра.

— Проверка сохранности завтрашнего дня, — объявил Броневилов.

— Не сохранился, — сказал Эраст.

— Мы заметили.

Наличных раскрыл ведомость.

— Вчера в двадцать три часа пятьдесят девять минут завтра находилось на месте. В ноль часов ноль минут место оказалось, а завтра — нет.

— Следов взлома? — спросила Вера.

— Следы есть. Взлома нет.

Пломбина показала тонкую полоску бумаги. На ней было написано:

«Получено в исправном состоянии. Обязуюсь вернуть послезавтра».

Под текстом стояла подпись Тараса Ананиевича Тюлькина.

Эраст закрыл глаза.

— Я даже не удивлён.

— Это плохо, — сказал Броневилов. — Удивление входит в обязательный перечень реакций при хищении времени.

Огнедышка взяла расписку.

— Здесь не его почерк.

— Почему? — спросил Наличных.

— Тарас никогда не пишет «обязуюсь вернуть». Он пишет «возврат предполагается при благоприятном стечении кредиторов».

Эраст посмотрел на неё с уважением.

— Позвать Пуаронова?

— У меня экзамен по теории временных систем через сорок минут, — ответила Огнедышка. — Поэтому сначала разберёмся сами. Сыщики любят думать долго, особенно когда им платят за час.

Она положила расписку на стол, понюхала и слегка подогрела дыханием. Между строк выступили серые буквы:

«Бюро точек с запятой. Г. П. Точкин».

— Он сбежал? — спросила Вера.

— Нет, — ответила Пломбина. — По документам он отбыл наказание позавчера, которое пока не наступило.

Огнедышка надела куртку.

— Значит, поедем в ВГТУ. Если пропало завтра, искать надо там, где его однажды уже разгружали.

— В Воронеж? — спросил Эраст.

— В сегодняшний Воронеж. Он ближе.

Горислава опустилась возле дома. За год ей официально выделили место для парковки, но она принципиально садилась рядом: выделенное место оказалось платным.

Инкассаторы погрузились в бронированный автомобиль. Эраст, Вера и Огнедышка сели на драконицу. Через несколько минут обе машины времени выехали из Москвы в разных направлениях и прибыли в Воронеж одновременно.

У главного корпуса ВГТУ было людно. Студенты спешили на занятия, преподаватели — со занятий, а один декан стоял между ними и пытался выяснить, кто составил расписание, в котором пятница начиналась в понедельник.

Профессор Хронопятов встретил гостей у лаборатории. За прошедший год он окончательно привык быть одним человеком, хотя иногда по старой памяти спорил сам с собой и требовал предоставить второму участнику дискуссии отдельный стул.

— Завтра исчезло? — спросил он.

— Вы знали? — удивился Эраст.

— Нет. Но сегодня уже третий раз идёт одна и та же первая пара. Студенты впервые выучили материал, и это показалось мне подозрительным.

Они спустились в подземную лабораторию. Машина, когда-то создавшая Огнедышку, работала. На её экране повторялась фраза:

«ЗАВТРА НЕ ГОТОВО. ПРОДОЛЖИТЬ СЕГОДНЯ?»

Рядом сидел Точкин и аккуратно расставлял точки с запятой в инструкции по эксплуатации.

— Я ничего не крал, — сказал он прежде, чем его успели обвинить. — На этот раз.

— Почему расписка подписана вашим учреждением? — спросила Огнедышка.

— Потому что без точки с запятой фраза звучала бы угрожающе: «Верну нельзя оставить».

— А с точкой с запятой?

— Всё равно угрожающе, но официально.

Точкин показал журнал. Ночью в лабораторию действительно приходил Тарас Ананиевич. Он предъявил слово «послезавтра», найденное год назад в чемодане, и попросил обменять его на два завтра с доплатой.

— Я отказал, — сказал Точкин. — Тогда он поинтересовался, нельзя ли взять завтра напрокат для демонстрации инвесторам.

— И вы дали?

— Я заведу пунктуацией, а не здравым смыслом.

Из-за установки высунулась голова Тараса.

— Не надо преувеличивать, — сказал он. — Завтра никуда не пропало. Оно временно участвует в презентации.

— Где? — спросили все.

— Послезавтра.

— Как вы туда попали?

— По приглашению.

Тарас достал золотистую карточку. На ней значилось:

«Первый международный форум отложенных возможностей. Вход сегодня. Начало потом».

— Инвесторы хотели увидеть товар, — объяснил он. — Я показал им завтра. Они заинтересовались и попросили оставить образец до принятия решения.

Броневики медленно снял перчатки.

— Вы передали завтрашний день неизвестным лицам без описи?

— Лица известные. Очень представительные. У одного даже было три будущих.

— Где проходит форум?

— Я же говорю: послезавтра.

Профессор Хронопятов изучил карточку.

— Попасть туда можно только из завтра. А завтра находится там.

— Замкнутый маршрут, — одобрил Наличных. — Наш профиль.

— Нет, — сказала Огнедышка. — Не замкнутый. У нас есть человек, который родился до времени драконов, учится в настоящем и однажды уже вышел за пределы собственной истории.

Все посмотрели на неё.

— Опасно, — сказал Эраст.

— Конечно. Иначе вы бы пошли сами.

— Я пойду с тобой.

— Тогда будет вдвое опаснее.

Вера молча протянула Огнедышке шарф. За год она поняла, что запретить девочке идти невозможно, зато можно проследить, чтобы та не простудилась между эпохами.

Машина открыла проход в послезавтра.

Оно оказалось огромным выставочным залом. На стендах продавали будущие профессии, ещё не изобретённые приборы и обещания, которые пока не успели нарушить. Посетители ходили в дорогих костюмах и выбирали себе последствия.

В центре зала под стеклянным колпаком лежало завтра. Рядом стояла табличка:

«Уникальная возможность начать новую жизнь. Стартовая цена — одна прожитая».

— Они продают не день, — сказала Огнедышка. — Они продают надежду, что человек завтра станет другим.

Тарас поправил воротник.

— Очень перспективный рынок.

— Ты отдал им настоящее завтра ради рекламы будущего?

— Временно.

— Тогда временно помолчи.

К ним подошёл распорядитель форума. Его лицо всё время менялось: то становилось моложе, то старше, то принимало выражение человека, который уже знает курс валют на следующей неделе.

— Экспонат не возвращается, — сказал он. — На него сделана ставка.

— Кем?

— Всеми, кто недоволен сегодня.

Вокруг колпака стояли тысячи прозрачных фигур. Каждый человек хоть раз думал: «Вот завтра и начну». Эти мысли собрались в послезавтра, выросли и теперь держали завтрашний день крепче любого замка.

— Если мы заберём его силой, — сказал профессор Хронопятов, — люди потеряют надежду.

— Если оставим, они никогда не начнут, — ответила Огнедышка.

Распорядитель улыбнулся всеми возрастами сразу.

— Выбор за вами. Вы ведь специалист по освобождению того, что принадлежит само себе.

Огнедышка подошла к колпаку.

Год назад ей пришлось сказать «хватит», чтобы перестать быть чужим продолжением. Теперь перед ней лежало завтра — такое же чужое обещание, на которое каждый заранее возложил слишком много.

Она постучала по стеклу.

— Ты хочешь вернуться?

Завтра было всего лишь днём и говорить не умело. Но под колпаком взошёл маленький рассвет.

— Это считается согласием, — заявил Броневинов.

— Только после подписи, — возразил Наличных.

— У дня нет рук.

— Значит, отпечаток солнца.

Пломбина уже доставала бланк.

Распорядитель поднял ладонь.

— Ставка сделана. Чтобы освободить завтра, необходимо вернуть каждому вложенную надежду.

— Сколько их? — спросил Эраст.

— Все.

Тарас быстро подсчитал в уме и погрузился.

— Невыгодно.

Огнедышка посмотрела на прозрачные фигуры.

— А надежду возвращать не надо. Надо перенести срок исполнения.

— На когда? — заинтересовался Тарас.

— На сегодня.

Она вдохнула и выпустила пламя. Огонь прошёл по залу, не обжигая людей. Он сжигал только первое слово в каждой мысли:

«Завтра начну» превращалось в «Начну».

«Завтра скажу» — в «Скажу».

«Завтра решусь» — в «Решусь».

Прозрачные фигуры становились плотными и одна за другой исчезали из послезавтра, возвращаясь к своим владельцам. Кто-то немедленно встал с дивана. Кто-то позвонил человеку, которому боялся позвонить. Кто-то открыл первую страницу давно задуманной книги. Один мужчина начал делать зарядку, но через две минуты решил, что для первого раза достаточно. Это тоже было движение.

Стеклянный колпак треснул.

Завтра поднялось над стендом и расправилось, как огромное светлое крыло.

Распорядитель попытался удержать его ценником.

Московские инкассаторы шагнули вперёд.

— Ценность следует с нами, — сказал Броневилов.

— На каком основании?

Пломбина показала бланк. Внизу золотел круглый отпечаток солнца.

— Получатель согласен.

Наличных сложил завтрашний день в термос. Он поместился целиком, только рассвет остался снаружи и освещал дорогу.

— А мои инвесторы? — спросил Тарас.

— Получили продукт, — сказала Огнедышка. — Возможность начать сегодня.

Тарас задумался.

— Это можно продавать дороже.

— Попробуй — и я снова сожгу первое слово. Вместе с названием твоей фирмы.

— Молодёжь совершенно не уважает предпринимательство.

Они вернулись в лабораторию за минуту до того, как вчера должно было закончиться. Инкассаторы открыли термос и выпустили завтра. Оно разлилось по коридорам ВГТУ, вышло на улицу, докатилось до Москвы и встало на своё место.

Календари перевернули страницы. Часы пошли вперёд. Голубь на карнизе наконец улетел. Сосед завёл автомобиль и тут же обнаружил, что ехать ему некуда.

— Экзамен! — вспомнила Огнедышка.

Она ворвалась в аудиторию на сорок одну минуту позже срока.

Преподаватель посмотрел на часы.

— Причина опоздания?

— Возвращала завтра.

— Подтверждение есть?

Броневинов положил на стол акт приёма-передачи. Наличных приложил ведомость. Пломбина опечатала журнал посещений.

Преподаватель прочитал документы и вздохнул.

— Хорошо. Отвечайте билет. Что такое замкнутая временная система?

Огнедышка посмотрела на профессора Хронопятова, на инкассаторов, на Тараса, который уже предлагал однокурсникам недорогие дополнительные минуты, и на Эраста с Верой, ожидавших у двери.

— Это система, — сказала она, — в которой все уверены, что выход находится завтра.

— А где он находится на самом деле?

— Сегодня.

Преподаватель поставил «отлично».

После экзамена они вернулись домой. Вечером на кухне снова собралась вся компания. Пуаронов и Вонаруап прибыли с опозданием: расследовали исчезновение завтра и успели независимо друг от друга обвинить календарь, термос и четверг.

— Дело раскрыли без нас? — огорчился Пуаронов.

— Не раскрыли, а закрыли, — сказала Огнедышка.

— Кто виноват?

Дракон Вопрос поднял голову с крыши и строго посмотрел в окно.

Пуаронов поправился:

— Что сделали?

— Вернули людям сегодня.

Тарас разлил чай.

— И потеряли прекрасную деловую модель.

— Ты украл завтра, — напомнил Эраст.

— Взял на демонстрацию.

— Без разрешения.

— Разрешение собирался получить завтра.

Все посмотрели на него.

— Что? — спросил Тарас. — Оно же теперь наступило.

За окном Воронеж зажигал вечерние огни, Москва готовилась к утренней пробке, а время драконов двигалось своим ходом. Мир снова был спасён, хотя на этот раз почти никто этого не заметил.

Огнедышка открыла законченный экземпляр книги. После двухсотой главы появился эпилог, которого раньше не было. На последней странице проступила строка:

«Продолжение возможно».

Она взяла перо и дописала:

«Но не обязательно».

Потом подумала и поставила точку сама.

Точка осталась на месте.

Это был хороший знак.